

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
по уголовному делу № 1-23/10

27 октября 2010 года – 11 часов 00 минут.

Судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – явилась.

Защитник Москаленко К.А. – явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – не явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – не явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели – не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения

судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки. Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, я в соответствии с тем правом, которое мне предоставлено законом, хотел бы сам поучаствовать в прениях. И поэтому, если не возражаете, я начну. Уважаемый суд, уважаемые оппоненты, адвокаты и уважаемые граждане присутствующие! Процесс продолжается достаточно долго, все, естественно, устали, Ваша честь, я понимаю, как устали Вы в течение почти двух лет слушаний, осталось вроде как не очень много. Начну я с того, что услышал в прениях. Я должен сказать, что, конечно, не очень легко было воспринимать выступление наших оппонентов в прениях, технологию эту журналисты назвали «госпошитово», и уж тем более было сложно, поскольку использовано огромное количество таких, вне юридических, но маскирующих реальный смысл сказанного терминов типа «фиктивный», «подложный», «подставной», и так далее. Помимо этого, естественно, были даны оценки, в том числе мне – «ложь» и, вот что мне особенно понравилось, я получил даже удовольствие, «подрыв устоев». Я себя так высоко не оценивал, как человека, способного подорвать устои, но если уважаемые люди так говорят, принимаю. Я постараюсь, уважаемый суд, занять не так много времени, хотя все равно это займет время. Я буду обращать внимание суда на определенные аспекты. Но слова «обращаю особое внимание» я скажу всего пять раз. И поэтому, Ваша честь, я просил бы на эти аспекты, действительно, обратить Ваше особое внимание. Начну я с того, что доказали уважаемые оппоненты в ходе прений. Они тщательно доказали, что я и мои коллеги владели компанией «GML» или «Group Menatep Limited». Эта компания существует и по сей день, судится с Российской Федерацией в международных судах. Я это говорю к тому, что ее реальное существование, легальное существование прошло апробацию в ряде судов и всеми признано. Эта компания, «Group Menatep Limited», в свою очередь, владела контрольным пакетом акций «ЮКОСа», это наши оппоненты тоже убедительно доказали. Мы, акционеры этой компании, «Group Menatep Limited», обсуждали свои деловые интересы на своих заседаниях, даже с ведением протокола. Эти протоколы тоже наши оппоненты продемонстрировали. Также они доказали, что «ЮКОС», в свою очередь, владел сначала контрольными, а потом стопроцентными пакетами акций дочерних добывающих компаний и «Восточной нефтяной компании». Они доказали, что взятые на покупку этих активов кредиты в иностранных и российских банках компания «ЮКОС» выплачивала. А те акции собственно самой компании «ЮКОС», которые акционеры «ЮКОСа» отдали под залог вот этих вот

кредитов, предоставленных «ЮКОСу», компания «ЮКОС» потом вернула этим самым владельцам, ну, в том числе и мне. Это все доказано. Оппоненты доказали, что добывающие предприятия ЮКОСа и собственно «Восточная нефтяная компания» продавали нефть, продавали акции, делали они это с согласия «ЮКОСа» – своего основного, а затем и единственного акционера, они получали выручку, прибыль, расширяли производство. Это все, так сказать, очень убедительно доказано в ходе суда. Также доказано, оппоненты это, опять же, подтвердили в прениях, что «ЮКОС», его торговый блок, покупали и продавали нефть и нефтепродукты, получали выручку, размещали временно свободные средства, использовали их в хозяйственной деятельности, то есть вкладывали в производство, новые активы, и выплачивали дивиденды акционерам. Также было доказано, что я руководил «ЮКОСом», сотрудники компании подчинялись мне, а также своим непосредственным руководителям и действовали в рамках своих должностных инструкций, обязанностей. О моих полномочиях как руководителя «ЮКОСа» в обвинительном заключении говорится вполне уверенно, но мои оппоненты в пятницу, 22 октября, что-то замечались, засомневались и, честно сказать, даже я растерялся – ну, потому что, будучи членом совета директоров «ЮКОСа», председателем исполнительного комитета «ЮКОСа», председателем совета директоров управляющей компании «ЮКОС Москва», председателем совета директоров «ЮКОС ЭП» и «ЮКОС РМ», мне как-то в своих полномочиях руководителя «ЮКОСа» никогда не приходило в голову усомниться. Ну, потом наши оппоненты опять выкрутили, уже в самом конце пятницы, на то, что свои действия я совершал с использованием служебного положения. То есть вроде как вернулись к первоначальному, что какое-то служебное положение у меня все-таки было. Об этом тоже. Также было доказано, что решениями судов, вступившими в законную силу, установлено – «ЮКОС» становился собственником всей добытой нефти, покупаемой у своих дочерних предприятий. Также – и здесь уже некоторая юридическая логика, Ваша честь, я думаю, она достаточно очевидна – обвиняя меня в присвоении с использованием служебного положения, оппоненты тем самым презюмировали, что я законный владелец акций «ЮКОСа», имеющий исполнительные полномочия в «ЮКОСе», а не просто член совета директоров и акционер, что «ЮКОС» законный владелец акций добывающих «дочек», включая «Томскнефть», что исполнительный орган, «ЮКОС ЭП», законно назначен и законно взял полномочия своим представителям, подписавшим договоры. А договоры и есть способ распоряжения вверенным имуществом. Юридическая логика однозначно говорит, что это именно так. Иначе обвинение в присвоении с использованием служебного положения в принципе было бы невозможно. Должен сказать, что я согласен с доказанными фактами. Если это мое признание, то это признание в обычной, нормальной хозяйственной деятельности, которую в виде обвинительного заключения можно представить только по заказу. Были в выступлениях моих оппонентов и определенные шероховатости. Главное – они призывали суд, Вас, Ваша честь, признать решения других судов, установивших ряд фактических обстоятельств, принятыми под влиянием обмана или неполного анализа ситуации. Я вообще был бы согласен, чтобы Хамовнический суд поддержал наших оппонентов в этой части. Я даже, если вспомните, перед переходом к прениям просил уважаемых оппонентов внести так называемое представление на отмену упомянутых судебных решений. Почему? Ну, экономически мне выгодно непризнание судебных решений, приведших к банкротству компании «ЮКОС», потому что в этом случае как ее акционер, я, в общем, имею право рассчитывать на весьма значительное возмещение. Но наши оппоненты не стали писать представление, не принесли его сюда. А Хамовнический суд пока не назначен надзорной инстанцией, так что эту задачу в этом суде решить невозможно. Более того, даже если решения каких-то судов в части установления фактических обстоятельств покажутся Хамовническому суду противоречивыми, он и то не сможет их не признать.

– теперь такая вот у нас 90 статья УПК РФ. Такая ситуация станет типичным случаем неустраняемого противоречия, ну, или неустраняемых сомнений, которые статья 14 УПК Российской Федерации обязывает суд трактовать в пользу подсудимых. Второе. Не менее беспомощно, на мой взгляд, выглядели ссылки оппонентов на приговор Мещанского суда, будто бы установившего, что мы с Платоном Лебедевым признаны виновными в хищении имущества «Апатита». Уважаемый господин Шохин, присутствующий в этом процессе, лично присутствовал также в кассационной инстанции Московского городского суда, где приговор в этой части был изменен. Ну, нет такого приговора, хищение имущества «Апатита». Зачем наводить вот в таком элементарном вопросе тень на плетень, я просто не понимаю. Также я не очень понимаю, зачем противопоставлять мои показания в Мещанском суде о том, что я лично не занимался отчетностью структур типа «Митра», и тому подобных, не контролировал их, я лично, тому установленному факту, что эти структуры входили в периметр консолидации «ЮКОСа». Ну, глупо. Мелкие структуры в составе компании, которыми занимались люди на гораздо более низких этажах управления, чем я. И уж совсем, Ваша честь, мне не понравилась попытка опорочить моих адвокатов утверждениями, что они в 2004 году в разговоре со мной и Платоном Лебедевым получили поручение отмывать деньги через компанию «YUKOS Capital S.a.r.l.» путем выдачи кредитов добывающим «дочкам» «ЮКОСа» денежки. Ну, само по себе это, вообще-то, звучит смешно, но, тем не менее. И что они передали это поручение адвокату Ивлеву и казначеям «ЮКОСа». Здесь затрагиваюсь не только я, здесь затрагиваются уважаемые и ничем себя не опорочившие люди. И чтобы доказать подобное утверждение, насколько я вообще понимаю, то есть, по сути, обвинить людей в сговоре и совершении тяжкого преступления, необходимо иметь показания участников предположительных разговоров. Ну, или хотя бы тех людей, которым участники эти разговоры передали. Ничего подобного суду не представлялось, Вы знаете. Я тщательно проверил единственную содержательную ссылку, сделанную обвинением. Это ссылка на расшифровку записи переговоров юристов Гололобова и Бахминой, обсуждавших свои проблемы и проблемы коллег. Других содержательных ссылок не было. Нельзя же считать содержательным доказательством выписки того, сколько раз ко мне в СИЗО приходили адвокаты. Много раз приходили, и до сих пор приходят. Что тут такого? Так вот, на шестидесяти страницах этой расшифровки моя позиция упомянута дважды. На странице 17 говорится о том, как я, разговаривая со своим адвокатом, просил его все-таки привести свидетеля, который, вместо того чтобы прийти в суд в первый процесс, собрался уехать за границу. Цитирую: «Так нельзя, ты с ним поговори и с ним реши». Это первая содержательная ссылка на меня. И вторая, там, где юристы обсуждают, не будет ли моей линией защиты ссылка на то, что все было подготовлено юридическим управлением компании. Итак, страница 50, цитируют меня: «Мы делаем все, что можно, нужно, что от нас зависит. Независимо от чьей-либо позиции мы не будем давать в обиду и не будем ничего сваливать, и вообще совершенно не планируется, не планировалось, и не будет планироваться». Ваша честь, вот на основании этих цитат Вам предлагается еще раз как бы обвинить уважаемых людей в том, что они соучаствовали в отмывании денежных средств. Напомню, сама запись от суда скрыта. Убежден, оппоненты полагают, что Вы не станете читать расшифровку. А Вы, Ваша честь, обманите их ожидания и прочитайте. Иначе получится неудобно. Потому что наши оппоненты сами не решились за прошедшие с того момента шесть лет даже обратиться в адвокатскую палату с представлением на адвокатов, если они считают, что те преступления-то совершили. Не хотят глупо выглядеть, потому что они знают – адвокатская палата прочитает. Теперь они подставляют Вас. Надо заметить, особенно нелепо это выглядит, поскольку руководство компании «ЮКОС», включая тогдашнего председателя совета директоров господина Геращенко, не отказываются от этого решения и не ссылаются на меня. Да и

суды, включая голландский, в этом самом кредите криминала не увидели. Более того, Ваша честь, компания «Роснефть» решения судов признала и исполнила – кредит вернула. К слову, если прочитать решение голландского суда, оно имеется в материалах дела, то видно, что кредит пришлось платить не потому, что «YUKOS Capital S.a.r.l.» перестала быть частью «ЮКОСа», как раз в отношении этого голландский суд очень понятен, он считает эту компанию принадлежащей всем акционерам «ЮКОСа», а потому, что ссудополучатель, «Юганскнефтегаз», был выведен из периметра консолидации «ЮКОСа» с помощью «Байкалфинансгруп». Вот именно поэтому пришлось платить кредит. Ваша честь, я могу продолжить про другие шероховатости, которые были в прениях, но не буду, там их страниц на четыреста. Я уверен в квалификации суда, что полную ерунду Вы переписывать в приговор не станете, тем более, что, в общем, эта ерунда лишь маскирует суть. А суть позиции оппонентов, она очень позитивна для нас с Платоном Леонидовичем. Так что я вот сразу перейду к сути и начну с нескольких примеров из прений. Я эти примеры буду цитировать, поскольку нам не дали текста, у нас есть расшифровка, того, что говорили уважаемые прокуроры. Я буду ссылаться на дату, фамилию сказавшего прокурора и на страницу по нашей расшифровке. Итак, вот что сказали уважаемые прокуроры о таком признаке, обязательном признаке хищения, как безвозмездность. Вот теперь я в первый раз прошу, Ваша честь, обратить особенное. Некие доказательства подтверждают вину подсудимых в практически безвозмездном переводе нефти «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти». Это сказал прокурор Смирнов, страница 2, 19 число. «Практически безвозмездно». Закон вообще требует полную безвозмездность. Но что такое в нашем случае «практическая безвозмездность», сказано в постановлении о привлечении нас в качестве обвиняемых. Это – на секундочку – 400 с лишним миллиардов рублей. Ну, и для сравнения, это бюджет города Москвы. Вот это «практическая безвозмездность». Далее, про безвозмездность же, цитирую уже господина Лахтина со страницы 29, 22 октября: «Материалами дела доказано, что под видом оплаты за нефть в добывающие предприятия поступали денежные средства для обеспечения дальнейшей добычи нефти». Вот это про безвозмездность. Далее, про преступность роста капитализации, это господин Смирнов, страница 53, 21 число: «Распределение получаемой от реализации нефти прибыли ОАО НК «ЮКОС», зафиксированное в консолидированном отчете этой компании, позволило Ходорковскому и Лебедеву повышать котировки акций ОАО НК «ЮКОС» на международном рынке, продавать эти акции и таким образом обогащаться за счет прибыли, принадлежащей всем акционерам. Далее, уважаемая госпожа Ибрагимова, страница 55, 21 число: «Нераспределенная часть прибыли ОАО НК «ЮКОС» среди его акционеров влекло увеличение нераспределенной прибыли, капитализации компании и как следствие к росту стоимости акций ОАО НК «ЮКОС» на рынке». Я вот в этом виноват. Далее, что говорили уважаемые прокуроры про свидетелей. Господин Лахтин, страница 17, 22 число: «Показания свидетелей о... Вот здесь просто обратите внимание, любопытно: «Показания свидетелей о переводе основной части прибыли в центр холдинга недостоверны и мотивируются тем, что они получали бонусы за перевод (чего бы Вы думали?) основной части прибыли в центр холдинга, оттуда и получали вознаграждение». Далее. Лахтин же, 22 число. Госпожа Лысова, главный редактор «Ведомостей», «не была очевидцем присвоения нефти Ходорковским и Лебедевым, поэтому ее показания расцениваются как недостоверные». Лахтин же, 22 страница, 22 число. «Показания Геращенко», это председатель Центрального Банка Российской Федерации, бывший председатель совета директоров НК «ЮКОС», «оцениваются как недопустимые, поскольку очевидцем присвоения и легализации он не являлся». Хоть один свидетель у нас за все время процесса, Ваша честь, сказал Вам, что являлся очевидцем присвоения и легализации? Теперь про судебные решения. Госпожа Ибрагимова, страница 39, 22 число. «Решениями судов установлено, что

собственником добываемой «Юганскнефтегазом», «Самаранефтегазом» и «Томскнефтью» являлось ОАО НК «ЮКОС». Она же, там же, чуть ниже: «В решениях судов отсутствуют утверждения о том, что нефть была собственностью ОАО НК «ЮКОС». Она же, на одну страницу дальше, тогда же: «Из решений арбитражных судов следует, что нефть перешла в фактическую собственность ОАО НК «ЮКОС», однако юридическим собственником», вот здесь вот интересно, «почти она не являлась». Далее, опять госпожа Ибрагимова, страница 42-43, 22 число: «ОАО НК «ЮКОС» и другие юридические лица, через которые организованная группа перемещала», я так понял, нефть, «и средства, добытые преступным путем, были добросовестными приобретателями этого имущества. Указанные лица, как добросовестные приобретатели, имели все предусмотренные законом права на имущество». Об аудите. Прокурор Смирнов, страница 11, 22 число: «Доказано, ни в Интернете, ни в других публичных источниках информации консолидированной финансовой отчетности ОАО НК «ЮКОС» не публиковалось». Речь у нас шла, напомню, о консолидированной прибыли. Напомню выступление главного редактора «Ведомостей», напомню общеизвестный факт, что «ЮКОС» был признан в 2002 году лучшей компанией по раскрытию отчетности, а рейтинг имел – на секундожку – присваиваемый на основании этой самой отчетности, выше суверенного. Но дальше идет разъяснение, а почему же они так считают. Это господин Лахтин, страница 51, 22 число: «Ходорковский лжет, заявляя, что консолидированную отчетность «ЮКОСа» мог понять любой заинтересованный в этом человек с приглашением соответствующего специалиста в области корпоративной финансовой отчетности и аудита». Ваша честь, я, наверное, действительно погорячился, говоря слово «любой», поскольку позицию господина Лахтина я тогда еще недоучитывал. Не любой – почти любой образованный человек способен. И, наконец, о прибыли «ЮКОСа» и нашем корыстном интересе. Ну, вот это вот самое лучшее. Страница 54-55, господин Лахтин, 22 число, я ему за это все простил: «Сторона обвинения не оспаривает приобретение («ЮКОСом», имеется в виду) таких активов, как «Арктикгаз», «Роспан», «АНХК», ну, и дальше перечисление, «так как они отражены в отчетности «ЮКОСа». Не оспаривает, что часть полученных средств были направлены на капитальные вложения и выплату дивидендов акционерам «ЮКОСа», расходовались на приобретение производственных активов, освоение месторождений, реконструкцию производственных мощностей. Расходовались средства ОАО НК «ЮКОС» и на приобретение акций «ВНК», «Томскнефти», «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза», а также «Сибнефти». Эти расходы подтверждены материалами уголовного дела», а дальше действительно интересно, «но это не противоречит предъявленному обвинению, а подтверждает его, так как увеличение объемов производства компании соответствовала их (имеется в виду, организованной группы) корыстным стремлениям получать все больше прибыли». На этом я цитирование прений заканчиваю, понимаю, это, скорее, развлечение, чем доказательство. Перехожу к сути. Некоторые эксперты, Ваша честь, и раньше говорили, что прокуроры играют на нашей стороне. Признаю, иначе объяснить то, что происходит, невозможно. Видимо, когда в 2006 году им поручили добавить нам с Платоном Леонидовичем срок, они решили не брать грех на душу. В результате нам предъявлено такое обвинение, что вынести законный обвинительный приговор абсолютно невозможно. На первой части обвинения, где говорится о хищении акций «дочек» «Восточной нефтяной компании», я даже останавливаться не буду. Следовательно, очевидно, специально приобщили к делу договоры мены акций с обратным выкупом. Приложили оценку обмениваемого в десятках миллионов долларов, приложили решение арбитражного суда тогдашнего, где оценка соответствует нашей. Сами приобщили, то есть, суд тогда решил, как оценивать акции, а Вам предложено сказать, что я должен был достоверно знать, что судебная оценка незаконна. Они приложили документы об исполнении договоров, включая – что для

меня было приятной неожиданностью – документы об обратном выкупе, произошедшем в 2001 году. Как после этого суд «законно и обоснованно» признает «безвозмездным и окончательным» отчуждение акций? Когда ни «безвозмездности», ни «окончателности»? А вторая и основная часть обвинения, о которой я буду дальше подробно говорить, это хищение всей нефти, добытой «ЮКОСом» за шесть лет. Короче всех суть обвинения сформулировала в прениях госпожа Ибрагимова, и это заметили журналисты из «РЕН-ТВ», поэтому я цитирую: «Ходорковский и Лебедев похитили всю нефть, добытую «ЮКОСом», путем ее покупки». А в пятницу, 15 октября, она добавила: «Путем приобретения «ЮКОСом». Ну, я думаю, любой юрист оценит сарказм этой формулировки. Я лично, Ваша честь, кроме этого также оценил добрую волю наших оппонентов, которые исключили из обвинения за 2001-2003 год всю нефть, кроме поставленной на экспорт. Замечу, что причина исключения юридического значения, как Вы прекрасно знаете, не имеет. Исключили, и исключили. Недоказанная виновность, согласно статье 49 Конституции и статье 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, есть доказанная невиновность. Я утверждал в суде, что мои действия по отношению к нефти правомерны. Обвинение само отказалось от права доказывать их неправомочность. Таким образом, суд имеет доказанную правомерность моих действий в отношении всей нефти, добытой в 2001-2003 году, кроме той, которая поставлена на экспорт. А вот здесь интересно. При сдаче нефти в «Транснефть», где нефти всех компаний смешивались, дальше уже их никак невозможно выделить, также технологически невозможно выделить нефть «для экспорта». Она как сдана единым «кирпичом», так она и, так сказать, перемешалась, и все. В договорах купли-продажи, которые тоже есть в материалах дела – вся нефть, добытая за месяц, шла одним «кирпичом», без выделения экспорта. Иногда было два акта за месяц, но при этом экспортная нефть нигде, кроме там 1998 года, «Томскнефти», не выделялась. Таким образом, все действия с нефтью совершались одинаково, в одно время, в одном месте, по одной цене, с теми же контрагентами, на скважине или на узле учета – это уже, так сказать, по-разному трактуется. Признав, что куплено и оплачено все, и одинаково, нелогично утверждать, что часть похищена, а часть нет. Ну, представьте себе обычную ситуацию: два хулигана, один другому кирпич продал, тот кирпич разломил и половину в окно закинул. Ну, к Вам их привели. И первый, не желая быть замешанным в этом деле, говорит: «Вы знаете, я кирпич-то, половину продал, а половину кирпича он у меня похитил». Что Вы спросите? «Кирпич целый был?» Целый. Ну, либо он весь кирпич купил, либо весь кирпич похитил. Третьего не дано. Поэтому, Ваша честь, я уж буду исходить из обвинения, что я похитил всю нефть, а там дальше уж, как Вы с этим кирпичом разберетесь. Как звучало первичное обвинение? «Похищено 350 миллионов тонн нефти». Сделана корректировка, я ее воспринял со слуха, поэтому где-то чуть-чуть ошибиться, ну, адвокаты меня поправят: «Похищено 218 миллионов тонн нефти». Как могла пропасть вся нефть, передаваемая производителем в трубопроводную монополию? В государственную трубопроводную монополию? Да так, чтобы десять лет этого никто не заметил. Вся нефть «ЮКОСа», Ваша честь, это 20 % общероссийской добычи. Почему я говорю про всю нефть? Смотрите: «Подсудимые совершили действия, направленные на хищение путем присвоения всей нефти, добываемой указанными акционерными обществами». Это прокурор Ибрагимова. И: «Ходорковскому было заведомо известно, что своими действиями по изъятию по трансфертным ценам всей добываемой нефти», и так далее. Опять же, прокурор Ибрагимова. Это уже после отказа от части обвинения, так что я говорю про всю нефть. Так вот, вся нефть «ЮКОСа» – это 20 % общероссийской добычи. Это железнодорожный состав, трижды огибающий землю по экватору. После корректировки – дважды, если это кажется более реалистичным. Что с этим делать суду? Сказать: «Да, похищено»? Как? У нас пока – включая прения – одни отрицания. Что они говорили? Не канистрами, не бочками, не по договорам. А как? Ответа нет.

Никаких практических действий, которыми можно было бы похитить нефть, не названо. Куда дели? Ответа нет. Каким образом столько лет скрывали от 150 тысяч сотрудников компании, от отраслевых аналитиков, от аудиторов, от Минобороны, ФСБ, прокуратуры, МВД, которые покупали топливо, изготовленное из этой нефти? Причем не на копейки, а миллионы тонн. Откуда у «ЮКОСа» огромная выручка – на секундошку – 55 миллиардов долларов, она, к слову, равна по цене произведенной и проданной нефти? Откуда эта выручка, если нефть-то похищена?! Почему с «ЮКОСа» истребовали дополнительно – я обращаю внимание, я не говорю про те налоги, которые «ЮКОС» платил сам по себе, это у нас уже сказано, это мы с целью сокрытия сделали – а дополнительно, как с него истребовали более 20 миллиардов долларов налогов, если нефть похищена? Как смогли получить с «ЮКОСа» эти налоги, если все похищено? Вопросы простые, а ответов-то нет. И как, не потеряв лицо, вынести обвинительный приговор? И что, Вы думаете, что прокуроры это не понимали? Да они квалифицированные люди, все они прекрасно понимают. В любом суде, руководствующемся презумпцией невиновности, отсутствие в обвинительном заключении ответов на такие простые и очевидные вопросы означает полное оправдание. В американском суде, на который я, честно сказать, никогда не ссылался, а вот господин Лахтин очень любит на него ссылаться, при таком обвинении не двадцать лет вынесли бы, как господин Лахтин сказал, а вот на этом бы месте меня бы судья прервал и сказал: «Достаточно! Окончено судебное разбирательство, а Вы, господин прокурор, задержитесь и получите обвинение в неуважении к суду, по крайней мере, а, может быть, и в фальсификации обвинительного заключения». Но в московском суде обычно действует презумпция, что следственные органы не ошибаются. И поэтому я продолжу дальше и обопрюсь на позицию именно следственных органов и тех свидетелей, которых привело обвинение. Дальше, пожалуйста. Конечно, и прокуроры и суд знают, изъятие, завладение нефтью виновным – обязательное условие хищения. Если нефть не оказалась, в конце концов, в незаконном владении у виновного, у похитителя, то хищения, хоть путем присвоения, хоть путем каким-либо и другим, не случилось. Ну, это подсказывает здравый смысл. Надо же, чтобы человек завладел тем, что он похищает, тогда можно сказать, что он похитил. Для тех, кто сомневается – Пленум Верховного Суда, все время буду ссылаться на один и тот же Пленум № 51 от 2007 года. На него ссылались и мои уважаемые оппоненты, так что здесь у нас никакого расхождения не будет. Итак, на этом Пленуме было сказано: «Хищение чужого имущества признается окончанным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного», ну, или там других лиц. Для случая присвоения – виновного. Это пункты 4 и, соответственно, для присвоения 19. Теперь посмотрим, что пишут уважаемые оппоненты: «Продукция нефтедобывающими предприятиями самостоятельно отгружалась непосредственно российским и зарубежным потребителям». Вот такое выражение повторено в обвинительном заключении минимум девять раз. Я, конечно, боюсь вызвать опять неудовольствие уважаемой госпожи Ибрагимовой, но позволю себе все-таки сказать, что для носителя русского языка очевидно, что «непосредственно» от того, кого называют потерпевшим, к тому, кого не называют похитителем, означает, что в промежутке больше никого нет, никакой организованной группы – русский язык другого понимания вот этой фразы не предусматривает. Далее, пожалуйста. Сошлюсь на приговор Басманного суда по делу Малаховского и Переверзина. «Нефть фактически реализуется самими добывающими организациями на экспорт, а также поступает от них нефтеперерабатывающим предприятиям ОАО НК «ЮКОС». Где здесь организованная группа? Вот куда ее здесь вставить? «Реализуется самими», «поступает от них». Это приговор, это фактическое обстоятельство, установленное решением суда. Хотя, на самом деле, не совсем точное, но неважно. Так вот, таких утверждений в приговоре – семь. А есть аналогичные решения и других судов по делу «ЮКОСа». Дальше, пожалуйста. Опять вернусь к

обвинительному заключению, страница 627: «ОАО НК «ЮКОС», начиная от добычи нефти, вплоть до ее отгрузки на экспорт или иным конечным покупателям, контролировала весь процесс ее перепродажи по цепи поставщиков и фактической транспортировки». Вот нас сейчас интересует «фактическая транспортировка». Ваша честь, я уже говорил, «ЮКОС» признан собственником нефти. Собственник, контролирующий процесс похищения, – такое бывает, ну, возможно, лишь при грабеже и разбое. Вот если мы вспомним знаменитого «Золотого теленка», да, там Паниковский, когда бежит с гусем, а за ним бежит собственник с группой поддержки, ну, если это можно назвать контролем за транспортировкой, вот такое я себе могу представить. Дальше, пожалуйста. Сошлюсь на любимого свидетеля обвинения, господина Рыбина, чьи показания под сомнение обвинением не ставятся, хотя они, на самом деле, Ваша честь, не вполне точные. Что он говорит? Это уже в протоколе судебного заседания есть, так что мы цитируем по протоколу: «Нефть никуда не могла уйти на сторону. Министерство», – он объясняет, почему он так считает, так сказать, господин Лахтин, он ничего другого не имел в виду, – «Министерство формировало график поставок нефти на внутренний рынок и каждому нефтедобывающему объединению предписывалось, на какой завод, сколько оно должно поставить нефти. Это было года до 2005-2006». Ну, Ваша честь, тут, конечно, я еще раз скажу, он немножко ошибается, но поскольку обвинение его слова под сомнение не ставит, я их и цитирую. Дальше, пожалуйста. Это уже говорит тоже свидетель обвинения, господин Тянь, который был в «ЮКОСе», а потом в «Роснефти», до 2007 года ведущим специалистом дирекции по торговле и транспортировке нефти. Я так понимаю, что в «Роснефти», потому что «ЮКОС» в 2007 году уже перестал существовать. Но, может, в «ЮКОСе». Я уже давно был в тюрьме, так что не до конца очень много понимаю. «Нефть доходила до потребителей, когда нефть заходила на заводы, при заводе был представитель «Транснефти», они составляли акты с заводом, что «Транснефть» сдала им такой-то объем нефти». То есть, нефть доходила до потребителя, это важно для нашего дела. Дальше, пожалуйста. А вот что говорит также один из любимых свидетелей обвинения, господин Авалишвили, который с 1995 по 1997 год был финансовым директором «Томскнефти», с июля 1998 года – вице-губернатором Томской области, а с июля 1999 года – первым заместителем министра топлива и энергетики Российской Федерации: «Нефть по технологии должна поступать в систему «Транснефти», потому что это является единственным возможным методом ее продажи. Других методов нет». Это я к тому, куда она девалась. В суде были многие другие свидетели, подтвердившие, что нефть производителями сдана в «Транснефть», а потребителями получена в полном объеме. Была госпожа Батырова из «Томскнефти», были директора заводов, включая Сальникова. В деле есть документы таможенные, при пересечении нефтью границы. Ну, и в прениях этот факт, что физическая нефть никуда не девалась, а была поставлена потребителям, подтвердили наши оппоненты. Большое им спасибо, большое человеческое спасибо. Ну, тем не менее, чтобы уж совсем, так сказать, с этой темой закончить, следующий, господин Греф что у нас сказал, он был первым заместителем министра имущества России, а потом, с 2000 года министром экономического развития и торговли России: «Если бы, вопрос звучал о пропаже 20 % российской добычи, «такая пропажа была обнаружена, до меня (ну, то есть до него, имеется в виду), наверняка бы дошло. Таких сведений не поступало», – сказал господин Греф. Дальше. «Мне таких случаев (вопрос звучал, чтобы компании «Самаранефтегаз», «Томскнефть», «Юганскнефтегаз», «ЮКОС» или правопреемник компании «Юганскнефтегаз» компания «Роснефть» заявляли о том, что у них пропала нефть), так вот, ему таких случаев «не известно», – сказал господин Христенко, министр промышленности и торговли, в то время отзечавший за топливно-энергетический комплекс. Я надеюсь, что в результате того, что я сказал, очевидно, что физическая нефть – физическая нефть «ЮКОСа» – никуда не пропадала. В этом случае надо

проверить, может быть, чего-нибудь нехорошее случилось с правом собственности на нефть? Увы, Ваша честь, и в этом вопросе прокуратуры загнали суд в безвыходное положение. Они приобщили шесть из шестидесяти, как я уже ссылаюсь, судебных решений, где установлены факты. Право собственности на нефть законно перешло к компании «ЮКОС». Что говорит Пленум Верховного Суда? «Присвоение считается оконченным преступлением, когда законное владение вверенным (ну, имелось в виду, виновному лицу) имуществом стало противоправным». Теперь посмотрим, у нас же потерпевшие – «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть». «Судом установлено и материалами дела подтверждается, что собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО НК «ЮКОС». ОАО «НК «ЮКОС» фактически обладало правами владения, пользования и распоряжения в отношении нефти и нефтепродуктов», – это решение арбитражного суда. Таких утверждений в шести решениях суда, приобщенных к делу, не одно в каждом. И прокурорам, и суду известно – собственник не может быть противоправным. В прениях уважаемая госпожа Ибрагимова, как мне показалось, достаточно вяло намекала, что суды, мол, установили лишь фактические правоотношения, а не юридические. Из решения суда мы видим, что это не так. Суд установил, что собственником нефти являлся «ЮКОС», а это именно юридическое правоотношение, а также фактическое правоотношение, то есть фактически обладал правами владения, пользования и распоряжения. То есть, не «или», а «и». Хотя, в принципе, для уничтожения обвинения в хищении достаточно признания фактического права «ЮКОСа», которое не совпадает с организованной группой ни по составу участников, ни по времени создания, ни по целям функционирования, и так далее. Посмотрим дальше. Материалами дела подтверждается, что собственником нефти и нефтепродуктов, реализованных через – обращаю внимание – ООО «Ю-Мордовия», ЗАО «ЮКОС-М», «Альта-Трейд», «Ратмир», «Фаргойл», ООО «Ратибор», ООО «Эвойл» является ОАО НК «ЮКОС». Это, опять-таки, решение суда, установленные фактические обстоятельства. То есть, именно «ЮКОС», а вовсе не «Самаранефтегаз», «Томскнефть», «Юганскнефтегаз». Почему я обратил Ваше внимание, выделил именно эти четыре организации, плюс «ЮКОС», пять? Потому что это полный перечень организаций, указанных как инструменты на этапе хищения. Вот других инструментов на этапе хищения нефти у нас теперь в обвинительном заключении не указано. Их пять, и они здесь перечислены. И собственником нефти, которая к ним переходила, назван «ЮКОС», решением суда. Вам предлагается отменить решение этих судов и установить, что собственник – «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть». Напомню, Ваша честь, мы даже говорили в ходе судебного разбирательства, арбитражные материалы составляли порядка двух тысяч томов, вам представлено двести томов, то есть, даже если это те же самые материалы, то это десятая часть. Остальные Вы приобщить отказались. Надо сказать, я в этом отношении считаю, что Вы поступили абсолютно правильно – зачем изучать две тысячи томов материалов арбитражного дела, если есть судебные решения, где уже установлено – «ЮКОС» собственник, и изменить Вы это уже никак не можете? То есть, тем самым я вот сейчас для господина Лахтина, хотя обращаюсь к суду, замечу, что тем самым там такие предприятия, как «ЮКОС-Мордовия», признаны агентами «ЮКОСа». А глава 52 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая проскочила внимание господина Лахтина, она предусматривает, что и у нас в стране, а не только на Багамах и Панамах существует законная возможность лицу, выступая от своего имени, действовать в интересах другого лица. И называется такое лицо не «подставное», а «агент». Это вполне законно, этому посвящена, я говорю, целая глава Гражданского кодекса. Ну, Вам это не надо, а для нас, как людей, занимающихся корыстной целью получения прибыли, это важно. Далее, пожалуйста. Вот у нас в деле хватает заключений экспертов. Прочитую заключение экспертов: «В течение 2000 года «ЮКОС-Мордовия» приобретала нефть» – обращаю внимание, приобретала нефть –

«по договорам купли-продажи у «Самаранефтегаз», «Томскнефть» и «Юганскнефтегаз». Это заключение экспертов прокуратуры. То есть, эксперты тоже подтверждают, что нефть у «Самаранефтегаза», «Томскнефти», «Юганскнефтегаза» не похищена. Ваша честь, это лишь пример, когда исследовались доказательства, Вы, я думаю, помните, я тщательно демонстрировал Вам, что таковы все заключения экспертов. Они все о покупке. Дальше, пожалуйста. Вот я еще раз хотел бы, чтобы Вы обратили внимание в отношении вот этих вот четырех организаций, кроме, собственно говоря, «ЮКОСа», которые названы «инструментами похитителей для похищения нефти». ОАО НК «ЮКОС» является участником ЗАО «ЮКОС-М» с долей участия 100 %, это установлено фактическое обстоятельство решением арбитражного суда при банкротстве. Далее. «ЮКОС-Мордовия», контрагентами являются ОАО НК «ЮКОС» и его дочерние организации, там их много перечислено, и, в частности, ООО «ЮКОС-Мордовия». Это тоже решение арбитражного суда. То есть, и второй похититель, на самом деле, дочерняя организация НК «ЮКОС». И, наконец, дальше: ОАО НК «ЮКОС» и его дочерних предприятий, ООО «Фаргойл», «Ратибор», «Эвойл», «Энерготрейд». То есть, и остальные два похитителя – это «Ратибор и «Эвойл» – на самом деле дочерние предприятия «ЮКОСа». Что такое дочернее предприятие, легко посмотреть, как я уже говорил, в 105 статье Гражданского кодекса Российской Федерации, и кому оно подконтрольно. Там написано, оно подконтрольно основному обществу, а совсем даже не организованной группе. Дальше. Вот особенно занятно будет посмотреть еще одно установленное судом фактическое обстоятельство. Это фактическое обстоятельство установил в своем приговоре Басманный суд города Москвы по делу Малаховского и Переверзина: «Routhenhold Holdings Limited» и «Pronet Holdings Limited» создавались и действовали» – обращаю внимание, создавались и действовали – исключительно в интересах ОАО НК «ЮКОС». Почему я говорю, это особо занятное обстоятельство, потому что в теперешней версии вся нефть, как бы похищенная в 2000-2003 году, согласно обвинительному заключению, Ваша честь, шла на экспорт именно «Routhenhold». А «ЮКОС» был у этой нефти, как Вы помните, собственником. Вот такое вот интересное хищение. Собственник передает свою нефть предприятию, которое действует исключительно в его интересах. Это у нас хищение. Нет, я извиняюсь. Это у нас уже отмывание. Дальше, пожалуйста. Ну, я еще раз приведу цитату, Вы ее вспомните, она была в обвинительном заключении, но теперь это уже приговор Басманного суда по делу Малаховского и Переверзина, то есть фактические обстоятельства, установленные судом: «Была разработана такая схема приобретения, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов, при которой все операции, совершаемые с нефтью и нефтепродуктами, контролировались ОАО НК «ЮКОС». Ну, я уже Вам говорил, что это оригинальная версия для любого способа хищения, я еще раз говорю, может быть, кроме грабежа и разбоя. Хотя и при грабеже и разбое такое себе представить трудновато. Дальше, пожалуйста. Вот чтобы Вы, Ваша честь, не подумали, что данное обстоятельство, о том, что именно «ЮКОС» являлся собственником нефти, являлось для судов проходным, неважным, и чтобы Вы поняли мою корыстную заинтересованность вообще-то, если бы такое было возможно, в том, чтобы Хамовнический суд отменил эти решения судов в отношении того, что «ЮКОС» собственник, оно следует из следующей цитаты из решения арбитражного суда: «У ОАО НК «ЮКОС», являющегося собственником нефти и нефтепродуктов, возникла обязанность по уплате налога на прибыль. Следует отметить, что налоговое законодательство прямо указывает на необходимость наличия фактических отношений между участниками гражданского оборота для применения налоговых последствий». Вот ключевые слова – и «собственник», и «фактические отношения», и «участники гражданского оборота». Напомню, это не только решение суда, это еще и позиция Российской Федерации в Страсбурге и Гааге. За этой фразой стоят почти 30 миллиардов долларов, изъятые государством у «ЮКОСа» как собственника нефти и

выгодополучателя от ее реализации в 2000-2003 году. Если есть действительно исполненный договор купли-продажи, он и есть безусловное правовое основание перехода права собственности, что и констатировали многочисленные суды. Прокуроры, наши уважаемые оппоненты, закрепили факты сделок экспертными заключениями и приобщили их. И везде, во всех договорах приобщенных, во всех экспертных заключениях по купле-продаже, нигде не про хищение и пропажу. Предположим, об этом говорили в прениях, появились новые обстоятельства. Статья 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требует сначала отменить судебные решения. Прокуроры, Ваша честь, специально этого не сделали, чтобы Вы не могли признать, что у «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефти» что-то похищено. За что я им, конечно, весьма благодарен. Более того, в прениях голосом уважаемой госпожи Ибрагимовой мягко отрицая фактическое обстоятельство, установленное судом, голосом не менее уважаемого господина Лахтина они это обстоятельство подтвердили. Дальше. Вот господин Лахтин, 22 число: «Объемы нефти не исчезали (имеется в виду, у производителей), так же, как не исчезали из акционерного общества «Транснефть», а переходили от добывающей компании в собственность «ЮКОСа» и его операционных компаний». И вот теперь, Ваша честь, я прошу Вас второй раз обратить особое внимание. Итак, нефть отгружена и поставлена потребителю, право собственности на нее перешло к «ЮКОСу», подчеркиваю, не мне, «ЮКОС», который и судами, и оппонентами признается добросовестным приобретателем. Не подставной, а как написано в обвинительном заключении, крупнейшей нефтяной компанией. Что же тогда похищено мной у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефти»? Ответа нет. Естественно, мы все с вами знали такую детскую считалку: «А и Б сидели на трубе». Вот А у нас – это вещь, жидкость, Б у нас – имущественное право, право собственности. А, вещь, ушла в трубу и дальше потребителю, минуя организованную группу. Б, имущественное право, перешло к «ЮКОСу», к законному добросовестному приобретателю и собственнику. Что похищено организованной группой? Союз «и»? В хищении союза меня не обвиняли. Помните, его развалили до нас. Понятно, что когда нет ответа на вопрос «что?», нет ответа и на вопрос «как?». Если признать существующими договоры купли-продажи и решения судов, где продавец и покупатель существуют вместо похитителя и потерпевшего, это отказ от обвинения в хищении, поскольку, ну, наличествует правовое основание. Если не признавать, и сказать: «Договор подложный, фиктивный», в общем, несуществующий, или все было под видом договора, то есть не по договору, а еще как-то, это не просто прямое нарушение закона о преюдиции (я имею в виду все ту же 90 статью), это бессмысленное нарушение закона, поскольку кроме договора купли-продажи, другого реального механизма передачи чего бы то ни было от производителя кому бы то ни было просто нет. Что перешло мне, как? Я вроде спрашивал. Как законное право собственности перешло к «ЮКОСу»? Как нефть оказалась у «Транснефти»? И затем у конечного потребителя? Они, что, сговорились и украли ее у производителей? Такого даже обвинение не решилось утверждать. Хочу заметить, уважаемый суд, основания, приведенные стороной обвинения в обвинительном заключении для так называемой подложности договоров. Итак. Первое. «ЮКОС» – не покупатель, так как нефть поставлялась напрямую потребителю. Второе. Цена на нефть занижена по сравнению с Роттердамом. Все, других оснований нет. Как Вы, Ваша честь, будете соглашаться с тем, что покупал не «ЮКОС», когда кучей судов установлено, «ЮКОС»? Как Вы согласитесь, что в Ханты-Мансийском округе правильная цена – Роттердама? Я лично считаю, что Вас просто подставили. Правда, есть красивая фраза – «путем передачи на баланс». Но эта фраза не соотнесена ни с чем реальным. Вам в качестве доказательства представлены годовые бухгалтерские балансы «ЮКОС-Мордовии», «ЮКОС-М», и так далее. Где в этом самом бухгалтерском балансе нефть? Ее там нет. Она там не отражается. Там отражаются

расходы на приобретение и выручка от реализации. А нефти там нет. Ну, за исключением маленького кусочка, того, который находится в пути. Но это не самое главное. Самое главное, что эти бухгалтерские балансы – и мы, опять же, это исследовали в судебном заседании – составляются спустя три месяца после окончания года. То есть спустя где-то три месяца после производства нефти. Они уже не существуют к тому времени, мы уже с Вами это исследовали. Нефть к этому моменту, ее просто три месяца негде хранить, она к этому моменту переработана на НПЗ и по большей мере сожжена в топках электростанций и двигателях автомобилей. И вот на это я хотел бы в третий раз обратить Ваше особое внимание, что хитить вещи после того, как их не стало – это новая версия нашей российской юстиции. Ответа на эти очевидные вопросы в обвинительном заключении нет. И, знаете, Ваша честь, я вот смотрю на наших уважаемых государственных обвинителей, и вижу, ну, в общем-то, серьезных профессионалов. Поэтому трудно предположить, что это все случайность или техническая ошибка. Тем не менее, написали они то, что они написали, и целый ряд уважаемых людей оценили усилия прокуроров по созданию ощущения полного абсурда после прочтения этого самого творения. Ну, пожалуйста. Жак Косьюшко-Моризе, в 2000-2004 году он был председателем комитета по аудиту совета директоров «ЮКОСа», а до этого он был министром торговли Франции. «Это обвинение для меня бред, это бред сивой кобылы. Я прочитал весь текст обвинения, и с какой бы точки зрения я ни попытался бы взглянуть на эти обвинения, они мне кажутся одним и тем же – ерундой». Далее, Геращенко, в 2004-2007 году он председатель совета директоров компании «ЮКОС», а до этого председатель Центрального Банка Российской Федерации и бывший председатель госбанка СССР: «Чушь собачья, ерунда, что нефть украли, тогда бы «ЮКОС» не считался первой нефтедобывающей, перерабатывающей и сбытовой компанией в стране». Дальше. Касьянов Михаил Михайлович, он сейчас, как не нравится очень, видимо, всем, и любят его в чем-нибудь укорять в связи с его политической позицией, но для данного суда этот человек ничем не опороченный, председатель Правительства Российской Федерации в тот период. Вот тогдашний председатель Правительства Российской Федерации говорит: «Говорить о хищениях такого масштаба, мой ответ однозначный – нет, такого не может быть». Дальше. Господин Анисимов (1997-2006 год – управляющий «Самаранефтегаз», то есть потерпевшего, и далее вице-президент «ЮКОС ЭП»): «Если в грубой форме, я бы сказал, бред какой-то просто». Это он про обвинение в хищении всей нефти. Далее, господин Гильманов (в 1998-2003 год управляющий «Юганскнефтегаз», то есть другого как бы потерпевшего и не мой соучастник, в рамках этого процесса ничем не опороченный): «Это невозможно. Это ненормально, нельзя украсть такую партию нефти, нельзя ее взять и не рассчитаться, потому что тут же встанет производство». Дальше. Ну и, наконец, естественно, в более мягкой форме, было сказано господином Христенко, министром промышленности и торговли: «Ходорковский руководил компанией «ЮКОС». Компания была одним из крупнейших добычников и переработчиком нефти в Российской Федерации. Все что на моей памяти», – это мы его про хищение спрашивали, – «это технологические потери, которые объективно существуют, это аварийные ситуации и это кражи за счет нелегальных, незаконных врезок. Других историй я не знаю». Ваша честь, в целом вышесказанного, в общем, вполне достаточно, чтобы даже московский суд, даже вынося обвинительный приговор (ну, а других в московских судах обычно не бывает), понимал, что прикрывает своей подписью полную чушь. Я бы мог на этом закончить, но мои формальные оппоненты, они очень старались мне помочь, и я хочу отметить их усилия.

Судом объявляется перерыв.

12 часов 40 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Ваша честь, во второй части я буду говорить побыстрее, поскольку речь пойдет уже о сугубо теоретических аспектах. Почему я их

называю теоретическими, потому что о них имело бы смысл говорить, если бы ключевое в деле было, если бы что-то перешло в виновность, то есть подсудимым в данном случае, то тогда был бы смысл в практическом смысле рассуждать о всех прочих признаках состава. Тем не менее, поскольку сторона обвинения, наши формальные оппоненты посвятили достаточно много времени всему этому, я тоже на этом остановлюсь, но просто побыстрее. Итак, нефть не похищена, а поставлена потребителю. Право собственности по договору перешло по договору «ЮКОСу», то есть с правовыми основаниями разобрались. Следующий признак хищения – «против воли собственника». Ну, я уже сказал, что обсуждение носит теоретический характер – подсудимым вообще ничего не переходило. Басманный суд в своем приговоре по Малаховскому и Переверзину про этот обязательный признак вообще забыл. Видимо, полагалось, что в деле «ЮКОСа» можно похитить и по воле собственника. Ну, Пленум с ним не согласился. Вот что говорит Пленум: «Присвоение состоит в противоправном обращении имущества против воли собственника. И от хищения следует отличать случаи, когда лицо обращает в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права». Я ссылаюсь на конкретный пункт Пленума. Давайте посмотрим, какое же лицо имело право и возможность распоряжаться имуществом дочерних добывающих предприятий. Что говорит Гражданский кодекс? Органы юридического лица, 53 статья. «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы». Это к тому, как, Вас часто пытались здесь убедить, что у юридического лица бывает какое-то свое, отдельное от его органов управление, независимая воля. Да нет, юридическое лицо имеет только то, что выражают его органы управления. Остальное – это гомункулус, творение незабвенного доктора Франкенштейна. Итак, что говорит статья 103 Гражданского кодекса Российской Федерации. «Управление акционерным обществом. Высшим органом управления акционерным обществом является общее собрание его акционеров. Второе: в обществе создается совет директоров. Третье: к компетенции исполнительного органа общества относится решение всех вопросов, не составляющих исключительную компетенцию других органов управления, первых двух. Полномочия исполнительного органа общества могут быть переданы по договору другой коммерческой организации. Это наш случай. Как раз у нас это коммерческая организация «ЮКОС ЭП» для добывающих «дочек». Итак, три органа, способных образовать волю. Исполнительный орган – «ЮКОС ЭП». В прениях оппоненты местами признавали полномочия этого органа, местами утверждали, что процедура назначения «ЮКОС ЭП» была нарушена, и законные руководители – господа Анисимов, Гильманов, ну и другие, там, у «Томскнефти» – Логачев, Шимкевич и прочие. Ну, во-первых, в ППО такого обвинения нет. Я имею в виду, в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого такого обвинения нет, о незаконном присвоении полномочий управляющих лиц. Во-вторых (и это, наверное, более важно), что и Анисимов, и Гильманов, и все руководители «Томскнефти» с 1999 года получали свои полномочия именно от «ЮКОС ЭП». Оно их назначило. Никакое собрание их не избирало, таких данных, Ваша честь, вам не представлено, да и не могло быть представлено, потому что назначали управляющих управляющие компании. И они же им предоставляли полномочия, ник... полномочия. Никаких иных источников полномочий у них не было. Поэтому не надо нас путать. Вот есть «ЮКОС ЭП» – дальше, так сказать, все понятно. Договор по определению является согласованной волей участников. То есть, если есть договор, значит, есть согласованная воля участников. Во всяком случае, пока этот договор не отменен. Тем не менее, господин Лахтин специально и неоднократно напоминал суду о «действительной воле потерпевших». Давайте посмотрим, о чем он говорил. ЗАО «ЮКОС ЭП». Ну, это первый, так сказать, исполнительный орган, являлось дочерним обществом ОАО «НК «ЮКОС», в силу вышеизложенного ОАО

«НК «ЮКОС» полностью определяла действия и решения, принимаемые ЗАО «ЮКОС ЭП». Это определение Арбитражного суда. То есть, если можно так выразиться, действительная воля «ЮКОС ЭП» – это воля компании «ЮКОС». Ну, я извиняюсь, я уже в такую немножко полу юридическую плоскость ухожу, но если уж нас заставляют говорить про действительную волю, вот так. Дальше, пожалуйста. Господин Рыбин говорит: «Те решения совета директоров, которые нужны были Ходорковскому, они все безоговорочно проводились, все проводились». Ну, он говорил конкретно о совете директоров «Томскнефти», но обвинение согласно, что и в других советах директоров ситуация была та же самая. Действительная воля советов директоров добывающих обществ ими выражена и совпадала с волей «ЮКОСа» и моей, поскольку у «ЮКОСа» большинство (или, дальше, 100 %), а у меня большинство в «ЮКОСе». Действительная воля совета директоров действительно была той же самой, что и у меня, и у «ЮКОСа». Дальше общее собрание акционеров – высший орган. Здесь вообще напрямую «ЮКОС» контролирующий акционер, а потом – единственный акционер (с 2001 года). Его воля и есть действительная, другой-то и быть не может. Потому что голосовал «ЮКОС», большинством голосов решение принято. Давайте посмотрим действительную волю «ЮКОСа». Обвинительное заключение, цитирую: «Ходорковский к 1998 году завладел большинством акций ОАО НК «ЮКОС» и 100 % пакетов акций дочерних данному обществу акционерных обществ добываемых, – ну, так написано, – и перерабатывающих нефть, приобрели право на стратегическое и оперативное управление этими акционерными обществами». Я извиняюсь, но «оперативное» – это, видимо, бывший военный писал, а имелась в виду именно текущая гражданская терминология, то есть то, чем занимается исполнительный орган. Замечу, в прениях в пятницу, 22 числа, мои исполнительные полномочия вдруг, вопреки тексту обвинительного заключения, оппоненты начали оспаривать. Но непоследовательно, так как потом опять подтвердили обвинение в присвоении с использованием служебного положения. Чьего, какого? Нас двое. Акционер – не служебное положение, это владелец. Член совета директоров, они сами подтвердили, просто член совета директоров или даже председатель совета директоров полномочий распоряжения имуществом и сотрудниками не имеют. Значит, мои исполнительные полномочия они считают доказанными. Напомню, как они доказывались. Их подтвердил я как член совета директоров «ЮКОСа», сообщив, что их мне, как председателю исполнительного комитета, предоставил совет директоров «ЮКОСа», и предоставлял ежегодно с 2000 года, а до этого аналогичные полномочия он мне предоставлял, но в другой должности. Решение о назначении – в деле. Но именно вот эти вот «парадные» решения о назначении. Решения о моих полномочиях (кроме меня) подтвердил представитель контролирующего акционера – господин Лебедев. Также член совета директоров Косцюшко, и даже аудиторы, в чью обязанность входила проверка полномочий лиц, подписывавших им документы. И даже любимый аудитор стороны обвинения Даг Миллер, который сомневался с 2007 года ну вообще во всем, в моих полномочиях не усомнился. Не вызывали сомнения мои полномочия и у господина Христенко, и у сотрудников «ЮКОСа», и у средств массовой информации. Однако я специально дважды при даче показаний пояснил: используя термины «я решил», «я сделал», на что вот так вот активно напирала сторона обвинения, говоря, что я монополизировал власть и вообще никого не слушал, я говорил, что я буду иметь в виду то, что любое решение, принятое «ЮКОСом», я воспринимал как свое, так как в силу владения контрольным пакетом имел возможность добиться отмены любого не устраивающего меня решения. В действительности решения принимались и утверждались должностными лицами в соответствии с процедурами компании. Я тогда сказал: «Я не останавливаюсь на процедурах, так как нарушение процедур мне не вменялось». То, что все сотрудники «ЮКОСа» подчинялись мне в силу моего должностного положения, оппоненты в тексте обвинительного заключения не

оспаривают. Так что к чему все эти пятничные метания, я не очень понял. Тем более что раньше наши уважаемые оппоненты сами просили суд отказать в приобщении решений советов директоров, там, где уже распределялись должностные полномочия, и мои, и других высших должностных лиц компании, и также просили отказать в приобщении наших должностных инструкций. Я понимаю, сторона обвинения прослушала. Ну, ничего, бывает, это нормально, действительно. Слушать о деятельности нефтяной компании лицам, которые этим, как правило, не занимаются, трудно, и не всегда все можно охватить. Сейчас нас интересует действительная воля «ЮКОСа», то есть, кто мог и должен был определить его решения по вопросу, как голосовать на общем собрании акционеров дочернего предприятия. В «ЮКОСе» мой заместитель – Шахновский, руководитель юридического лица ОАО «НК «ЮКОС». Ни о каких конфликтах, ни о каких различных точках зрения между мной и господином Шахновским в обвинительном заключении не сказано; их и не было. Исполнительный руководитель холдинга и основной акционер ОАО НК «ЮКОС» – я. Так кто же субъект, образующий действительную волю? М? Я думаю, что я понял. Господин Лахтин намекает, чтобы суд спросил меня, не обманывал ли меня Ходорковский, не действовал ли он против моей воли, не сговорился ли Ходорковский у меня за спиной, злоупотребив моим доверием, не обманул ли он меня при принятии мною решения? Спасибо, Валерий Алексеевич. Далее. Я принимаю пас, элегантно поданный мне госпожой Ибрагимовой, относительно сделок с заинтересованностью. Она сообщила в ходе прений, что согласно статье 83 «Об акционерных обществах» в редакции 1996 года, предварительно не одобренные общим собранием или советом директоров сделки не должны признаваться сделками. Ваша честь, она ошибается. В редакции Федерального закона «Об акционерных обществах» 1996 года такого положения вообще нет. Это легко проверить, только надо взять несколько редакций, у закона было много редакций. Похожее положение содержится, похожее, в редакции, действовавшей с 2002 по 2009 год, и то с исключениями, предусмотренными пунктом 2 статьи 81 Федерального закона «Об акционерных обществах». В частности, эти исключения касаются случая, когда все акционеры являются заинтересованными лицами. А в действительности, вспомните, с 2001 года 100 % акций добывающих «дочек» принадлежат (и контролируются) «ЮКОСу». То есть наш случай: все акционеры являются заинтересованными лицами. Что же на самом деле говорит сегодняшняя редакция закона о признании действительности сделок с заинтересованностью? Хотя, Ваша честь, я это превосходно понимаю, что все это лежит далеко за пределами предъявленного обвинения, но если сторона обвинения сочла необходимым обратить Ваше внимание... Итак, часть 1 статьи 84. «Суд отказывает...» – Вы вообще часто встречали законы с такой формулировкой? – «Суд отказывает в удовлетворении требований о признании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, недействительной, если к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения». То есть последующего одобрения вполне достаточно. Более того, Гражданский кодекс, который действовал на протяжении всего этого промежутка времени, говорит следующее: «Последующее одобрение сделки, – имеется в виду сделка, заключенная не уполномоченным лицом, – представляемым, – то есть одобрение сделки, – представляемым создает, изменяет и прекращает для него гражданские права и обязанности по данной сделке с момента ее совершения». То есть и Гражданский кодекс предусматривает последующее одобрение, и это нормально. Что касается последующего одобрения, то наши оппоненты для вида, исключительно для вида, они молодцы, много говорили о собраниях февраля-апреля 1999 года. Обращаю внимание, Ваша честь, это были внеочередные общие собрания. И очень критиковали эти собрания. Вот, Ваша честь, я даже не хочу вступать в дискуссию, правильно они критиковали, не правильно, исходя из того, кто был на самом деле контролирующим акционером, наверное, они все-таки не правильно критиковали. Ну, это совершенно не

важно, я Вам честно скажу, я так и не понял, а чего они в них так вцепились-то? Эти собрания на самом деле были по вопросу о дополнительной эмиссии. Дополнительная эмиссия нам не вменялась. А вопрос об одобрении сделок, вот там до кучи был. На самом деле, цена продажи всего годового объема нефти утверждается в каждом обществе ежегодно на очередных общих собраниях акционеров. Вопрос этот называется «об утверждении бухгалтерского отчета» по, естественно, стандартам Российской системы бухгалтерского учета, строка в этом отчете называется «выручка от реализации». Я об этих общих собраниях акционеров рассказывал, оппоненты, и это самое смешное, не отрицают эти собрания, не критикуют и не оспаривают. Так что объемы и цена годовой поставки одобрены общими собраниями акционеров за 1998 год в июне 1999 года, а вовсе не в феврале-апреле 1999 года. За 1999 год – в июне 2000 года, за 2000 год – в июне 2001 года, а за 2001 год уже и одобрять было не надо, так как «ЮКОС» – единственный акционер, но все равно общее собрание акционеров одобрило в 2002 году. И потом, при подготовке формы F-1, в 2002-2003 году, мы провели повторное одобрение, но уже я от лица «ЮКОСа», в соответствии с полномочиями... с полномочиями, предоставленными советом директоров «ЮКОСа», выступал я и провел повторное одобрение. Да, мои полномочия, так сказать, подтвердил контролирующий акционер, у которого более 50 % голосов, и этих полномочий вполне достаточно, чтобы утвердить любое должностное лицо компании и любую инструкцию для голосующего представителя. То есть все сделки с заинтересованностью прошли последующее одобрение и единственного акционера. Но единственный акционер на самом деле был другой стороной сделки, что установлено судебными решениями. И тем самым, на самом деле, вот даже откидывая все ранее сказанное, это само по себе означает одобрение. Еще раз напомню: в действительности и гражданско-правовые последствия договоров в виде перехода права собственности «ЮКОСу» подтверждены судебными решениями, я даже не понимаю, что мы так долго обсуждаем. Дальше, посмотрим на прямой ущерб. Обязательные признаки. Опять ссылаюсь на Пленум. «Суду необходимо установить, причинен ли собственнику реальный материальный ущерб». И второе: «Безвозмездное обращение имущества, причинившее ущерб собственнику, должно квалифицироваться как присвоение». Это преамбула. Как Вы помните, у нас способ хищения остался только один – договор. Другого механизма просто нет. Причем, договор действительный, чьи гражданско-правовые последствия признаны судебным решением. Если договор не признавать, то вообще ничего не происходило. Что говорит Гражданский кодекс: «Безвозмездным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы». То, что по договорам была произведена оплата, в этом, по-моему, не сомневается вообще никто. Дальше. Про реальный материальный ущерб. Гражданский кодекс очень четко трактует, что есть что. Статья 15: «Реальный ущерб – это утрата имущества». В нашем случае имущество – нефть. Кто его утрачивал, мы проверили. Его сдавал непосредственно производитель. Упущенная выгода – это неполученный доход. Вот нас интересует исключительно реальный ущерб. Итак, имущество не пропало, оно поставлено потребителям, это установлено, но, может быть, доход от продажи не покрыл затрат и таким образом образовался реальный ущерб? Дальше, пожалуйста, что свидетели у нас говорили. Свидетель Анисимов, как я уже говорил, управляющий «Самаранефтегаз» все эти годы: «Цена была на уровне себестоимости, с небольшой рентабельностью, но никогда не была ниже себестоимости». И также он говорил: «До входа в «ЮКОС» мы упали до 7,5 миллионов тонн добычи. В 2003 году мы добывали 12,5 миллионов тонн». Напомню, что Самара – это старый регион добычи. Вообще в старые времена за это давали ордена. Ну, сейчас награждают иным способом. Дальше, пожалуйста. Господин Гильманов. Это второй наш потерпевший, «Юганскнефтегаз». Говорим про затраты на производство: «...безусловно, покрывались. Покрывались полностью. Прибыль

получали, деньги получали. А как же мы работали-то? Я получал деньги за нефть, выручку свою». Дальше, пожалуйста. Филимонов. Это бывший министр нефтяной промышленности СССР, бывший президент «ВНК» и, соответственно, «Томскнефть» он руководил и дальше работал вице-президентом «ЮКОС ЭП». «После 1998 года объединение стало достаточно окупаемым. Если говорить конкретно о «Томскнефти», мы стали достаточно обеспеченная компания, росла добыча, причем, по всем трем объединениям – «Самаранефтегаз», «Томскнефть», «Юганскнефтегаз». Дальше. Рыбин, который нас сильно не любит, Вы это видели, но тем не менее: «Да, она, «Томскнефть», была рентабельной. Да, она была прибыльной, но с минимальной прибылью». Вот здесь я принимаю пас от уважаемого прокурора Смирнова, который предположил, что, возможно, добыча финансировалась в кредит, а не из выручки. Ну, господин Смирнов, я думаю, прекрасно знает, что кредитное финансирование прибыль не образует. Прибыль образуется только от поступлений в виде выручки. Дальше. Господин Афанасенков, вице-президент «ЮКОС ЭП» с 1995 по 2007 год. «Я пришел в «ЮКОС» в 1995 году, долгов у «Юганскнефтегаза» было очень много. С приходом группы «Менатеп» постепенно эти долги были закрыты». Дальше, госпожа Дмитриева, с 2001 года по настоящее время, я обращаю внимание – по настоящее время, финансовый директор компании «Томскнефть-ВНК». В этот период (мы с ней говорили о 2001-2003 году), «выручка за реализованную нефть по договорам реализации поступала в «Томскнефть» в полном объеме». Это про реальный материальный ущерб. Дальше, пожалуйста. Господин Голубович, любимый свидетель обвинения, директор дирекции стратегического планирования с 1998 по 2001 год. «Хозяйственная деятельность добывающих предприятий финансировалась от средств от производства и реализации продукции». Он долго сопротивлялся, потом сказал, что он шутил, и назвал, какую продукцию, Вы помните, нефть. «Не берусь за каждый год сказать, но прибыль была», – сказал далее господин Голубович. Дальше, пожалуйста. Что сказал господин Ребгун, который был конкурсным управляющим ОАО НК «ЮКОС» и проверял всю деятельность компании, начиная с отчетности, по-моему, с 2002, но уж точно 2003 года. «Никакой масштабности каких-либо задолженностей к 2003 году в добывающих предприятиях нами не отмечено», – сказал господин Ребгун. А Вы себе представляете, если бы продукция не оплачивалась, то на сумму затрат на производство продукции, а это худо-бедно, как мы уже говорили, 400 с лишним миллиардов рублей, он бы имел задолженность, он бы ее видел. А куда ж она могла деться-то, кто ее покрыл? Сторона обвинения не говорит, что что-то было кем-то другим покрыто. Дальше. Значит, сами нефтедобывающие предприятия, в том числе «Юганскнефтегаз», получили определенную минимальную прибыль от продажи добытой ими нефти. Это ссылка в приговоре Басманного суда на показания представителя «Юганскнефтегаза» господина Пшеничникова, нынешняя «Роснефть». Мы потом посмотрим про эту минимальную прибыль. Она так, на секундочку, 2 миллиарда долларов. Ну, для кого-то, может, она и минимальная. Значит, и вот дальше я просил бы обратить Ваше внимание, особое внимание, это последний раз я прошу обратить особое внимание, на господина Ковраева, это заместитель руководителя управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры. Надо сказать, его слова в прениях-то подтверждены стороной обвинения. «Часть от полученной при реализации нефти выручки направлялась также на создание определенной доли прибыли с целью ее использования для получения еще большей прибыли». Вот в этом я обвиняюсь. Нормально, да? На двадцатом году существования в России рыночной экономики. Дальше. Что говорится в обвинительном заключении? «Изъятие нефти у нефтедобывающих предприятий по трейдерским сделкам приводило к занижению прибыли предприятий». Ваша честь, я не обсуждаю, занижение, не занижение – это мне сейчас не вменялось. Вопрос идет о том, прибыль есть, и это признается. Занижена, но есть. Само обвинительное заключение об этом говорит. Приговор Басманного суда по делу Малаховского и Переверзина:

«Орггруппа получала необоснованный доход за счет незаконного, – опять же, – уменьшения прибыли ОАО «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть-ВНК». То есть прибыль-то есть, просто она уменьшалась. Замечательное хищение, с прибылью для потерпевших. Дальше. Что говорят наши любимые эксперты? Ну, они, на самом деле, не наши, они стороны обвинения, мы ведь так и не добились увидеть их воочию. «Если бы нефть реализовывалась бы ОАО «Юганскнефтегаз» на экспорт самостоятельно, чистая прибыль «Юганскнефтегаза» увеличилась бы». То есть так она есть, а так она бы увеличилась. «Если бы нефть реализовывалась «Томскнефть» на экспорт самостоятельно, то чистая прибыль «Томскнефть-ВНК» увеличилась бы». Замечательно. Обвиняют-то меня в хищении всей нефти. Дальше. Комплексное заключение финансово-технической судебной экспертизы и приговор Басманного суда в один голос: «Разница между ценой покупки и продажи нефти поступила в их, членов организованной группы, полное распоряжение». Ну, в чье оно распоряжение поступило, мы на самом деле уже поговорили и еще поговорим – суды признали, что оно поступило все-таки в распоряжение «ЮКОСа». Ну, не важно. Важно, что вменяется, получается, да, то есть признано, что то, что, может быть, получила в свое распоряжение организованная группа, это во всех случаях разница между ценой покупки и продажи того, что мне пытаются вменить как похищенное. Обращаю внимание суда. В ходе процесса и в прениях, страница 27, 22 число, господин Лахтин подтвердил – в похищении прибыли я не обвиняюсь, поэтому я от этого и не защищался. Дальше. Вот теперь давайте посмотрим, что же с прибылью-то происходило. Вам прислали в последний день судебного следствия, ну, или в предпоследний, я уж не помню, справки наши потерпевшие. Псевдопотерпевшие. Подробнее будет говорить Платон Леонидович. Так вот эта вот прибыль – 2 миллиарда долларов. Ваша честь, вот простое арифметическое упражнение. Как Вы помните, я в дополнении говорил, о том, что численность добывающих подразделений «ЮКОСа» была 18 тысяч человек, ну, и показывал в буклете, где, так сказать, это написано. Это также подтвердил свидетель Пономарев. В общем, это такая вещь, достаточно общеизвестная. Общая численность компании порядка 110 тысяч человек, во всяком случае, на 2001 год. Компания получила прибыль, об этом я буду дальше говорить, и это признано стороной обвинения, 15 миллиардов долларов за эти годы. Сколько должно было прийти на 18 тысяч работающих? Пропорция простая – порядка 2 миллиардов. Дальше, пожалуйста. Среднесуточный объем добычи по годам, с 2000 по конец 2002 года, дальше данных в материалах дела нет. В «ЮКОС», «Юганскнефтегаз», «Томскнефть» и «Самаранефтегаз», у всех, как Вы видите, добыча растущая. Цитирую господина Смирнова, 15 числа он об этом говорил в прениях: «Цена устанавливалась организованной группой в целях воспроизводства похищаемой продукции». Замечу, судя по графику, что, скорее, речь идет о расширенном воспроизводстве, во всяком случае, в курсе политэкономии нас учили именно так. Реальный же ущерб исчисляется как сумма, необходимая для восстановления нарушенного права. Это статья 15 Гражданского кодекса РФ. Если похищена нефть, то восстановление нарушенного права – это возможность добыть такое же количество нефти, как мы понимаем, для производителя, во всяком случае. Спасибо господину Смирнову, подтвердившему очевидный факт: если предоставлялось денег достаточно хотя бы на воспроизводство нефти, то это значит, что реального ущерба не было. Следующий график. Он не имеет отношения к делу, я уж извиняюсь, Ваша честь, но уже столько раз нас укоряли в грабительской добыче, что я не мог смолчать в прениях. Грабительская добыча – это та добыча, которая ведет к тому, что нефть остается в земле больше, чем при нормальной добыче. В этом случае, как Вы понимаете, при добыче часть нефти добывается, а остающаяся часть падает. Ну, остатки падают. И если добыча грабительская, то запасы падают более резко, чем при нормальной. Обратите внимание – объем доказанных запасов растет по всем трем подразделениям

компании «ЮКОС», и по компании «ЮКОС» в целом. По всем трем добывающим подразделениям. Что это означает? Эффективность добычи растет. Дальше, пожалуйста. Вот я принимаю очередной пас от господина Смирнова о стоимости похищенного при замене имущества менее ценным. Это пункт 20 и пункт 25 постановления Пленума. Опять же имеет только теоретическое значение, потому что это не наш случай, в нашем случае нефть не похищалась, а выручку «Самаранефтегаз», «Томскнефть» и «Юганскнефтегаз» отражали именно как выручку от реализации, а не как замену похищенного. Но если бы нефть все-таки пропала, а такие ситуации у нас бывали, господин Христенко рассказывал, и другие тоже, так называемые врезки, то, определяя стоимость похищенного, суд и уважаемые прокуроры, испытывающие уважение к решению Пленума Верховного суда и здравому смыслу, должны были бы исходить из фактической, а не рыночной, стоимости в Роттердаме или даже таможенной на границе. Ну, смотрите, что пишет Пленум Верховного суда: «Определяя стоимость имущества, потерянного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления». Фактической. Рыночной там нет. А что такое фактическая стоимость? А это разъясняется в инструкции Минфина, которая была издана незадолго до Пленума. Пленум 7 года, а инструкция 6 года. «Фактическая стоимость материальных запасов при их изготовлении самим учреждением определяется из затрат, связанных с изготовлением данных активов». Давайте попробуем подумать логично. Зачерпнули ведро воды в чужом колодце, дали хозяйке 20 рублей. Хозяйка довольна, всем хорошо. В Хамовническом суде это ведро стоит 1000 рублей. В центре Сахары – еще дороже. А качество колодезной воды ну ничем не хуже. Так что, у бабушки-то ведро похитили? Рыночная стоимость нефти может быть выше себестоимости, ниже себестоимости, как это было в 1998 году, там же была ниже себестоимости. Но стоимость похищенного Пленум Верховного суда и инструкция Министерства финансов определяют для производителей по себестоимости производства, то есть по тем затратам, которые производитель должен был бы понести, чтобы компенсировать похищенное. Это согласуется со всей структурой и Гражданского, и Уголовного кодексов РФ. А обязательные признаки хищения, я дальше перехожу, обращение в свою пользу и обогащение похищенного, они, естественно, отсутствуют. Что такое обращение? Вот эта вот любимая фраза, которая часто использовалась нашими оппонентами, она подразумевает очень простую вещь, что подсудимый ставил себя на место собственника нефти. Поскольку собственность на нефть принадлежала «ЮКОСу» и фактические полномочия собственника осуществлял «ЮКОС», и эти обстоятельства уже установлены вступившими в законную силу решениями судов, очевидно, что я себя никогда не ставил на место собственника. Теперь посмотрим на тему с точки зрения здравого смысла. С точки зрения здравого смысла и права невозможно объяснить, почему нефть и выручка или прибыль у «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть», являющихся стопроцентными «дочками» «ЮКОСа», – это их собственность, а не собственность «ЮКОСа». То же самое, но у «ЮКОС-Мордовии», «ЮКОС-М», ну и других предприятий, которые у них покупали, и которые названы инструментами похитителя, а они стопроцентные «дочки» «ЮКОСа» или действовавшие в его интересах. Это не их собственность и не собственность «ЮКОСа», а обращено в мою пользу, а у «Routhenhold» и «Pronet», тоже, как Вы помните, действовавших в интересах «ЮКОСа», что установлено решениями суда, и тоже являющихся стопроцентными «дочками» «ЮКОСа», что написано в обвинительном заключении, страница 143, так вот там эта же самая нефть считается не просто обращенной в мою пользу, но еще и «отмытой». Вот как эту логику Вы себе представляете, Ваша честь? Но дальше еще интереснее. Сделаем следующий шаг. Если бы нефть была похищена мной и обращена лично мной лично в мою и членов организованной группы, то не только прибыли, но и

даже выручки не могло бы быть не только у производителей, но и у «ЮКОСа» в целом. Ведь поставивший себя на место собственника всей нефти, естественно, забирает и всю выручку. Да, он может потом что-то отправить, так сказать, на какие-то цели, даже тем же самым потерпевшим. Но без выручки, именно выручки, а не какой-то там материальной помощи от похитителя, прибыли заведомо нет. Но обвинение определенно утверждает, и, к слову, потерпевшие подтверждают это: прибыль есть. И это установлено судом. Обвинительное заключение: «Из 15 миллиардов 821 миллиона долларов США прибыли «ЮКОСа» за период 1999-2003 года в качестве дивидендов было выплачено всего 2 миллиарда 628 миллионов долларов или 16,6 процентов прибыли». Повторено в прениях господином Смирновым 22 числа, страница 11. Причем, повторено про добросовестных приобретателей и про прибыль. И про обязанность заплатить налоги с прибыли. А как это могло образоваться у того, у которого все похищено, но обращено в мою пользу? Дальше. «У ОАО НК «ЮКОС», получившего экономическую выгоду от операций с нефтью и нефтепродуктами, возникла обязанность по уплате налога на прибыль». Это решение суда. Дальше. Господин Христенко: «Мне было известно, что «ЮКОС» является высоко прибыльной компанией». Дальше, пожалуйста. Вот здесь, я почему подчеркнул слово, мне показалось, что все-таки имеет место техническая ошибка. Скорее здесь слово «накапливалась», иначе вообще логики нет. «Прибыль выводилась для увеличения капитализации компании, роста стоимости акций ОАО НК «ЮКОС» и получения тем самым большей прибыли через продажу акций ОАО НК «ЮКОС». Ну, логично все-таки «накапливалась», я так думаю. Дальше. Справочка, присланная компанией, и не поставленная под сомнение стороной обвинения, а, наоборот, подтвержденная ими, со ссылками, правда, уже на аудиторское заключение, которое показывает, сколько прибыли получила компания «ЮКОС» за каждый год, начиная с 1999 года. Миллиарды долларов. Выручки сколько получила компания «ЮКОС» за каждый год – миллиарды долларов, 50 миллиардов только с 1999 года, с 1998 года, как Вы помните, я сказал, 55. Принимаю пас от уважаемых оппонентов, которые в прениях выдвинули новую версию, что прибыль, показанная как прибыль «ЮКОСа», на самом деле не принадлежала «ЮКОСу». Замечу, что сами оппоненты в прениях многократно подтвердили то, что сказано в обвинительном заключении и в справке – прибыль у «ЮКОСа» была. Но это их обычные метания, в пятницу их вообще почему-то заметало из стороны в сторону. Еще замечу: версия, что прибыль у «ЮКОСа» возникла до 1998 года, она в какое-то время подавалась господином Смирновым, в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого отсутствует и в прениях она не изложена. Я полагаю, что мои пояснения и отчетность «ЮКОСа», где показано несколько сот миллионов долларов, накопленных к 1998 году, несколько сот миллионов долларов убытка в 1998 году всех удовлетворили. То есть все поняли, что в 1999 год «ЮКОС» вошел с нулем. Вот поскольку «ЮКОС» вошел с нулем и заработал за эти годы 15,8 миллиарда долларов прибыли, где у нас консенсус со стороной обвинения, посмотрим, куда эта прибыль была потрачена, для того чтобы понять, была ли она потрачена в интересах «ЮКОСа» «ЮКОСом», или мной, в своих, независимых от «ЮКОСа» интересах. Дальше, пожалуйста. Дивиденды – 2,6 миллиарда – подтверждены стороной обвинения. Капиталовложения – 4,5 миллиарда. Напомню, Ваша честь, что никто не сомневается, что добыча «ЮКОСа» увеличилась за эти годы с 40 до 80 миллионов тонн. Господин Рыбин, любимый свидетель стороны обвинения, в своих показаниях в ответе на мой вопрос сказал, что ввод миллиона тонн мощностей по добыче нефти стоит приблизительно 100 миллионов долларов. Доверяя этим его показаниям, мы приходим к выводу, что 4 миллиарда капитальных вложений точно подтверждены. А есть еще, как правильно сказал господин Лахтин в прениях, вложения в другие производства. Ведь у «ЮКОСа» были не только добывающие мощности, а еще перерабатывающие, сбытовые, транспортные и так далее. По нашей отчетности 4,5

миллиарда долларов капвложений. И 9,4 миллиарда долларов – это расходы на приобретение новых активов. Надо сказать, опять господин Лахтин в прениях подтвердил приобретение этих активов, вот они все сделаны, достаточно легко посчитать. Ваша честь, я специально тут не указывал, потому что это все-таки сравнительно небольшие суммы, то есть, как небольшие – сотни миллионов долларов, это бонусы по итогам года для сотрудников компании, и это социальные затраты – строительство профилакториев, бассейнов, домов культуры, ремонт жилища, спецодежда и так далее, в общем, все то, что на себестоимость не относится. Будет несколько еще больше. Вот, Ваша честь, если Вы сложите, а это легко сделать, то Вы увидите, что 16,5 миллиарда долларов, очевидных затрат, относимых на прибыль, подтверждены стороной обвинения. А прибыли всего было 15,8. И мне надо было на самом деле объясняться, а откуда разница взялась? Вот здесь мне помогла госпожа Ибрагимова, которая подала мне еще один пас. Она заявила, что я обманул суд, сказав об остатках денежных средств, сформированных на конец 2003 года за счет кредитов банков в размере 2,6 миллиарда долларов. Она долго и подробно рассказывала, что согласно справке Министерства по налогам и сборам, «ЮКОС» получал эти деньги до, а не после сделки с «Сибнефтью». Ваша честь, вообще-то это безразлично. Я, когда вот об этом говорил суду, я объяснял, каким образом получилось, что «ЮКОС», израсходовав всю накопленную прибыль, и даже чуть больше, как я только что показал, к концу 2003 года на дивиденды, капитальные вложения, приобретение новых активов, тем не менее, имел некоторые остатки на счетах своих казначейских подразделений. Вот здесь было важно, что госпожа Ибрагимова подтвердила – кредит был, «ЮКОС» действительно потратил деньги на покупку «Сибнефти», в том числе и через предоставление продавцам собственных акций, скупленных у акционеров. Ну, а остаток был за счет, вот, кредита. Спасибо, вот это самое главное. Если же суду важны подробности сделки, то тогда суд может вернуться в судебное следствие и узнать от меня, я просто об этом не рассказывал, потому что это детали, что сделка с «Сибнефтью» шла в три этапа, сделка с банком «Societe General» – в два этапа. Эти этапы чередовались. Ну, мне просто казалось, что это детали, для данного дела не имеющие значения. Дальше. Что про это все говорили свидетели? Косьюшко: «Сначала в рамках первого платежа было выплачено 3 миллиарда долларов за пакет из 20 % минус одна акция «Сибнефти». Затем «ЮКОС» заплатил 3,5 миллиарда долларов для того, чтобы приобрести так называемые казначейские акции «ЮКОСа», которые, собственно говоря, дальше пошли, об этом Платон Леонидович подробнее расскажет, пошли на обмен «Сибнефти». Обращаю внимание: 3,5 миллиарда, в том числе, 2,6 «Group Menater Limited», как сказала госпожа Ибрагимова. Почему госпожа Ибрагимова решила укорить меня, что оферта на выкуп сделалась не всем акционерам, а только «Group Menater Limited»? Всем она делалась. Именно поэтому на «Group Menater Limited» пришлось только 2,5 где-то миллиарда из 3,5 суммарно потраченных. Это публиковалось в газетах, сведения об этом есть в материалах дела. Ну, я просто не знаю, и не хочу на этом останавливаться, и не буду останавливаться. Важно, что «ЮКОС» выкупил акции свои для обмена на акции «Сибнефти». Затраты на акции «Сибнефти» отражены в отчетности «ЮКОСа» за 2003 год, и в акте Министерства по налогам и сборам. И это госпожа Ибрагимова подтвердила. Я могу только предположить, что таким своим тяжелым наездом она маскировала поддержку. Дальше, пожалуйста. Что сказал на тему об этих активах господин Ребгун, конкурсный управляющий? Я у него специально спросил, проверял ли он правоустанавливающие документы. Он сказал: «Мы оценивали активы. Если бы вам, – ну, это он ко мне обращался, – какой-то актив не принадлежал, я был бы поставлен в известность, и в этом случае очевидно были бы какие-то выводы. У меня, могу точно утверждать, такого не было, за исключением, может быть, Западно-Малобалыкского, все остальное имело правоустанавливающую документацию». Ну, Ваша честь, действительно, было

бы странно спорить, поскольку публикации о продаже шли очень шумно в «Российской газете», и вся продажа имущества «ЮКОСа» от лица «ЮКОСа» с зачислением средств погашения долгов именно «ЮКОСа», а не моих и организованной группы, это настолько громкая история, что спорить с ней, честное слово, было бы смешно. Я думаю, что и господин Ребгун на самом деле понял, что тем самым он рассказал, куда делись деньги «ЮКОСа», накопленные им к концу 2002 года. Дальше. Обвинительное заключение, 143 страница. Вот смотрите: фраза грозная, а смысл ее для нас с Платоном Леонидовичем позитивный. «Члены организованной группы приостановили запланированную дальнейшую схему легализации, предусматривающую окончательный переход полученных от реализации похищенной нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий ОАО НК «ЮКОС» денежных средств во владение подконтрольных только участникам организованной группы компаний, находящихся за периметром холдинга во главе с ОАО НК ЮКОС». А смысл-то какой: а до этого момента (до того как приостановили), все денежки, оказывается, на компаниях, находящихся в периметре консолидации холдинга компаний «ЮКОС». И по-другому эту фразу понять невозможно. Ну и, наконец, цитата господина Лахтина в прениях. Я ее повторять не буду, я ее уже один раз приводил. Я просто тогда просил Вас обратить особое внимание на это, что сторона обвинения подтвердила расходование всей прибыли, полученной «ЮКОСом», в интересах «ЮКОСа». С этим оно не спорит. А как же тогда обращение похищенного в мою пользу? А через рост капитализации «ЮКОСа» и продажу принадлежащих мне акций «ЮКОСа». Понятно. Это теперь у нас такое хищение. Если же вспомнить, что «ЮКОС» уже признан рядом судебных решений собственником нефти и всей прибыли, и именно поэтому обязанным уплатить налоги, установить незаконное обогащение даже «ЮКОСа» невозможно, как, собственно, невозможно, на самом деле, без отмены соответствующих решений судов говорить о том, что прибыль получил не «ЮКОС». Не «ЮКОС»? Налоги «ЮКОСу» верните! Во всяком случае, те, которые не мы заплатили, а которые изъяты были дополнительно, по решению суда. Где организованная группа? Ее даже сунуть-то некуда. Дальше, пожалуйста. Опять теоретический вопрос об исполнителях присвоения. Здесь наши формальные оппоненты всех запутали и в обвинительном заключении, и в прениях. Я устал считать, сколько раз они заявляли, что право на управление обществами приобретено незаконно, начиная с акций «ЮКОСа», «ВНК», «Томскнефти», и заканчивая созданием управляющей компании, а сколько раз они утверждали, что полномочия законно получены и привели к законному вверению нефти преступникам и их соучастникам. Вот думаю, приблизительно пополам, половину они говорили это, половину то. Вот буду исходить из последнего предположения о законности вверения, поскольку и в обвинительном заключении, и в прениях прокуроры настаивали, что имеет место именно присвоение, а присвоение основывается на законности вверения имущества. Вот посмотрите, что говорит Пленум: «Исполнителем присвоения может являться только лицо, которому чужое имущество было вверено на законном основании». Кому оно было вверено? Ни Ходорковскому, ни Лебедеву, ни Переверзину, ни Малаховскому нефть не вверялась, таких документов в суде не было. Общие собрания производителей, а фактически это «ЮКОС», естественно, как контролирующий акционер, вверил имущество компании «ЮКОС ЭП». Президенты у этой компании, единоличные исполнительные органы, были сначала Казаков, потом Бейлин. Остальные лица – это те, которым полномочия подписывали они в виде доверенности, а на это ссылается сторона обвинения. Вот посмотрите: всего 10 человек. Все имеют полномочия, все подписывали одинаковые договоры. Ну, Казаков только не подписывал. Никто не является подсудимым или осужденным за присвоение нефти. Двое названы соучастниками – Бурганов и Елфимов, к слову, которые как раз никогда не работали в «ЮКОС ЭП». Двое привлекались к суду за уклонение от уплаты налогов

при продаже той же нефти, которая теперь называется похищенной – это Анисимов и Гильманов. Надо заметить, организацией они привлекались к ответственности за уклонение налогов с организаций. Так вот организацией, уклонившейся от налогов в деле Анисимова и Гильманова, была не организованная группа, а потерпевшие. То есть нефть была ими законно продана. Законность обвинения псевдоорганизатора мифической организованной группы в присвоении, без установления преступности действий спецсубъектов, которым имущество законно вверено – да это невозможно. Признать действия не подсудимых преступными невозможно. Бумага, конечно, все стерпит, можно в этом процессе, наплевав на налоговые приговоры и без выслушивания спецсубъектов признать их преступниками, а потом, на основании этого незаконного решения, в следующем процессе просто назвать их фамилии и сроки наказания, и сказать, что это преюдиция. Только к закону это никакого отношения иметь не будет. И прокуроры это знают, и специально так сделали. Дальше. Прокуроры дополнительно застраховали нас от обвинительного приговора. Потому что противоречивое обвинение – гарантия отмены обвинительного приговора. Ну вот смотрите. Версии предмета хищения – нефть. Перечислены страницы обвинительного заключения, где она названа. Это вещество, жидкость, которую можно украсть, переместить и что-то еще, как сказала уважаемая госпожа Ибрагимова в прениях, и с чем я абсолютно согласен. Право собственности на нефть – имущественное право, которое перенести и украсть нельзя. Тем не менее, в обвинительном заключении минимум 4 раза, и от этого сторона обвинения не отказалась, встречаются именно права собственности на нефть. Нефтепродукты. Сторона обвинения сказала, что ущерб оно просчитывать по нефтепродуктам не будет, но, тем не менее, нефтепродукты обозначены в обвинительном заключении как похищенные. Это вообще вещество, полученное в результате использования нефти в технологическом процессе. Нефтедобыча по крайней мере дважды встречается, и, к слову, в прениях повторено. Это вообще процесс извлечения сырья из недр. Денежные средства, то есть выручка от реализации нефти и нефтепродуктов, минимум пять раз. И это я беру, Ваша честь, только формулу обвинения, я не беру все обвинительное заключение. Там вообще лес дремучий. Дальше. Версии способа хищения: изъято – трижды. То есть, и одновременно говорится, что отгружено непосредственно производителем и поступило потребителям. Логика понять невозможно. Переводом на баланс – минимум 5 раз. Бухгалтерский баланс, как мы уже обсуждали, составляется как минимум через месяц, а то и через три, если говорить про годовые балансы, приведенные в качестве доказательств, после того как нефть использована на НПЗ. По договору – кучу раз. Однако договор – это соглашение двух юридических лиц, заключаемое, причем, до того как нефть добыта. Очень любопытный способ хищения. Правомерный, с одной стороны, а с другой стороны, до того как продукция... вещь вообще возникла в природе. Очень любопытно. Под видом договора – четыре раза нашел. Непонятно как, но не по договору. Ваша честь, и вот со всем этим мы подошли к прениям. На эту тему есть анекдот по поводу «Боинга», помните? «На нашем самолете есть бассейн, есть бар, есть ресторан... А теперь, господа, пристегнитесь, и вот со всем этим мы попытаемся взлететь». Видимо ожидают от Вас того, что Вы проведете селекцию из всего этого ресторана, выбор. Но вообще-то суду этим заниматься не положено. И защищаться после того, как Вы произведете выбор в совещательной комнате, от того, что Вы выберете, я уже не смогу. Дальше. Теперь поговорим о ценах на нефть в договорах, которые приобщили прокуроры. Хотя вопрос о ценах и выходит за пределы обвинения в хищении нефти, но половина обвинительного заключения посвящена сравнению цен в договорах купли-продажи нефти в Ханты-Мансийском автономном округе, в Самаре с ценами на нефть сорта Urals в Роттердаме. Ваша честь, если цены есть, значит, признаются договоры купли-продажи. Если договоров нет, они подложные, фиктивные, то и цен не существует. Какой смысл изучать цены, указанные в несуществующих

договорах? Да там хоть миллион долларов напиши за тонну – это ничего не значит, ведь договор несуществующий, подложный, исключительно для прикрытия чего-то там. Тогда оппоненты должны были бы изучать фактические перечисления, а потерпевшие – отражать не выручку, полученную по договору, а некие поступления, но не от продажи продукции. Тем не менее, Вам в конце судебного заседания предоставляется именно выручка, и все говорят именно о выручке, то есть все понимают, что это поступило именно по договорам, именно за реализацию продукции. А эксперты и оппоненты строят свои расчеты на договорных ценах и на реестрах этих же самых подложных, фиктивных договоров. Очень интересно. Ну, таким образом, Ваша честь, я считаю, прокуроры подвели Вас к признанию судебных решений о действительности договоров, по которым нефть оплачивалась в размере, превышающем ее фактическую стоимость для производителя. Так вот как же определялась цена, и кто ее имел право определить? Гражданский кодекс, свобода договора. Условия договора определяются по усмотрению сторон. Цена. Исполнение договоров оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. Напомню, переход права собственности к «ЮКОСу» произошел именно по указанным в договорах ценам, и это установлено судебным решением, и не одним. Далее, про свои органы управления. Передача исполнительного органа коммерческой организации. Аналогично звучит 69 статья Федерального закона «Об акционерных обществах». Договоры подписаны полномочными представителями общества. Общества, являющегося законным исполнительным органом, то есть «ЮКОС ЭП». Сумма выручки за год, то есть цена годового объема продукции, предварительно одобрялась руководителем «ЮКОС ЭП» с согласия совета директоров, бюджет так называемый (а их несколько приложено к материалам дела) подписан (или там указано, что подписан) заместителем руководителя «ЮКОС ЭП» по финансам, а по итогам года одобрялся общим собранием акционеров, отчет общества по Российской системе бухгалтерского учета, статья «выручка от реализации продукции». Ежегодно, и за 1998, и за 1999 год, и так далее. Эти факты оппоненты под сомнение не ставят. И даже просили не приобщать эти решения общих собраний и, соответственно, утвержденные по РСБУ. Замечу – аудиторы свои заключения по РСБУ, по Российской системе бухгалтерского учета дочерних компаний «ЮКОСа» не отзывали. Они по «ЮКОСу» отзывали, а по «дочкам», которые нас интересуют, не отзывали. То есть все проверено аудитом, все утверждено в соответствии с законной процедурой, никем не оспорено, и в любой момент, Ваша честь, Вы можете зайти на сайт раскрытия информации ФКЦБ Российской Федерации и посмотреть там эти отчеты, они там за все годы. Более того, сами потерпевшие Вам выписки прислали из тех самых бухгалтерских отчетов, утвержденных общими собраниями акционеров обществ-производителей. Действительное согласие единственного акционера добывающих «дочек», то есть «ЮКОСа», подтвердил его собственник (или контролирующий акционер) – я. Кроме того, «ЮКОС» был другой стороной сделки, что само по себе означает его согласие. Более полномочных или более действительных лиц для определения цены продукции частной компании, а мы все-таки говорим о частной компании, в законе не существует. Про тему сделок с заинтересованностью я говорил, но в любом случае предположения о том, какие бы могли быть решения общих собраний акционеров, если бы голосование было иное, в 1999, 2000, 2001, 2002 и 2003 году, Ваша честь, этого в обвинительном заключении не вменялось, Вы это рассматривать не можете. Значит, решения общих собраний акционеров «дочек» не оспорены. То есть цену законно определили полномочные лица с согласия «ЮКОСа», единственного акционера. Теперь поговорим про экономическую целесообразность. Дальше. «Цена на нефть без какой-либо экономической необходимости преднамеренно занижалась в несколько раз, заведомо не соответствуя мировым рыночным ценам». Это обвинительное заключение. Вообще-то экономическая целесообразность действий должностных лиц коммерческой

организации, да еще и одобренных единственным акционером, то есть «ЮКОСом», вообще не является предметом данного судебного разбирательства. Но, Ваша честь, столько работы было сделано нашими оппонентами, я не могу, так сказать, просто так пройти мимо. Дальше. Сначала про цену что говорит Гражданский кодекс. «В случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена, – у нас, правда, она предусмотрена, – исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары». Замечу, Ваша честь, не рыночных, я вообще не понимаю, откуда тема рыночных взялась, по товарам, по которым в Российской Федерации, таким как нефть, рыночных цен вообще нет, о чем Вам все рассказывали. Так вот, Гражданский кодекс говорит не о рыночных, а о сравнимых обстоятельствах. То есть в нашем случае о ценах других вертикально-интегрированных нефтяных компаниях. У нас в договоре цена предусмотрена, но поскольку прокуроры предлагают оценить экономическую целесообразность применения в Ханты-Мансийском автономном округе цен Роттердама, посмотрим, что об этом сказали свидетели. Дальше. Свидетель Христенко, министр промышленности: «Можно сказать с уверенностью, что добычные активы компании на выходе не могут иметь цену, равную цене нефти в Роттердаме. Внутророссийская цена отличается от цены Роттердама на величину экспортной пошлины и на логистические затраты». Далее, он же: «Мы стремились к определенному избытку предложения на внутреннем российском рынке. Эти, то есть внутренние цены, были достаточно низкими по отношению к ценам на эти нефтепродукты, – он здесь говорит о нефтепродуктах, – в Европе или где-то еще». Но ведь нефтепродукты-то мы вырабатываем из той же самой нефти, и если цена на нее роттердамская, то откуда здесь ниже-то взять нефтепродуктов? Дальше. Греф на мой вопрос о причинах значительной, в три и более раз, разницы между ценами у производителя в регионах добычи и ценами на нефть сорта Urals в портах Западной Европы отвечает: «Объясняется, целым рядом факторов можно объяснить, в том числе экспортным налогообложением. Две ключевые составляющие – экспорт и экспортные пошлины». Да, я извиняюсь, «транспорт и экспортные пошлины». Транспорт и экспортные пошлины. Обращаю внимание, в чем нас обвиняют: цена на нефть без какой-либо экономической необходимости преднамеренно занижалась в несколько раз по сравнению с реальной рыночной ценой, под которой понимается Urals, Rotterdam. Ну, там, или Mediterranean, но это то же самое, только Италия. Дальше, пожалуйста. Касьянов: «Внутренние цены, – на нефть, он говорит, – отличались существенно от внешних цен. И сегодня цены на нефть ниже на российском рынке, нежели на биржах европейских. Сложно себе представить, что цена на нефть в Омске или в Ярославле была бы та цена, которая в Роттердаме». Дальше. «Ни одна российская нефтяная компания не реализует нефть внутри страны по цене котировок Urals или по экспортной цене в силу разницы этих рынков». Это Татьяна Лысова, главный редактор деловой газеты «Ведомости». Дальше. «Если бы она, «Роснефть», покупала нефть по ценам выше, чем в Роттердаме, то она была бы банкротом сразу. По таким же, имелось в виду, ценам, то же самое, невозможно», – Греф. Дальше. Посмотрим сравнение цен. Ваша честь, вот на что я хочу обратить Ваше внимание. Вот это, верхний график, цена в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, Роттердам, то есть в обвинении. Зелененькие точки – это цена, опять же в обвинении, «ЮКОС» в Ханты-Мансийском автономном округе. А красным – это предоставленное по запросу Генеральной прокуратуры Министерством по налогам и сборам средняя цена производителей в Ханты-Мансийском автономном округе. Вот она с разрывом, потому что частично они информацию не предоставили. Ваша Честь, какая цена сравнима – в Роттердаме или там же, где совершались сделки, в Ханты-Мансийском автономном округе, и насколько можно сказать, что цены «ЮКОСа» (зелененькие) завышены или занижены по сравнению со средними ценами, которые представило сюда само обвинение? Да они просто совпадают. Ваша честь, я еще на

одно хотел обратить Ваше внимание, хотя я понимаю, это только мои показания, но, тем не менее, все-таки, Высший арбитражный суд по делу «Роснефти» в 2003, дело «Болен» против «Роснефти», какие цены для «Роснефти» признаны законными и не нарушающими ни чьих интересов? Я о них говорил в своих показаниях, вот они, здесь желтеньким отмечены. Ну и чего? Где экономическая несопоставимость, где заниженность? В обвинении отсутствует сопоставление цен «ЮКОСа» с ценами других компаний, с ценами внутренних продаж. Только цены Роттердама. Я имею в виду обвинение, которое нам было предъявлено. Это избавляет меня, Rotterdam или Mediterranean, это не принципиально, это избавляет меня и суд от необходимости более подробного изучения цен, а суду позволило отказаться от приобщения цен других компаний, которые, конечно, соответствовали средним, а не вовсе не Роттердаму. Замечу: в прениях оппоненты предложили суду для расчета ущерба использовать сопоставление цен между нашими «внутриюкосовскими» договорами с добывающими «дочками» в регионах добычи, и нашими, «ЮКОСа» же, договорами с международными торговыми подразделениями «ЮКОСа» на границе, после таможни. Они это назвали «таможенной ценой». Поскольку суд, очевидно, не может сделать вывод о наличии или отсутствии реального ущерба исходя из разницы в ценах между подложными, которыми называют, и фиктивными договорами, а именно эти цены взяты для расчета ущерба, реального ущерба оппонентами, оппоненты опять аккуратно подвели суд к признанию договоров действительными и исполненными. Впрочем, как я уже говорил, таких судебных решений об их действительности уже хватает. Наличие действительных, исполненных договоров с любыми ценами исключает хищение путем присвоения. Тем не менее, вот по этой части вывод хотел бы сделать: было бы странно, если бы «ЮКОС» покупал нефть у своих добывающих «дочек» по ценам Роттердама, потом нес все затраты и продавал, в лучшем случае, опять по ценам Роттердама, а 70 %, ну, или, там, 60, гораздо дешевле, на внутреннем рынке. Ведь всю нефть, и даже половину экспортировать невозможно, это никто не возражает, а покупать ее в России по цене Роттердама желающих точно не нашлось бы. Ну, разве что господин Лахтин поспособствовал бы. И напомним: в добывающих «дочках» работало 18 300 человек, в «ЮКОСе» – 110 000. Как суду решить, что 18 тысяч должно были быть в большом плюсе, а все остальные 100 тысяч в столь же большом минусе? Непонятно. Но самая интересная картина, Ваша честь, разворачивается, если посмотреть на все это безобразие сверху, в совокупности. Обвинение предъявлено в хищении нефти, и только. Это значит безвозмездное, противоправное завладение жидкостью черного цвета против воли собственника. Ни про налоги, ни про обиженных миноритарных акционеров, ни про недополученную прибыль. Даже незаконное приобретение права на чужое имущество – и то другая тема. Только нефть, где-то и как-то изъятая. Иногда говорят: «На узле учета «Транснефти», иногда так не говорят. Однако, псевдопохищенная нефть, оказывается, получена потребителями. Вся. Те, кому псевдопотерпевшие ее непосредственно отправили. Факта преступления нет. Чтобы не было никаких сомнений, что произошло именно хищение, констатируется: новый законный и фактический собственник нефти – «ЮКОС», установленный в качестве такового судом, оплатил ее потерпевшим, то есть продавцам, и это написано, к слову, по договорам купли-продажи, и является, как утверждают теперь наши уважаемые государственные обвинители, добросовестным приобретателем. Это основание, которое, как Вы помните, и я это показывал, решение суда, по которому его обязали доплатить налоги. Похититель, незаконный владелец, получивший выгоду, если бы он ее получил от нефти, налоги не платит, как это общеизвестно, а возвращает похищенное, и не государству, а законному собственнику. И таким бы было бы решение суда, если бы суд признал, что «ЮКОС» получил нефть не в собственность, а незаконно ею завладел. Цены равнялись средним ценам других производителей, это мы сейчас все увидим. Потерпевшие полученной выручкой от реализации

псевдопохищенного полностью компенсировали фактическую стоимость нефти, то есть свои затраты на производство, и получили прибыль, что ни они не отрицают, ни сторона обвинения не отрицает, ни эксперты, ни решение Басманного суда. И это заявляют мои формальные оппоненты сами, по доброй воле, без сговора со мной. Басманный и Арбитражный суды города Москвы это подтверждают. Спасибо им всем. Все признаки хищения налицо: и отсутствие реального ущерба, и прибыль у потерпевшего вместо безвозмездности, и действительный договор вместо противоправности, и законный собственник в результате хищения, и даже поставка похищенной нефти потребителю, указанному потерпевшим. Если это хищение, то, Ваша честь, оцените как хищение и свои собственные действия. Вот Вы сегодня-завтра, в частности, когда я закончу, возможно, пойдете обедать в зависимую от Вас как от председателя суда столовую. За обед Вы, конечно, заплатите. Несомненно, в версии стороны обвинения, для того чтобы обеспечить возможность последующего хищения обеда. Столовая не понесет ущерба, и даже, вероятно, получит прибыль, но не максимально возможную. Любопытно сопоставить цены в судейской столовой с ценами, вот здесь за речкой, там гостиница «Рэдиссон Славянская», там, я думаю, что ни один судья по этим ценам не купил бы здесь обед. Да, я уж не говорю о Роттердаме. Если Вы оплатите обед своему знакомому, похищение будет, видимо, уже в организованной группе. Приятного аппетита. Где в обвинении хоть слово про продажу нефти за рубеж по внутренним ценам? Наоборот, говорят – цель была продавать дороже. Где про яхты и дворцы, приобретенные мной или организованной группой за счет «ЮКОСа»? Где про переводы на мои личные счета? Ничего этого в обвинительном заключении и в материалах дела нет. Только действительные, исполненные и не оспоренные, обычные возмездные хозяйственные сделки. Одобренные «ЮКОСом» как единственным акционером добывающих «дочек», и мной, как руководителем и контролирующим акционером «ЮКОСа». В том числе, между прочим, выплата заработной платы сотрудникам компании. А то, что на заработную плату в нефтяной промышленности приходится более 10 % выручки, я понимаю, что для господина Лахтина это, возможно, доказательство хищения и распоряжения в своих интересах. Сделки, в результате которых законным собственником нефти, то есть добросовестным приобретателем, как нам сказали здесь, и раньше, 16 августа 2010 года в суде говорил Лахтин, законным выгодоприобретателем средств от дальнейшей реализации нефти и нефтепродуктов, согласно многочисленным судебным решениям, стал «ЮКОС», а не подсудимые и не осужденные как мои соучастники. Я весьма признателен стороне обвинения, что все вызванные ею в суд свидетели обвинения фактически стали свидетелями защиты. Даже те из них, кто демонстрировал ко мне глубокую неприязнь, не смогли подтвердить факт хищения нефти. Дальше, пожалуйста. Авалишвили. Уж как мы с ним друг друга не любим, ну, даже в суде это было заметно. «Ходорковский надел на себя белый цвет, ушел от тех подложных схем, которые вызывали сомнения у миноритариев». Видимо, все-таки ушел до того, как меня посадили, иначе бы он об этом не узнал. Дальше, Рыбин: «Нефть невозможно украсть, к тому же всю или большее ее количество. В период с 1997 по 2002 год стоимость компании, – он говорил о «ВНК», – выросла как минимум на 20-25 процентов. Мощности по добыче нефти прирастали, фонд нефтяных скважин увеличивался, строились или вводились технологические и социальные объекты, то есть происходила капитализация активов». Ну, если это моя вина, как руководителя компании, то, конечно, я в этом виновен. Дальше. «Томскнефть» убыточной никогда не была, я знаю, что «Томскнефть» получала выручку». Это господин Хорьков, который тоже здесь проявлял всяческую неудовлетворенность вообще моей жизненной позицией. Обвинительное заключение, дальше, пожалуйста. Обращаю внимание: «Умышленные действия Лебедева при установлении цен направлены на то, чтобы цена продажи нефти ОАО НК «ЮКОС», – обращаю внимание, ОАО НК «ЮКОС», – на

таможне была чуть выше средних цен других российских компаний». Это обвинительное заключение. Дальше, пожалуйста. «Одним из ключевых мотивов действий лично Ходорковского по восстановлению прав остальных акционеров, – ну ладно, к восстановлению, не нарушению, я бы сказал, – нефтяной компании, восстановлению законных интересов государства на получение установленных законом обязательных платежей ОАО НК «ЮКОС» стало его желание реализовать себя в политике». Ваша честь, я думаю, что это, в общем, действительно единственное, что подразумевают наши обвинители, обвиняя меня в данном процессе, мое стремление реализовать себя в политике. Ну и, наконец, последнее. Владимир Владимирович Путин: «Грамотно используя современные научные и технологические достижения, «ЮКОС» уверенно движется по траектории стабильного роста. Эффективная организация труда, высокий профессионализм и ответственность сотрудников позволяют компании не только удерживать, но и расширять свои позиции на внутреннем и международном рынках». Это поздравление от 15 апреля 2003 года. Все уж похищено, пять лет, в течение пяти лет все похищалось. Пять мыслей, на которые я просил обратить внимание суд. А и Б сидели на трубе. Не похищена ни нефть, которая пошла потребителю, ни право собственности, которое перешло к «ЮКОСу». Второе. Похищение вещи уже не существующей или еще не созданной. Несуществующая – это баланс, еще не созданная – договор. Третье. Безвозмездно. То есть за 400 миллиардов рублей, за бюджет Москвы. Четвертое. Реальный ущерб потерпевших – это прибыль, полученная ими, по всей видимости. И пятое. Увеличение объемов производства и капитализации компании и есть подтверждение обвинения и преступная корыстная цель обвиняемых. Мне очень понравилось. Я не упрекаю следователей и государственное обвинение в том, что они не оказались героями и не смогли отказаться от выполнения преступного приказа – ценой любой фальсификации посадить Ходорковского и Лебедева навсегда. Но я высоко ценю их усилия по подготовке обвинительного заключения, из которого более чем ясно вытекает наша с Платоном Леонидовичем Лебедевым полная невиновность. А также за выступления их свидетелей и поведение государственного обвинителя Лахтина в суде. Валерию Алексеичу особая благодарность. Его удачные репризы навсегда войдут в сокровищницу российского искусства. А каким гражданским мужеством нужно было обладать человеку, взявшему мишенью своей многомесячной пародии внешне суровую фигуру государственного обвинителя. Спасибо ему. Именно благодаря им в нашей невиновности убедились, кажется, все, кто интересовался ходом процесса. И в России, и за рубежом. Следствие и обвинение сделали все, чтобы у суда не осталось ни единого законного шанса не оправдать нас. Спасибо вам, уважаемые юристы, я вам этого не забуду. Уважаемый суд, я понимаю, оправдательный приговор в московском суде – событие почти фантастическое. Но мои оппоненты очень старались. Оцените их усилия по достоинству. Иначе в следующий раз они могут просто, я извиняюсь за слово, но плюнуть на пустой лист бумаги, и со штампом «Генеральная прокуратура. Копия верна» прийти к Вам за 14-летним приговором. Собственно, сейчас в суде происходит фактически то же самое. Большое спасибо за внимание, у меня все.

Судом объявляется перерыв.

15 часов 20 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Шмидт Ю.М.: Уважаемый суд! Хорошо известно, что в сознании значительной части, ну, скажем так, думающей части нашего народа по абсурдности и бессмысленности предъявленного обвинения дело Ходорковского давно и прочно ассоциируется с «Процессом» Франца Кафки. Но вот сейчас, прослушав речь государственных обвинителей, я не могу отделаться еще от одного сравнения – с романом Джорджа Оруэлла «1984». Ощущение, что вся эта речь произнесена на новоязе. Вы помните главные лозунги англофа: «Война – это мир», «Свобода – это рабство», «Незнание – это сила». Прокуроры не только широко использовали эти

известные афоризмы, но и обогатили новояз новыми «перлами». Михаил Борисович говорил об этом достаточно подробно, анализируя выступление представителей государственного обвинения и базу, на которую они опирались – многотомный труд под названием «обвинительное заключение», но вот мы, слушая все это, узнавали, что правда – это ложь, закон – это беззаконие, правосудие – это произвол, соблюдение прав – это их нарушение, доказательства – это отсутствие доказательств, ну, и более развернутые, такие как: показания Ходорковского о нормальной производственной деятельности компании – это фактическое признание вины в хищении. Это – постараюсь следовать вежливому стилю моего подзащитного – уважаемый оппонент прокурор Лахтин. Почему возникло это дело, дело, которого нет? Может быть, это результат чей-то трагической ошибки, чьего-то заблуждения? К сожалению, это результат злой воли – злой воли вполне конкретных лиц, и некоторых из них я назову сегодня пофамильно. Я утверждаю, вопреки тому, что произнес уважаемый оппонент прокурор Лахтин, это дело имеет сугубо политическую мотивацию, и преследование Ходорковского и «ЮКОСа» – это расправа с политическим противником с большой примесью коррупционно-рейдерской составляющей. Я не буду говорить прописные истины, Ваша честь, я только кратко напомню, что Конституция и законы России закрепляют независимость суда в принятии решений и устанавливают ответственность лиц, виновных в оказании незаконного воздействия на суд и ином вмешательстве в его деятельность. Уголовная ответственность за вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, а также в действия прокуроров и следователей в целях воспрепятствования всестороннему и полному объективному расследованию дела, предусмотрены статьей 294 Уголовного кодекса РСФСР. Известно также, что Конституция закрепляет правило, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Таким образом, очевидно, что в предмет доказывания по уголовному делу, помимо того, что перечислено в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса, входят любые обстоятельства, подтверждающие нарушение прав обвиняемых, защищаемых как национальным законодательством, так и международными договорами Российской Федерации, в частности Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и к числу таких обстоятельств относятся факты, свидетельствующие о злоупотреблении правами со стороны государства, групп лиц или отдельных лиц, направленные на упразднение прав и свобод, признанных настоящей Конвенцией, или на их ограничение, это статья 17 Конвенции, или их применение для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены, статья 18 Конвенции). Как я уже сказал, что уважаемый оппонент Лахтин отрицал политический характер дела и, в частности, частично даже процитировал свидетеля Касьянова. Но можно процитировать так, что смысл превращается прямо в противоположный, как я это и сформулировал в начале своего выступления. Вот в характерной манере новояза у уважаемого оппонента Лахтина получилось так, что Касьянов не только не подтвердил политический характер дела, а наоборот отрицал. Этот вывод сделан по одной из фраз из всего, из всех показаний Касьянова с Путиным, а именно приведением слов Путина на вопрос Касьянова: «В чем тут дело?» – «Собственно, пусть разбирается прокуратура». Я позволю себе обратиться к первоисточнику, к человеку, которого процитировал свидетель Касьянов. Еще на встрече с бразильскими журналистами в ноябре 2004 года Президент Путин тоже отрицал отсутствие политических мотивов в деле Ходорковского, и вот что он говорил: «Он, Ходорковский, никогда не занимался политикой, не был депутатом Государственной Думы, то есть депутатом Парламента, не был членом какой-то партии, не возглавлял никакое политическое движение». Здесь логика Президента каким-то чудесным образом очень сближается с логикой

уважаемого оппонента Лахтина, потому что если господин Путин думал, что только депутат Парламента, только человек, возглавляющий какое-то политическое движение, может преследоваться по политическим мотивам, то он сильно ошибается. А в противовес сказанному господином, тогда Президентом Российской Федерации, я очень кратко сошлюсь на некоторые суждения, не совпадающие с его мнением. Ссылаться я буду, Ваша честь, в основном на доказательства, исследованные в деле, но и приводить некоторые общеизвестные факты. Если я в чем-то ошибусь, то меня поправят, хотя я уверен, что я буду воспроизводить их абсолютно аутентично. Отказывая России в правовой помощи по настоящему делу, кстати, впервые в истории отношений наших стран, Федеральный трибунал Швейцарии указал: «Совокупность представленных данных отчетливо подкрепляет подозрения в использовании уголовного процесса как инструмента власти в целях подчинения класса богатых олигархов и удаления потенциальных или реальных политических противников. Просьба о взаимопомощи неприемлема, если имеются основания допускать, что в запрашивающем государстве процедура, внешне мотивированная нарушениями уголовного права, в реальности преследует личность за политические убеждения...». Аналогичным образом мотивировал недопустимость запроса о правовой помощи в связи с обвинениями, предъявленными Ходорковскому, Княжеский суд Лихтенштейна. А вот что говорится в решении Парламентской ассамблеи Совета Европы: «...Обстоятельства ареста и обвинения руководителей «ЮКОСа» наводят на мысль, что они не соответствуют принципам правового государства, и что власти выбрали этих людей мишенями в нарушение принципа равенства. Совокупность этих нарушений, лишение руководителей «ЮКОСа» владения путем массивного пересмотра налогов, финансовая поддержка Ходорковским групп оппозиций и кампания запугивания, проводимая государственными органами, позволили думать, что действия государства не ограничивались простым уголовным преследованием, но включали такие элементы, как ослабление политического противника, запугивание других богатых людей и возврат контроля над стратегическими экономическими активами...». Сенат США единогласно принял резолюцию, в которой выразил серьезные опасения по поводу того, что уголовные дела в отношении господина Ходорковского, Лебедева и их коллег политически мотивированы, и что в делах, связанных с возможной политической угрозой власти, российская судебная система – это инструмент Кремля, а такая судебная система не является по-настоящему независимой. Сходную по смыслу резолюцию принял Бундестаг ФРГ. При рассмотрении запроса Генеральной прокуратуры об экстрадиции некоторых сотрудников «ЮКОСа», в частности Чернышевой, Маруева, Темерко, судья Магистратского суда на Боу-стрит господин Тимоти Уоркман указал: «Я убежден, что это дело настолько политически мотивировано, что существует значительный риск, что судьи в московском суде поддадутся политическому влиянию, а это поставит под вопрос их независимость...». И далее: «...Огромное количество материалов указывает на то, что дело господина Ходорковского было политическим судебным процессом. Складывается ясная картина злоупотреблений и препятствий со стороны властей...». И надо сказать, подобные решения выносил не один господин Тимоти Уоркман, и даже не только английский суд, а и суды других государств. В интервью «Российской газете» заместитель генерального прокурора господин Звягинцев рассказал о результатах международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Вот его слова: «Иногда складывается впечатление, что Россию все обижают и никого нам не выдают. Так вот, в 2009 году мы отказали в выдаче почти 350 человек. Это в 7 раз больше, чем иностранные государства отказали нам». Ну, если 350 разделить на 7, получается 50 человек. Как раз туда очень хорошо вписываются все без исключения запрашиваемые по делу «ЮКОСа». Это к тому, что уважаемый прокурор Лахтин в своей речи, в обвинительной речи, по-моему, это он сказал, что процесс экстрадиции сотрудников «ЮКОСа» продолжается. Он,

собственно, еще и не начался. «...Благодаря серьезным усилиям по налаживанию тесного взаимодействию, – это господин Звягинцев, – с зарубежными партнерами, можно сказать, произошел коренной перелом во взаимоотношениях с государствами дальнего зарубежья. За 2 последних года они выдали нам почти в 3 раза больше лиц, чем в 2006 году...». Я, конечно, поздравляю Генеральную прокуратуру с успехом, но к нашему делу этот успех, как известно, не относится, о чем, впрочем, говорит и сам господин Звягинцев: «...Нас беспокоят отказы с политической подоплекой. Большое число именно таких «сидельцев» укрылось в Великобритании, имеются такие проблемы в отношениях с Австрией, Швецией. В прошлом году мы получили подобные необоснованные, на наш взгляд, отказы в выдаче со стороны Германии и Финляндии...». Говоря об отказах с политической подоплекой, господин Звягинцев, несомненно, имел в виду, в частности, и отказ в экстрадиции бывших сотрудников «ЮКОСа», и, знаете, я с ним согласен. Действительно, здесь есть явная политическая подоплека, правда, прямо противоположная той, о которой говорил господин Звягинцев, а именно та, которую усмотрели, отказывая в экстрадиции, суды иностранных государств. Далее, Ваша честь, говоря о политическом характере дела, я не буду ссылаться на документы подобного рода, не буду даже ссылаться на показания, включая показания свидетелей, допрошенных в ходе настоящего процесса. В моем выступлении речь пойдет о грубых нарушениях законности и прав обвиняемых, допущенных на разных стадиях судопроизводства. При этом, поскольку главный смысл моего выступления – это обоснование политического характера преследования, я вынужден буду касаться некоторых фактов, относящихся не только к настоящему уголовному делу, вообще-то возбужденному в 2004 году, обвинение по которому было предъявлено в феврале 2007 года, а к делу Ходорковского и Лебедева с момента начала их преследования. Разумеется, я буду отделять эксцессы, которые можно расценить как результат избыточного усердия самих исполнителей, правильно усвоивших единожды поставленную перед ними задачу, от тех действий, которые не могли быть совершены без прямого указания сверху и гарантии поддержки во всех инстанциях, то есть как раз без того, что нельзя квалифицировать иначе, чем незаконное вмешательство в правосудие. Я обращаю Ваше внимание на правоприменительные решения, которые не могли быть приняты непосредственно теми органами, от которых они исходили, и чьи грифы стоят на соответствующих документах: Генеральная прокуратура, Следственный комитет, Служба исполнения наказаний, суды, Служба судебных приставов. Для меня несомненно, что существует некий центр принятия решений, полагаю, под оперативным руководством господина Игоря Сечина, который ставит конкретные незаконные задачи, а потом прикрывает исполнителей, обеспечивая поддержку и круговую поруку. Этот же центр координирует действия различных правоприменительных структур и даже формально независимых ветвей власти, включая законодательную и судебную. Примеры я приведу. Можно сказать, что в деле расправы с Ходорковским и разрушении «ЮКОСа» вся репрессивная машина государства работала как единый механизм. Откровенно незаконные действия следствия и оперативных служб приобретали «легитимный» характер после вынесения судебных решений. Когда этого было мало, на помощь приходила услужливая Государственная Дума, весьма оперативно изменяя действующий закон или принимая новый, а также Верховный и даже Конституционный суд Российской Федерации. Итак, материалами дела, исследованными в суде... исследованными в судебном заседании, установлено – это я перехожу к такой, совершенно конкретной части – установлено, что предварительное следствие по уголовному делу 18/41-03, из которого 03 февраля 2007 года выделено настоящее дело, продолжалось и продолжается, всем нам это понятно, в течение всего времени со дня возбуждения, 20 июня 2003 года. Постановлением зама генерального прокурора Гриня от 03 февраля «в связи с предстоящим большим объемом следственных действий с участием Ходорковского и в

целях обеспечения полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков» местом проведения предварительного следствия избран город Чита. Заявляю, что данное постановление является незаконным, необоснованным и, позволю себе употребить любимое слово уважаемого оппонента Лахтина, является фиктивным. Перенос следствия в Читу имеет два значимых процессуальных момента. Во-первых, это нарушение прав обвиняемых как таковое, со всеми вытекающими последствиями, и независимо от принятого впоследствии судебного решения – через год, кстати говоря. И не надо думать, что это нарушение забыто или, как говорили в детской игре в футбол, «заиграно» – оно еще скажет само за себя в тех инстанциях, где ему придадут правильное значение. Во-вторых, как само это постановление, так и особенно последующие обстоятельства, связанные с его обжалованием и отказом следствия от исполнения вступившего в законную силу решения, подтверждают утверждение защиты о незаконном вмешательстве в процесс судопроизводства. Так вот, напомним, что главное, «материнское», если его так можно назвать, дело 18/41 было возбуждено в Москве, где до переноса следствия в Читу расследование проводилось 3,5 года, выполнялись все без исключения следственные действия, принимались процессуальные решения. Даже после фиктивного переноса следствия в Читу все ходатайства, которые мы заявляли в этом городе в ходе ознакомления с материалами дела, пересылались в Москву, поскольку руководство следственной группы не удостоило Читу своим посещением, предпочитая, чтобы там на месте находились «вахтовики», ничего не решающие, которые могли только принимать наши ходатайства, пересылать их в Москву и потом объявлять нам, всегда с нарушением сроков – все-таки 7 тысяч километров, даже с учетом современной техники – пересылать нам обратно в Читу. В Москве происходило все – в Москве знакомились с материалами дела так называемые потерпевшие, в Москве ими заявлялись ходатайства, причем несколько раз и спустя длительное время после окончания стадии ознакомления потерпевших с материалами предварительного следствия, просто когда нужно было придумать повод для очередного вброса свеженьких материалов, полученных в ходе расследования, которые, как утверждали и следователи, и прокуроры, выступавшие в судах, в которых мы обжаловали их незаконные действия, после передачи дела в Читу никакие следственные действия ни в каких других городах не выполнялись. А вообще вы помните, с какой целью, говорил господин Гринь в своем постановлении, следствие перенесено в Читу? Для полноты, объективности, соблюдения процессуальных сроков. Так вот все это следствие так называемое проходило в Чите с 05 по 15 февраля 2007 года, и ни одного следственного действия совершено не было. Было несколько процессуальных действий, а именно: предъявили постановление о выделении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемых, само постановление об определении Читы местом предварительного следствия, еще предъявили пару привезенных из Москвы и, естественно, там же проведенных в свое время заключений экспертиз – и это все. Ну, если не считать нескольких вбросов большого массива материалов, полученных, естественно, не в Чите, а в Москве. Всем было понятно, что в Чите не было никаких условий, обеспечивающих полноту расследования, и очевидно, что собирать там какие-либо доказательства, скажем, проводить осмотры, обыски, выемки, допросы свидетелей никто и не планировал. Фиктивный характер этого постановления, конечно, как и истинная цель, с которой оно было вынесено, были очевидны уже в 2007 году, и господин Гринь прекрасно знал, что будет делаться в Чите, какие действия там будут проводиться и когда они будут закончены. Но сегодня, уже спустя 3 года, оглядываясь назад, может быть, господин Лахтин вспомнит какие-то следственные действия, которые были проведены в Чите? Может быть, вам подскажет память? Может быть, мы что-то забыли? Там ничего похожего, естественно, не было. В Читу Ходорковский и Лебедев были переведены в декабре 2006 года на 3 месяца волевым решением того же

господина Гриня при полном отсутствии процессуальных оснований и все с той же целью: максимально усложнить положение обвиняемых, создать препятствия защите и вывести процесс из поля общественного внимания. Решена эта задача была путем нехитрой трехходовой комбинации. Ведь дело, как нам известно, возбуждено в ноябре 2004 года, второе дело. В июне 2005 года Генеральная прокуратура, сразу после вынесения первого приговора, официально уведомила Ходорковского и его защиту о намерении предъявить второе обвинение. Если бы она это сделала, ясно, что следующим шагом было бы избрание меры пресечения, безусловно, в следственном изоляторе города Москвы. Однако потом сообразили, что есть лучшее продолжение. Без всяких намерений от предъявления обвинения прокуратура отказалась, очевидно, план отправить Ходорковского и Лебедева в удаленные регионы страны уже созрел, и требовалось это в первую очередь для того, чтобы оперативно решить главную задачу – поскорее и без помех помочь «правильным» людям завладеть активами «ЮКОСа», что можно было сделать с помощью приговора по первому делу, связанному с обвинением в неуплате налогов. Спустя 2 года после этого даже не подозревавшим о каком-то причиненном им ущербе представителям добывающих компаний прокуратура разъяснила, что в самом деле они потерпевшие, что нефть у них похитили, и что они имеют право взыскать ее стоимость с Ходорковского и Лебедева. Это было особенно своевременное объяснение после того, как все имущество, за счет которого можно было бы возместить ущерб, уже обрело «правильных» собственников. Ну, второй ход был – это постановление о переводе Ходорковского и Лебедева в Читу на 3 месяца, и третий ход – это постановление от 03 февраля о проведении предварительного следствия в Чите, поскольку она является местом нахождения обвиняемых. Вот когда я слушал в судах возражения того же господина Лахтина, по-моему, господина Смирнова, когда я доказывал о грубейшем нарушении статьи 152, в частности части четвертой, Уголовно-процессуального кодекса и доказывал, что место нахождения не может определяться произвольно, потому что право прокурора перевести обвиняемого на 3 месяца не ограничено вообще географией, он может перевести его в любой изолятор в любом регионе, но место нахождения для того, чтобы там проводить предварительное следствие, не может определяться волевым решением, это должно быть какой-то объективной реальностью. И в определении Конституционного суда от 2002 года № 180 отмечается, что «при решении вопроса о подследственности конкретного дела прокурор не может действовать произвольно и не освобождается от обязанности следовать предписаниям закона, в том числе тем, которые закрепляют правила определения территориальной подследственности». Итак, что касается большого объема процессуальных действий и обеспечения полноты, по-моему, все ясно – какой большой объем следственных действий был выполнен, как была обеспечена полнота, я уже сказал. Теперь об объективности. Ну, вообще, в принципе, обеспечение объективности путем переноса следствия из одного региона в другой – это вещь по-человечески понятная. Бывают ситуации, когда нужно местных следственных работников оградить от воздействия то ли со стороны администрации, то ли со стороны потерпевших, то ли от давления криминала, и основания для переноса следствия в другой регион могут быть. Бывает, что есть сомнения в беспристрастности сотрудников следственных органов, особенно если речь идет о деле с участием с любой стороны, в качестве подозреваемого или потерпевшего, их коллеги. Вот мне интересно, какие основания считать, что объективность 3-х названных мною процессуальных действий могла быть соблюдена, исключительно если их выполнять в Чите, и ни в коем случае не в Москве, причем теми же самыми членами следственной группы, которые 3,5 года занимались расследованием этого дела в Москве? Значит, можно себе представить, что уважаемый оппонент прокурор Лахтин в Чите был объективен, а в Москве в его объективности можно было усомниться? Следует ли понимать так, что 3,5 года, что следствие продолжалось в Москве, оно велось необъективно? Вы нам подбрасываете

интересную задачу, над решением которой мы обязательно подумаем. Ну, и, наконец, относительно соблюдения процессуальных сроков. Ох, какие интересные документы писала по этому поводу прокуратура! В них говорилось, что определение местом производства предварительного расследования Москвы и связанные с этим затраты времени на этапирование существенно затянули бы процессуальные сроки и могли привести к нарушению установленного статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права обвиняемых на рассмотрение их дела в разумный срок. Ну, вообще права обвиняемых, надо сказать, это хобби господина Лахтина, он постоянно их защищает, причем защищает всегда вот таким специфическим путем. Москву не надо было определять местом предварительного следствия – она местом этого следствия была. А что касается ускорения доступа к правосудию, ну, вы же хорошо знаете, уважаемые процессуальные противники, что и Ходорковский, и Лебедев к месту отбытия своего наказания доставлялись не общим этапом, а вот Ходорковский ехал, в частности, в Читу в отдельном купейном вагоне, прицепленном к обычному поезду. И точно таким же образом перевозили его и Лебедева в Москву, когда какой-то умный и пытавшийся хоть в какой-то степени соблюсти закон все-таки решил, что рассматривать-то в суде дело надо не в Чите, как вероятнее всего планировалось, а все-таки в Москве. Поэтому все эти разговоры об обеспечении скорейшего доступа к правосудию, беспокойство о нарушении статьи 6 Конвенции и тому подобное – это фальшь и демагогия, извините, при всем уважении к моим процессуальным оппонентам. Напомню, что последний отказ от 2008 года Басманного суда в удовлетворении нашей жалобы на проведение следствия в Чите был мотивирован исключительно тем, что постановление заместителя генерального прокурора Гриня не нарушает конституционные права обвиняемых. Мы-то в нескольких инстанциях – в районном суде, в кассационной коллегии, в Президиуме Московского городского суда, в Судебной коллегии Верховного суда России – спорили по этим вопросам (большой объем следственных действий, полнота, объективность и соблюдение процессуальных сроков), и все документы анализируют как раз именно эти составляющие, все документы, которые были вынесены в нашу пользу. Когда это дело после того, как все-таки господин Степалин, член Верховного суда, возбудил надзорное производство и сам же, под своим председательством, его рассмотрел и удовлетворил представление, то при новом рассмотрении дела все эти вопросы были просто проигнорированы. Судья Мушникова написала, что перенос следствия в Читу не нарушает конституционные права – и все. Ну, это чем-то мне напоминает отказ в связи с отсутствием законных оснований. Госпожа Мушникова, правда, в данном случае выполнила поставленную перед ней задачу, но она, по крайней мере, не унизилась до того, чтобы писать всю эту глупость, доказывая соответствие приведенных прокуратурой и прокурором оснований, соответствие действительности. Так или иначе, но до того, как состоялось это решение, 20 марта 2007 года совершенно неожиданно для нас судья Ярлыкова – теперь, правда, уже бывшая – вынесла постановление о признании постановления заместителя генерального прокурора Гриня незаконным и необоснованным. Скажу откровенно, что мне и моей коллеге госпоже Липцер, с которой мы вместе выступали в суде, для нас это было вообще полнейшей неожиданностью. Мы уже привыкли к тому, как когда-то сказал Михаил Борисович Ходорковский, дело «ЮКОСа» – это территория, свободная от действия законов России, и вдруг вынесено законное решение. Мало того, что оно вынесено, 16 апреля Московский городской суд отказывает в удовлетворении кассационного представления прокурора, и это решение вступает в законную силу. Вот я скажу так, что уже независимо от того, что сначала судья, член Московского городского суда, Водопьянова ее фамилия, отказывает в возбуждении надзорного производства, потом в этом отказывает сама председатель Московского городского суда, госпожа Егорова – это не важно, решение вступило в законную силу, и что с ним нужно делать? Выполнять. И вот тут мы проявили, несмотря на весь наш коллективный

опыт и разум, некоторую наивность – мы посчитали, что если решение суда вступило в законную силу, то оно будет выполнено. Вот я скажу так: я проработал большую часть своей жизни в советское время, я хорошо знаю, что когда прокуратуре ли, ФСБ ли, или нашей тогдашней «Единой России» – КПСС она называлась – требовалось продать какое-то решение в суде, его продавливали мгновенно. Суды, нарушая закон, нарушая сроки, выносили нужные решения. Но я не могу в советской истории найти похожего примера, когда бы суд вынес решение, которое согласно Конституции все обязаны исполнять, вместо этого об суд вытирают ноги. Следователь Каримов в своих ходатайствах прямо пишет, в ходатайствах о продлении срока содержания под стражей: «Да, имеется такое решение, но мы считаем его незаконным, и поэтому выполнять не будем». Знаете, как это хорошо лежит в страсбургской жалобе все? Все документы подобраны. Вы ведь потом обижаться будете. И никто ведь не несет ответственность за это, самое главное – потом никогда не найти виновных. Так вот, вопрос, который я хочу задать: могли ли следователь Каримов или заместитель генерального прокурора Гринь пойти на такое грубейшее нарушение, как умышленное, повторяю, умышленное неисполнение вступившего в законную силу решения суда? Прошу прощения, не на нарушение, а на преступление, предусмотренное статьей 315 Уголовного кодекса Российской Федерации. Могли ли они пойти на это преступление, не получив поддержку на самом высоком уровне? Я утверждаю, что не могли, и я полагаю, что некоторые из моих уважаемых оппонентов, сидящих напротив, знают, что они такую поддержку получили, и, возможно, даже знают, от кого персонально. А так, если говорить, вспоминать направление Ходорковского и Лебедева – ну, буду говорить о своем подзащитном – для отбывания наказания в Читинской области, то в деле есть документы Замоскворецкого суда об обжаловании этого решения. Принято, знаете, кем? Принято комиссией следственного изолятора во главе с начальником – начальник и там 2-3 его заместителя. Вот так сам полковник Тагиев взял и решил отправить Лебедева в Харп, а Ходорковского в город Краснокаменск. Нам предлагают в это тоже поверить. Но тут любопытно другое – значит, там попытались создать некую легитимную базу. Существовала в старой редакции Уголовно-исполнительного кодекса статья 73, которая императивно предписывала направлять людей в колонии того региона, где они были осуждены или где они имели постоянное место жительства; если в колониях этих регионов не было свободных мест, направлять их в ближайшие колонии того же региона или в другие колонии того же региона, или в колонии соседних регионов. Эта норма была императивная. Я очень хорошо помню пояснительную записку, в которой говорилось, как важно, чтобы осужденный отбывал в месте наказания недалеко от места своего проживания – это сохраняет социальные связи, это удешевляет транспортировку, это помогает родственникам в поездках на свидания и в принесении передач. Но так господин Тагиев решил направить наших подзащитных в несколько других регионов. А что этому предшествовало? А этому предшествовало то, что в июле месяце, через месяц после вынесения приговора, начальник московского УФСИН пишет директору ФСИН Российской Федерации письмо, что «вот, де, стало не хватать мест для направления осужденных, прошу вас выдать дополнительные места», и тут же, 28 июля, господин Калинин телетайпом присылает дополнительные колонии, в которые можно направлять, дополнительные регионы, в которые можно направлять осужденных. Это все имеется в решении суда, приобщенном к делу. И получается очень любопытно: идет список ближних регионов, и только добавлено 5 мест ежемесячно в распоряжении Читинского УФСИН, и 5 мест ежемесячно – Ямало-Ненецкий национальный округ. Давайте попробуем догадаться, для кого были приготовлены эти самые места, потому что при распределении Лебедева ему достается Ямало-Ненецкий национальный округ, при распределении на этап Ходорковского ему попадает Читинская область. Ну, это какая-то своеобразная русская рулетка. Кстати говоря, никакие 5 человек ежемесячно – ну, это уже, прошу прощения, доказать не

могу, только сославшись на слова своего подзащитного – об этом было сразу же забыто. Ну, естественно, что отправка Ходорковского в Краснокаменск не прошла незаметно от, я бы сказал, мировой общественности, и тут на весь мир полетела ложь об отсутствии мест в ближайших к Москве колониях. Когда мы обжаловали это дело, обжаловали это в Мосгорсуде, нам удалось доказать, что как раз по состоянию на сентябрь 2005 года, когда было принято решение, в исправительных колониях был редкий недокомплект. В 2004 и в 2005 году было значительное снижение судимостей, и недокомплект заключенных составил при лимите 786 753 места – эти данные тоже имеются в деле – фактическое заполнение было 637 079 человек. Следовательно, свободно было 149 674 места, почти 25 % от общего контингента было свободных. Эти цифры были приведены в выступлении министра юстиции Чайки в Государственной Думе. Значит, на представленные нами доказательства и, в частности, официальный текст выступления министра Чайки, суд записал буквально следующее в решении: «Не являются доказательствами, подтверждающими лимит наполняемости на конкретную дату... Выступления министра Чайки не являются доказательствами, подтверждающими лимит наполняемости на конкретную дату – 04 октября 2005 года, а кроме того, в них не приведены данные о лимите наполняемости именно в исправительных учреждениях общего режима». То есть Чайка говорил по состоянию на 3 квартал 2005 года, 30 сентября, значит, 04 октября, конечно, все 150 тысяч мест оказались заполненными, и суд взял на себя смелость написать, что выступление по состоянию на 30 сентября, никак не говорит о наличии свободных мест 04 октября, ну, и именно в исправительных учреждениях общего режима. Мы приводили в суде данные о распределении обвиняемых по колониям особого, общего, строгого режимов, воспитательных колониям, и из чего можно было сделать вывод, что, по крайней мере, половина, ну, треть, 50 тысяч мест должно падать на колонии общего режима, но этого ничего, естественно, не возымело, поскольку решение о направлении Ходорковского в Читу было принято, как Вы сами понимаете, лично начальником следственного изолятора города Москвы, и больше никто к этому руку не прилагал, равно как и сам Тагиев, конечно, принял решение этапировать Ходорковского в отдельном персональном вагоне. Вы в это верите? Конечно, неполиткорректные западные журналисты и здесь не оставили в покое президента Путина и стали задавать ему вопросы: «Почему в нарушение закона Ходорковский этапирован в Краснокаменск?». И вот каким был ответ Путина: «У нас не осужденный выбирает для себя колонию. Этот вопрос решает министр юстиции». Вот как раз, прочитав это интервью, я тогда и написал господину Чайке открытое письмо, опубликованное в «Новой газете». Как раз тогда господин Чайка получил премию «Фемида», а я ее тоже когда-то получал. Я написал ему такое письмо, как юрист юристу, лауреат премии «Фемида» лауреату премии «Фемида». Смысл был такой: «Уважаемый господин министр! Вот Президента подставили, ему дали неверную информацию, что не закон, а министр определяет, куда надо направлять человека для отбывания наказания. Исправьте, пожалуйста, ошибку, чтобы Президент больше не попадал в неудобные ситуации». Ошибку исправили, причем мгновенно: Дума приняла закон, по которому министр получил право направлять осужденных в колонии по собственному усмотрению. То есть Президент не мог ошибаться, он не ошибся и в данном случае. Не помню, какого там, 2007 года убрали или приписали дополнительный пункт в 73 статью: в исключительных каких-то случаях там министр может сам определить. Вот так. Значит, я обещал говорить о том, что в деле путем анализа выявляются многочисленные факты, свидетельствующие о том, что многие правоприменительные решения не могли быть приняты теми органами, от имени которых они изданы, что подтверждает факт прямого вмешательства в их деятельность со стороны структур, не имеющих отношения к процессу судопроизводства и исполнения наказаний. Так вот, следующим таким доказательством, не совсем по порядку, знаменитая войсковая операция по задержанию

Ходорковского 7 лет назад, 25 октября 2003 года, в Новосибирске. Это все из постановления об избрании и продлении меры пресечения известно, что 23 октября 2003 года, это был четверг, в 15 часов следователь Шорохов вручает юристу «ЮКОСа» повестку о вызове Ходорковского на допрос на следующий день, на 24 октября. На этой повестке пишут, что Ходорковский в командировке, вернется в начале следующей недели и явится в прокуратуру по вызову. 23 октября в 15 часов это произошло. 24 октября, в пятницу, следователь Безуглый составляет постановление о приводе Ходорковского, прекрасно зная, что Ходорковского нет в Москве, и 25, ну, можно сказать, ночью 25 октября, на взлетной полосе в аэропорту Новосибирска бригада спецназа ФСБ производит задержание Ходорковского – совершенно в голливудском стиле, весьма эффектно, с устрашающим, я бы сказал, сопровождением. Вот давайте теперь представим себе: Вам известны такие случаи привода – в субботу, в другом городе, бригада спецназа? Я думаю, что если бы нужно было задержать Басаева, тогда, по-моему, еще живого, или Доку Умарова, так оперативно не сработали бы. Но это, наверное, тоже следователь Безуглый, вот тот самый, который принял, вынес постановление о приводе, он и распорядился об отправке в Новосибирск бригады спецназа ФСБ, а так никакого вмешательства в процесс судопроизводства не было и быть не могло. К слову сказать, арест-то этот произошел за 1,5 месяца до выборов в Думу, в которых сам Ходорковский, как известно, не выдвигался, но помимо того, что финансировал оппозиционные партии, активно участвовал в избирательной компании. Естественно, с его арестом это все автоматически прекратилось. Вообще, когда-то все тайное становится явным – думаю, мы узнаем, кто распорядился и об этой войсковой операции тоже. Хотелось бы знать. В августе 2005 года, после вынесения первого приговора, мы знакомимся с протоколом судебного заседания по делу, когда неожиданно – это Дмитрий Эдуардович хорошо помнит – когда неожиданно грянуло постановление об ограничении срока ознакомления с протоколом. А буквально за 2 дня до этого, беседуя с Ходорковским в следственном изоляторе, мы узнали, что он решил написать заявление о выдвижении своей кандидатуры на дополнительных выборах в Государственную Думу. Ну, в тюрьме, естественно, обеспечена полная изоляция, звукоизоляция – на меня даже в суд подавали, когда я выразил некоторые сомнения по этому поводу – но факт, что едва мы переговорили на эту тему, как вышло постановление об ограничении срока, об ознакомлении с протоколом. Значит, страшно заторопились, включили какие-то немислимые технические мощности, чтобы распечатать для каждого из нас протокол судебного заседания, и сообщили, что дело к кассационному рассмотрению назначено 14 сентября 2005 года. А поступило оно в Московский городской суд, как мы потом установили по документам, 05 сентября 2005 года, то есть рабочих дней оставалось 5. На 500 томов уголовного дела, ну, 450, не помню, сколько томов протокола судебного заседания, несколько сот страниц приговора, 600 или 700, и столько же примерно кассационных жалоб. Мне тогда вспомнилась замечательная история с надзорным рассмотрением дела Дрейфуса. Прокурор, который выступал перед судебной инстанцией, благодарил судей за то, что они семи томное дело изучили всего за 6 месяцев. Семи томное. Значит, Московский городской суд 450-томное дело изучил за 5 дней. Ну, что я могу сказать? Конечно, прогресс есть прогресс, и такая ситуация. Но тут же происходили еще совершенно невероятные вещи. Когда из-за болезни одного из адвокатов, единственного, с которым было заключено соглашение на ведение дела в кассационной инстанции, дело сорвалось, такой вообще истерики я тоже не видел и не сталкивался никогда. Я не буду рассказывать всего этого, опасаясь, что уважаемый председательствующий меня перебьет, не даст мне поведать миру эту историю, которая, в общем-то, уже подзабылась, но хорошо известна. Один только факт, что когда меня, иногороднего адвоката, назначили в порядке статьи 51 принимать участие в кассационной инстанции в другом городе... Ну, я говорил уже, что за 50 лет моей работы в суде я не сталкивался

со многим из того, с чем я столкнулся не единожды в одном, ну, в двух, будем считать, делах Ходорковского. А самое интересное, что заявление в Центральную избирательную комиссию, которое написал Ходорковский с просьбой зарегистрировать его кандидатом в депутаты, поступило в эту избирательную комиссию ровно на следующий день после того, как состоялось кассационное рассмотрение. Ну, нам всем понятно, что ему не только не дали бы выйти на выборы, но, скорее всего, нашли бы вариант отказа и в регистрации, но как оно 3 недели шло, вероятно, пешком, из «Матросской тишины» в Центральную избирательную комиссию? 22 числа прошла кассация, после чего Ходорковский утратил формальное право даже быть зарегистрирован как лицо, осужденное приговором, вступившим в законную силу, и на следующий день нам радостно сообщают, что его письмо в ЦИК как раз и пришло. Значит, надо ли комментировать что-то? Значит, с моей точки зрения, неопровержимым свидетельством вмешательства государства в судопроизводство является и то, что параллельно с уголовным процессом реализовывался план по отъему собственности «ЮКОСа». Это тоже целая поэма, но я не буду всю историю с продажей «Юганскнефтегаза» здесь воспроизводить, она, в общем-то, жива в памяти многих. Как писал тогда один из наблюдателей, «российское правительство прибегло к подставной фирме, пустой, как противная оболочка, служащей прикрытием для третьих лиц и действовавшей в их интересах, когда оно позволило компании «Байкалфинансгруп», фирме с уставным капиталом в 10 тысяч рублей, не осуществлявшей вообще никакой хозяйственной деятельности и функционирующей исключительно как пустышка, приобрести в качестве единственного участника аукциона крупнейшее нефтедобывающее предприятие России». Позднее подтвердилось предположение, что ООО «Байкалфинансгруп» действовало в качестве прикрытия для «Роснефти», а участие государства в этой операции неожиданно подтвердил президент Путин. Все мы помним его первое заявление, когда его спросили: «А кто учредители вообще, акционеры «Байкалфинансгруп»?». Он важно сообщил, что он знает этих людей, это известные в сфере энергетики люди – правда, имена, пароли, явки не назвал. Этих людей впоследствии так никому обнаружить и не удалось. Но через некоторое время, в интервью уже испанским СМИ, господин Путин неожиданно рассказал об истинной сути этой операции, на что я обращаю особое внимание. «ООО «Байкалфинансгруп», – сказал он, – было задействовано в сделке по обретению «Юганскнефтегаз» на аукционе для снижения правовых рисков нового собственника нефтяной компании. Будущие собственники, – то есть он уже знал о том, что будут другие собственники, – Будущие собственники должны были подумать о том, как они будут работать, как, возможно, будут в судах отвечать на иски, которые могут быть им предъявлены. И когда «Байкалфинансгруп» купила соответствующий пакет, она стала собственником. Все, что происходило дальше, происходило на вторичном рынке. Таким образом, претензии к тем, кто потом приобрел эту собственность, практически свелись к нулю...». Вот это называется стриптиз душевный, другого слова нет, потому что большего признания того, что операция носила спланированный характер, от первого лица государства представить себе просто невозможно. Вот она, истинная цель. «Ну, действительно, здесь происходят, понимаете, такие важные вещи, какого черта Ходорковский будет болтаться где-то в «Матросской тишине»? Пусть он лучше сидит в Краснокаменске за 7 тысяч километров, адвокаты тоже торчат у него, а мы здесь спокойно проведем и провернем все, что мы задумали». Как решили, так и сделали. Это знакомая фраза, она уже звучала где-то. Оставляю в стороне то, как и на какие деньги «Роснефть» приобретала этот актив, и даже то, как 90 % долга с «Роснефти» почему-то скостили, хотя такие условия ставили «ЮКОСу». Ну, может быть, этого коснутся мои коллеги. Ничем иным, кроме как способом оказания грубого давления на суд, и напрямую, и путем создания негативного общественного мнения, я не могу назвать озвученные государственными деятелями и государственной прессой обвинения, включая

обвинение в совершении преступлений против личности. В недавней публикации в Газете.RU журналист Наталья Геворкян напомнила: «Когда 10 лет назад я задала премьеру, тогда президенту Путину, вопрос по поводу Лужкова, экс-мэра ныне, и Кольцевой дороги, на строительстве которой, как говорили, много наворовали, он ответил, Путин: «Когда слышу, что кого-то обвиняют в воровстве и еще в чем-то подобном, я хочу спросить: а у нас еще есть презумпция невиновности? Если преступление не доказано, никто не имеет права обвинять человека...». Судя по всему, господин Путин имел в виду не каждого человека, а только того, кто имел честь входить в круг неприкасаемых. Сегодня к слову пришедшийся Лужков сумел почувствовать разницу. Особенно часто о причастности Ходорковского, руководства «ЮКОСа» к убийствам Путин стал заявлять в этом году, по мере продвижения вперед и приближения к приговору нашего процесса. В нескольких интервью он проявил очень высокую степень информации о деталях обвинения Пичугина, но в каждом подчеркивал, что в отличие от Пичугина, мотивы были только у его хозяев. Надо сказать, первое время он не называл фамилию Ходорковского, используя слова «руководство» или «хозяева», хотя ответы давал исключительно на вопросы, заданные о Ходорковском, а потом вообще перестал стесняться: «Вы думаете, что он, Пичугин, действовал по собственному усмотрению, на свой собственный страх и риск? У него не было конкретных интересов, он не главный акционер в компании «ЮКОС»...». Никому не надо объяснять, кто был главным акционером. И вот совсем недавно, 07 сентября этого года, на встрече с членами Валдайского клуба в Сочи на очередной вопрос о Ходорковском Путин ответил, что не будет вмешиваться в дело экс-главы «ЮКОСа», у которого кровь на руках, и здесь же он сравнил Ходорковского с Аль Капоне. Нас господин Лахтин обвинил в том, что мы каким-то образом воздействуем на общественное мнение через интервью, через прессу. Вы можете себе представить разницу в выступлении, скажем, адвоката Клювганта или адвоката Шмидта на «Эхо Москвы» или публикацией в «Новой газете» интервью с Ходорковским с тем, как слова первого лица страны – ну, может быть, сегодня формально не первого, но всем понятно, что главного – тиражируются всеми федеральными каналами? А вы не смотрели после этого Интернет? Теперь только последний блоггер, ну, из числа тех, у кого извилин не так много, не сравнивает Ходорковского с Аль Капоне и не объясняет его преследование именно тем, что фактически за ним совсем другое стоит. И это выступление первого лица. Если наши уважаемые процессуальные противники думают, что это пройдет даром и это останется незамеченным в инстанциях, которым предстоит разбирать это дело, то они здесь очень сильно ошибаются. Частные лица, в конце концов, – знаете, есть русская пословица: «Язык без костей» – могут говорить все, что угодно, но руководитель государства обязан думать, вспоминая фразу Тютчева, о том, «как наше слово отзовется», как его слово отзовется. И вот в практике Европейского суда по правам человека есть – это вообще я вторгаюсь, может быть, в компетенцию некоторых моих коллег – есть дело «Дактарас против Литвы». Там Европейский суд записал буквально следующее: «Суд напоминает, что презумпция невиновности, закрепленная в статье 6(2) Конвенции, является одним из элементов справедливого уголовного разбирательства, гарантированных статьей 6(1). Презумпция невиновности нарушается, если в заявлении официального лица относительно обвиняемого в совершении уголовного преступления, – в заявлении, – выражается мнение о его виновности до того, как это было установлено в соответствии с законом. При этом достаточно, чтобы были основания полагать, что официальное лицо считает обвиняемого виновным, даже в отсутствие каких-либо прямых официальных выводов». Я старался вот этим доказательственным рядом убедить уважаемый суд и заодно показать присутствующим, что на протяжении длительного времени, а практически -- всего процесса в отношении Ходорковского, происходило в разных формах незаконное вмешательство в деятельность правосудия. Надеюсь, что мне это удалось. В

заключение несколько слов о другом. В заключительной части своей речи представители государственного обвинения коснулись личности Лебедева и Ходорковского. Господин Лахтин произнес даже такую замечательную фразу, которая, по-моему, вместе со многими высказываниями Виктора Степановича Черномырдина обязательно войдет в нашу историю: «Ходорковский ведет себя достаточно лояльно и играет роль нормального человека». Ну, я думаю, у Валерия Алексеевича впереди еще большое будущее в этом плане. Но я все-таки хочу немножко сказать об этом человеке, поскольку его личность до такой степени, я бы сказал так: человека посадили и держат в тюрьме уже 7 лет, человека обобрали, человека облили грязью. Я хочу просто напомнить, что компанию «ЮКОС» Ходорковский получил отнюдь не даром, как с легкой руки многих наших должностных лиц считают некоторые представители общественности. Сколько сил, труда и таланта он туда вложил! Я хорошо помню выступление бывшего заместителя генерального прокурора Колесникова, когда он по телевизору рассказывал: «А что там Ходорковский сделал такого в «ЮКОСе»? Да ничего он не сделал! Я посмотрел на этот «ЮКОС», в Самаре, что ли? Вот есть линза, – линзу, он, вероятно, имел в виду нефтяную, другого понятия нет. – Подходит танкер, бросает трубу, закачивает и уезжает. Вот все, что сделал Ходорковский». Ну, я думаю, что в ходе этого процесса суд убедился, что Ходорковский сделал немножко больше. А о том, в каком состоянии он получил «ЮКОС», какие деньги были заплачены, какие кредиты пришлось выплачивать, какие долги пришлось погашать, вам это понятно без лишних слов. А для тех, в зале таких нет, а приходилось иногда читать дотошных людей, которые брали эти самые миллиарды «Forbes», делили на количество лет, а потом и дней, проработанных Ходорковским в «ЮКОСе», и получилось у них, что за каждый день он зарабатывал по 2 миллиона долларов. Люди, которые, вероятно, считали, что как этот самый дядюшка Скрудж в мультике, который сидел на куче золота, и эта куча росла, росла, росла, значит, и он поднимался, которые не понимали, что вкладывали, что все это было богатство за счет повышения капитализации компании, что деньги вкладывались в развитие и так далее, а сам Ходорковский человек... Чего-то вот я знаю про Абрамовича, видел сам его яхту. Он не постеснялся на то место, где когда-то стояла «Аврора», не постеснялся поставить свою яхту, приплыв на ней на Петербургский экономический форум, видим его же на, скажем, стадионе, когда играет «Челси». А, значит, вот у Ходорковского что-нибудь похожее было? Вообще, есть люди, для которых... Вот отказался Григорий Перельман от премии в миллион долларов, потому что ему не нужны деньги, это человек, который реализовывает себя в другом. Не знаю, говорил ли Михаил Борисович в этом процессе, а в первом своем деле он несколько раз повторял: «Меня не интересовали деньги, меня интересовала работа и реализация, достижение успеха». Так вот, в самые тяжелые для страны 90-е годы, когда социалистической экономики уже не было, а капиталистической еще не было, именно такие люди, как Ходорковский, Лебедев и некоторые другие, как раз и создавали новую экономику, и к концу 90-х годов их усилия стали приносить успех. И когда господин Путин стал сначала премьером, но уже тогда было ясно, что он преемник, а потом Президентом, вот так вот им, этим людям, он обязан тем, что страна приобрела – обрела новую экономику и получила импульс к дальнейшему развитию. Вот он их отблагодарил. Народу тупо вбивают в голову, что это Путин возродил Россию, поднял ее с колен. Хочу просто напомнить, что после ареста Лебедева Ходорковскому примерно была ясна его участь, его собственная участь, а для того, чтобы не было лишних сомнений, прокуратура – это не входит в ее повседневную практику – опубликовала постановление о привлечении Лебедева в качестве обвиняемого в Интернете. Конечно, не хотелось Ходорковского сажать, удобнее было бы выгнать его, выдавить его в эмиграцию, и он эту дилемму решал. Как он ее решил, мы знаем. Вот недавно Жириновский выступал по телевизору и произнес замечательную фразу. Жириновскую цитирую только в крайних случаях.

«Преображенские, – сказал он, – уехали, остались Шариковы». Так вот Шариковым действительно трудно понять выбор Ходорковского. А почему вообще такое внимание к его делу? Потому что когда-то он стоял на первом месте в списке «Forbes»? Нет, совсем не поэтому. Просто люди чувствуют силу и значимость этой личности. Но, к сожалению, силу и значимость этой личности чувствуют и в других местах – в тех, где хотели бы, чтобы он до конца жизни своей оставался там, куда его определили сейчас. Я не буду, уважаемый суд, останавливаться на многих других мифах, созданных вокруг имени Ходорковского, о том, как он хотел продать национальное наше достояние, значит, Америке, о том, как он обещал ядерное разоружение одностороннее Кондोलизе Райс, о том, как он мечтал вообще там стать то ли президентом, то ли премьер-министром – это, действительно, не входит в предмет доказывания. Хочу обратить ваше внимание только вот еще на какое обстоятельство. За 50 лет своей адвокатской работы – а будет ровно 50, если в этом году, круглая дата, можно сказать – я провел немало больших процессов, групповых процессов, в которых всегда находилось несколько человек, готовых за маленькую льготу, за скидку в год, в два дать любые показания. Они так и строились, эти процессы: всегда было несколько таких людей, дающих показания, и в приговоре получавших, скажем, 8 лет вместо 10, полученных соучастниками, или что-то в этом уделе. Удивительный случай: сколько проходило людей из работавших с Ходорковским, ну, я не беру из тех, с кем у него были там бизнес-конфликты, да даже не бизнес-конфликты, Рыбина, Авалишвили, Анилиониса – это особые совершенно фигуры, нет, тех, кто работал в «ЮКОСе» под началом Ходорковского, в компаниях, с которыми он имел дело, ни один человек не дал против него показаний. Александян, у которого цена этих показаний против Ходорковского была свобода. Переверзин, который мог быть освобожден условно досрочно, дай он нужные показания. Пичугин, которого судили несколько раз, как собаке хвост рубили по частям. Я знаю, каждый раз новый суд, новая прибавка срока и новые посулы – дать показания, и все будет значительно лучше. Это говорит только о том, какой человек Михаил Борисович Ходорковский, и о том, что... Да и, в общем, этого достаточно. Уважаемый суд, я, наверное, старший, во всяком случае, в составе участников процесса, и не все, как я, были свидетелями крушения того, что еще вчера казалось незыблемым и вечным. На моих глазах вчерашние вожди и спасители Отечества в одночасье становились врагами народа, шпионами, расхитителями, и, наоборот, шпионы, предатели, лжеученые и прочие отщепенцы возводились на заслуженный пьедестал и становились героями в глазах людей. А сейчас ход времени ускорился, так что нам еще предстоят многие открытия, и совсем в недалеком будущем. Сколько дел проиграла Россия в Европейском суде по правам человека по причине сознательных нарушений фундаментальных положений Конвенции? От Вашего приговора зависит не только судьба двух замечательных, незаслуженно посаженных, оболганных, но не сломленных людей. Сколько потеряла Россия от того, что Ходорковского послали шить варежки в Краснокаменск и не дали даже возможности преподавать технические науки в местной школе, чтобы лишний раз унижить? Какой ущерб нанесло это дело – это дело, не Ходорковский и Лебедев, а дело против Ходорковского и Лебедева – нанесло престижу России и ее экономике? Мы все понимаем, что новые инициативы Президента Медведева по либерализации уголовного наказания, по созданию инвестиционного климата, в котором собственность будет защищена, они появились не на пустом месте, они – вынужденная мера. Я не сомневаюсь ни на секунду, что обвинительный приговор в отношении Лебедева и Ходорковского надолго перечеркнет надежды нашего Президента на успешное экономическое развитие нашей страны. Ну, и самые последние слова. Я ощущаю, как и мои коллеги, особую ответственность, потому что я уверен, что защищаю одного из умнейших и достойнейших людей России. И я этим горжусь. Спасибо, Ваша честь.

Судом объявляется перерыв.

17 часов 00 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Краснов В.Н.: предметом моего выступления является опровержение обвинения Михаила Борисовича Ходорковского и Платона Леонидовича Лебедева в присвоении акций ОАО «Томскнефть» и других дочерних организаций ОАО «ВНК». Закон требует, однако практика в отношении наших подзащитных опровергается постулатом о том, что каким бы содержанием ни была наполнена речь государственного обвинителя, он всегда должен оставаться представителем органа надзора, для которого имеет значение единственное обстоятельство: представить суду достоверные и достаточные основания для вынесения законного и обоснованного решения. Судебное разбирательство по настоящему делу началось и закончилось клеветническими нападками прокурора со ссылками на приговор Мещанского суда от 16 мая 2005 года о том, что наши подзащитные якобы, я цитирую, «совершили в 1994-1996 годах ряд преступлений, связанных с мошенническим завладением акциями ОАО «Апатит», продукцией данного предприятия, за что были осуждены к длительным срокам отбывания наказания» (том 182, страница 1729). Михаил Борисович Ходорковский уже обращал сегодня внимание уважаемого суда на это обстоятельство. После того, как гособвинители в прениях отказались от ряда, хотя и не самых одиозных, каримовских наветов, могло показаться, что уж эта ложь наверняка должна попасть в перечень поправок филигранно точного обвинения. Но нет. Прокурор Ибрагимов 14 октября в первых строках коллективной речи довела заведомую ложь Каримова до категории чудовищной, заявив, что Ходорковский и Лебедев не только мошеннически завладели, но и легализовали якобы похищенное имущество. Уважаемому суду известен приговор Мещанского суда по первому делу (находится в томе 45, на листах дела с 1 по 166), в котором, даже при всей его неправосудности, ничего подобного нет. В этой связи защита настоятельно просит, чтобы Вы, Ваша честь, дали в приговоре этому служебному подлогу и вызывающей клевете предусмотренную законом оценку. Вся абсурдность предъявленного обвинения получила концентрированное выражение в выступлениях государственных обвинителей в прениях. В действительности же, рассматриваемое судом дело по своей сути является абсолютно простым и понятным. Именно поэтому Михаил Борисович Ходорковский сегодня еще раз подчеркнул, что он про обвинение по данному эпизоду даже говорить не будет, так как обозвать исполненные и никем не оспоренные договоры мены с условием обратного выкупа безвозмездным и окончательным отчуждением акций – это полный абсурд. Однако на основании этого абсурда государственное обвинение просит уважаемый суд признать наших подзащитных виновными. Причем по эпизоду, по которому в соответствии с законом (наверное, хорошо известно суду) и с общеобязательной правовой позицией Конституционного суда Российской Федерации возможно уголовного преследования, не говоря уже о наказании Ходорковского и Лебедева, был утрачен государством еще 13 ноября 2008 года. Представителя же государства в лице органов следствия и прокуратуры, заведомо зная об этом, два года злостно нарушаются закон и права наших подзащитных, не прекратив своевременно это беззаконие и суд. Для защиты цель доказывания будет достигнута, даже если у уважаемого суда возникнут хотя бы сомнения в обоснованности утверждения обвинения. В силу норм части 3 статьи 49 и части 3 статьи 14 (статья 49 – это Конституция Российской Федерации, и статья 14 – УПК Российской Федерации), все они должны толковаться в пользу наших подзащитных. Очевидно, во всяком случае, для нас, что оснований не только для таких сомнений, но и для формирования внутреннего убеждения в заведомой ложности обвинения в ходе судебного следствия выявлено более чем достаточно. Формула обвинения по данному эпизоду уважаемому суду хорошо известна, она находится на странице 293 по 2024 обвинительного заключения. Сам факт мены акций ОАО «Томскнефть» и еще пяти дочерних предприятий ОАО «ВНК» на акции ОАО НК «ЮКОС», действительно, имел место в

ноябре 1998 года, и никем не оспаривается, так же как и факт обратного выкупа акций дочерних предприятий и возврат их в собственность ОАО «ВНК» в августе 2001 года. Следовательно, для целей правосудия важнейшими являются ответы на несколько взаимосвязанных вопросов. Имели ли место противоправность и безвозмездность сделок по обмену акций? Преследовалась ли при их совершении корыстная цель? Иными словами, содержат ли эти действия все признаки вмененного преступления и образуют ли они состав этого преступления. При производстве по уголовному делу в обязательном порядке подлежит доказыванию мотив инкриминированного преступления (пункт 2 части 1 статьи 3 УПК РФ). Следовательно, достоверное установление подлинной цели сделок мены или в уголовной терминологии – умысла, является одним из важнейших признаков законности обвинения. Изначальное наличие в договорах мены условий обратного выкупа по фиксированной цене и их исполнение свидетельствует о подлинной цели указанных сделок. Для любого непредвзятого анализа это является очевидным, но не для наших оппонентов. Они, имеются в виду и следователь, и прокурор, в силу политической ангажированности и некомпетентности были обречены сфальсифицировать цель сделок мены и на месте очевидного сконструировать криминальный, преступный умысел. Обвинительное заключение содержит великое множество заведомо ложных и взаимоисключающих утверждений относительно якобы имевшихся у Михаила Борисовича Ходорковского и Платона Леонидовича Лебедева умыслов, на что они обращали внимание уважаемого суда в своих показаниях. Для начала, обвинение усматривает цель сделок мены, цитирую, «в получении права на стратегическое и оперативное управление этим имуществом» (это том 182, страница 1734). Так, вот, если бы это и была так, на самом деле, это полный абсурд, такая цель, во-первых, не имеет ничего общего с преступным умыслом и хищением. А, во-вторых, на момент совершения сделок мены «ЮКОС», как хорошо известно, уже владел контрольным пакетом акций ОАО «ВНК», и в силу закона (статья 105 Гражданского Кодекса и пункта 2 статьи 6 закона «Об акционерных обществах») обладал правом принимать решения на любом уровне управления этим обществом, обязательных для его дочерних организаций. По другой версии, обвинение сконструировало умысел на завладение преступным путем большим пакетом акций ОАО «ВНК». Единственный большой пакет, то есть 36,8 %, акций ОАО «ВНК» на тот момент принадлежали государству. Чистосердечно, Ваша честь, признаемся, что нам даже теоретически неизвестно, как сделки мены акций ОАО «Томскнефть» на акции ОАО «ЮКОС» могли бы позволить хоть преступно, хоть законно завладеть акциями ОАО «ВНК», собственником которых было и осталось после завершения сделок мены государство. Данный и без того очевидный факт подтвержден реестрами акционеров ОАО «ВНК» за период с 1999 по 2002 год, исследованным в ходе судебного следствия (в томе 21), а также показаниями представителя Росимущества в судебном заседании 28 сентября 2010 года. Кроме того, подобные версии умысла напрочь опровергает предъявленное обвинение. Продолжая само разоблачение, обвинение настойчиво повторяет, что цель этих сделок мены вовсе не в корысти, как это только и может быть при хищении. Эта цель усматривается то ли в реализации первого шага в долгосрочной программе перевода дочерних предприятий на единую акцию, то ли в том, что умысел Лебедева и Ходорковского был направлен на создание видимости эквивалентного обмена акций с целью скрыть хищение данных акций, то ли, и того хлеще, в стремлении ввести в заблуждение будущий аудит и возможную в будущем проверку контролирующих органов, создав у них ложное представление о том, что сделка якобы в действительности совершена. Завершая так называемый анализ так называемых доказательств умысла и корыстной цели, обвинение повторяет вымысел о том, что Ходорковский, как и Лебедев, действовал с корыстной целью обеспечения полной управляемости ОАО «ВНК» и ее дочерними обществами. Коллективные речи стороны обвинения, озвучивание мотива якобы имевшего места преступления выпало на долю

прокурора Ибрагимовой. Была выбрана одна из версий следствия, по которой умысел якобы заключался в корыстной цели обеспечить беспрепятственное хищение нефти, добываемой ОАО «Томскнефть». Правда, в такой редакции остается тайной цель хищения акций других пяти дочерних предприятий ОАО «ВНК». И, главное, такая цель выглядит абсолютно дико с точки зрения всех до сих пор известных канонів уголовного права, согласно которым незаконно обогатиться при совершении хищения можно только за счет самого похищаемого имущества и никак иначе. Действия же с целью, описанной обвинением таким образом, если бы, конечно, это было доказано, можно было бы квалифицировать как подготовку к другому преступлению – хищению нефти, но никак в качестве самостоятельного хищения. Данное утверждение означает самоуничтожение обвинения, так как подобный умысел не соответствует признакам преступления, предусмотренным статьей 160 Уголовного Кодекса, а множественность и заведомая ложность так называемых мотивов является убедительным доказательством отсутствия не только умысла, но и собственно преступления. Перефразируя уже цитировавшийся Платоном Леонидовичем Лебедевым вывод профессора Бойцова, можно сказать, что плюрализм мотивов преступлений в одном обвинительном заключении – это шизофрения в праве. Обвинение, видимо, не сознавая до конца, что говорит правду, рассуждает о плане защиты акций, принадлежащих ОАО «ВНК», переданных по договорам мены компаниям «Sagiman Holding», «Chellita Holding», «Montekito Holding», о коррекции обращения взыскания (том 167, лист дела 18). А защищать, напомню, действительно, было что. В 1997-1998 годах «ЮКОС» инвестировал в ОАО «ВНК», в том числе, в приобретение его акций, более 1,2 миллиардов долларов США, из которых почти 800 миллионов долларов получило государство. Кроме того, «ЮКОС» принял на себя и исполнил обязательства по погашению накопленной ранее задолженности «ВНК» и «Томскнефти» по налогам на сумму около 200 миллионов долларов. Из материалов дела (том 3, листы дела 130-134) известно, что инициатором ареста акций ОАО «Томскнефть» являлась компания «Birkenholz», союзником которой была фирма «East Petroleum» во главе с одним из основных свидетелей обвинения господином Рыбиным. В той части выступления прокуроров в прениях, которую озвучивал прокурор Лахтин 14 октября, Вам, Ваша честь, еще раз напомнили, как суду и приставы-исполнители до поры до времени покрывали охочих до чужой собственности. В обвинительном заключении констатируется, что документ под названием «Проект выведения ОАО «Томскнефть» из-под контроля Ходорковского» (это том 22, листы дела 145-168) разработан в интересах компании «East Petroleum» и ряда других миноритарных акционеров, противостоявших новому собственнику. Государственные обвинители в прениях об этом документе весьма красноречиво умолчали. И это понятно, так как он является подробным, тщательно продуманным планом действий реального существовавшей, а не той мифической, якобы созданной Ходорковским и Лебедевым, организованной группы по отъему собственности у законного владельца. Таким образом, следствие, приобщив этот план к материалам уголовного дела, а обвинение, исследовав его в суде, блистательно подтвердили умысел неких лиц (впрочем, хорошо известных суду) и четыре побывавших на свидетельской трибуне в этом зале, на рейдерский захват чужого имущества, от чего, собственно, и защищался законный собственник, используя, в том числе, договоры мены. Данные обстоятельства подчеркивали в своих показаниях в суде и Михаил Борисович Ходорковский, и Платон Леонидович Лебедев. Это же установлено показаниями свидетелей. Так свидетель обвинения Голубович при допросе судебного следствия 19 января 2010 года сообщил (цитирую): «Свидетель Голубович: «Позиция изначально была такой, что мы совершаем эти сделки мены, потому что иначе активы могут арестовать, надо обезопасить». Прокурор Лахтин: «Это связано с претензиями «Birkenholz» якобы, да?» Свидетель Голубович: «Это связано, да, с претензиями Рыбина, значит, «Birkenholz». Вот с этими исками 1998

года. И что потом эти риски исчезнут, и акции дочерних компаний «ВНК» вернутся на баланс «ВНК». Прокурор Лахтин: «Ну, и насколько эта обоснована была позиция, и актуальна позиция Ходорковского?» Свидетель: «Ну, в тот момент, как мы уже говорили, вы этот вопрос уже задавали, в тот момент это было обосновано. В общем, было принято решение защиты активов «ВНК» с тем, чтобы у нее с баланса не списали никаких ценные активы судебные приставы, там какие-то службы, которые действовали во исполнение вот этих вот выигранных «Birkenholz» судов». Конец цитаты. Об этом же Голубович говорил в ходе допроса в суде 21 и 29 января 2010 года, а также от 07 июля 2004 года (том 26, лист дела 108), протокол которого был оглашен, а показания подтверждены свидетелем в судебном заседании. Неуклюжие попытки прокуроров интерпретировать в прениях этих показания в прямо противоположном смысле лишь подтверждают их истинное доказательственное значение. Другой, столь угодный стороне обвинения свидетель, господин Дергунов, как справедливо напомнил уважаемому суду, выступая в прениях 14 октября, прокурор Лахтин, сообщил, что, по его мнению, «Birkenholz» хоть и не основная, но все же причина сделок мены. Свидетель Греф в ходе допроса 21 июня 2010 года дал показания об известном ему иске третьей стороны, который мешал возврату акций, а на вопрос прокурора Смирнова, для чего была необходима сделка мены, еще раз пояснил: «Там был иск третьей стороны, был наложен арест на акции. Путем реализации этих акций могло произойти удовлетворение, как было в конце концов установлено арбитражным судом, незаконных требований этих этой третьей стороны». Более того, в пункте 5.3 проекта соглашения от 30 августа 99-го года между государством в лице Мингосимущества и «ЮКОСом» (том 158, лист дела 261), факт существования которого свидетель Греф подтвердил, эта третья сторона названа своим именем – компания «Birkenholz». Далее, в пункте 5.4 (лист дела 262) были зафиксирована возможность отказа министерства от требования возврата акций в случае, если такое окончательное судебное решение не будет получено. А оно, как известно уважаемому суду, было принято 26 февраля 2001 года, то есть только через полтора года, и в результате удовлетворения протеста в порядке надзора, внесенного от имени государства заместителем генерального прокурора Российской Федерации Кехлеровым от 22 июля 1999 года (том 158, листы дела 246-249). Сразу же после вступления в силу указанного судебного решения совет директоров ОАО «ВНК» единогласно принял решение об осуществлении всех возможных и необходимых действий, направленных на восстановление размеров активов ОАО «ВНК», существовавших на момент приватизации общества (том 5, лист дела 242). О реальности рейдерского захвата имущества ОАО «Томскнефть» со стороны делового партнера компании «East Petroleum» фирмы «Birkenholz», а, следовательно, господ Авалишвили, Рыбина и других, дали показания в суде, помимо уже упомянутых, свидетели Захаров (26 октября 2009 года), Лысова (26 мая 2010 года), Прянишников (26 июля 2010 года) и другие. В ходе прений сторона обвинения пыталась обосновать свою позицию об отсутствии угрозы со стороны рейдера ссылками на постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 03 марта 1999 года о том, что на акции, о которых идет речь, взыскание может быть обращено только в третью очередь. Такой аргумент мог бы стать убедительным, если бы при этом гособвинители еще объяснили, как, по их мнению, при заключении договоров мены в ноябре 1998 года можно было опираться на постановление от 03 марта 1999 года, а также почему суды и приставы-исполнители уже после этой даты выносили решения и осуществляли действия в пользу компании «Birkenholz», несмотря на указания Пленума Высшего арбитражного суда. Еще раз спасибо прокурору Лахтину, который напомнил всем нам об этих решениях и действиях со ссылкой на материалы дела 14 октября этого года. Наличие в договорах мены положения об обратном выкупе акций, как уже указывалось, доказывает изначальное отсутствие важнейшего и обязательного элемента субъективной стороны

вмененного преступления – умысла на присвоение, то есть хищение акций дочерних предприятий ОАО «ВНК». Последовавшая в мае 2002 года продажа государством «ЮКОСу» акций ОАО «ВНК», оцененных уполномоченным федеральным ведомством с учетом возвращенных акций дочерних организаций, подтверждает это со всей очевидностью. Кроме того, и это очень важно, настаивая на доказанности присвоения акций ОАО «Томскнефть», прокуроры опровергают столь же ложное и рьяно отстаиваемое ими обвинение в присвоении нефти, добытой этой компанией. Допускаю, что гособвинители не понимаю или весьма убедительно делают вид, что не понимают диспозицию статьи 160 Уголовного Кодекса и не знакомы с судебной практикой о ее применении. Но ведь они сами 04 июня 2009 года исследовали определение судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 22 сентября 2005 года на приговор Мещанского суда по первому делу (том 4, листы дела 190 и 193). В нем недвусмысленно установлено, что приговор суда первой инстанции в части присвоение продукции ОАО «Апатит» не соответствует закону. Как указал Мосгорсуд, Ходорковский и Лебедев не могут быть субъектами присвоения имущества ОАО «Апатит». В настоящем деле обвинение призывает Вас, Ваша честь, наступить на те же грабли. Следовательно, соблюдая хотя бы видимость законности, обвинение могло бы рассуждать о так называемом присвоении либо акций, либо нефти, но никак не того и другого вместе. Сторона защита невиновность Ходорковского и Лебедева, в том числе, отсутствие у них преступного умысла, доказывать не обязана. В то же время, суд в соответствии с частью 1 статьи 307 УПК, обязан указать в приговоре мотивы и цели преступного деяния. А часть 4 статьи 302 УПК исключает постановление обвинительного приговора на основании предположений. Судебная практика Верховного суда Российской Федерации свидетельствует, что если данный вопрос судом не разрешен или разрешен с нарушением принципа правовой определенности, то это является основанием для отмены приговора. Таким образом, заведомая ложность и множественность так называемых умыслов свидетельствует только о том, что обвинение не имеет никаких допустимых и относимых доказательств субъективной стороны заведомо противозаконно вмененного Ходорковскому и Лебедеву преступлению, а именно – присвоение акций ОАО «Томскнефть» и пяти других дочерних организаций ОАО «ВНК», которое является точно таким же абсурдом, как и хищение всей добытой «ЮКОСом» нефти. Собственно, на этом можно было бы речь и закончить. Однако, выступая в прениях, гособвинители, усугубляя фальсификации следствия, столько всего наговорили, что как выразался один персонаж Ильфа и Петрова, не в интересах истины, а в интересах правды необходимо хотя бы кратко остановиться на некоторых ключевых моментах заведомо ложного обвинения. В материалах дела в значительном числе, в более двух десятках официальных процессуальных документов содержится отличное от официального же обвинения утверждение о количестве якобы присвоенных ценных бумаг и их эмитентов. Противоречия самому себе в том, что якобы присвоены были акции дочерних предприятий ОАО «ВНК», не только в материалах дела (приводятся ссылки), но и в предъявленном обвинении (например, том 167, лист дела 57) указывается, что предметом хищения якобы были непосредственно акции ОАО «ВНК», принадлежащие государству. В результате и на основании подобных доводов, принимались прямо затрагивающие конституционные права Ходорковского и Лебедева решения о продлении срока содержания их под стражей, а также сроков предварительного следствия. Как уже указывалось, даже среди заведомо ложных мотивов вмененного преступления в обвинительном заключении наличествует завладение большим пакетом акций ОАО «ВНК», принадлежащих государству. Подобная якобы путаница, а на самом деле фальсификация продолжалась и в ходе судебного следствия. Так, задавая вопросы свидетелю Христенко, прокурор Лахтин 22 июня 2010 года настойчиво вопрошал: «Кто же распорядился акциями компании «ВНК»? Я правильно понимаю,

что Правительство Российской Федерации принимало меры по возврату акций «ВНК»?» Уже в прениях 14 октября гособвинитель Ибрагимов опять упомянула о хищении акций «ВНК» и даже пошла еще дальше, заявив, что является доказанной (я цитирую) «вина подсудимых в том, что в результате проведенного в декабре 1997 года денежного аукциона по продаже акций «ВНК», возглавляемая ими (то есть нашими подзащитными) организованная группа, получила контрольный пакет акций «ВНК». Очень рассчитываем, что Вы, Ваша честь, оцените глубину мысли. И это не оговорки или технические ошибки, а важнейшая часть плана по втягиванию в дело государства на стороне обвинения в качестве потерпевшего любой ценой. Без этого было бы невозможно придать противозаконному и карательному по своей сути уголовному преследованию Ходорковского и Лебедева необходимой заказчику жути в виде попрания интересов государства или, как говорил Михаил Борисович, подрыва устоев. Таким образом, обвинение представило суду заведомо ложные и противоречие утверждения о самом предмете преступлений, что исключает законность обвинений в его совершении. Противоправность и безвозмездность, исходя из примечания № 1 к статье 158 Уголовного Кодекса РФ, является обязательными признаками состава присвоения. Уголовный Кодекс не регулирует договорные отношения юридических лиц и в его, Уголовного Кодекса, рамках установление противоправности и безвозмездности, очевидно, невозможно. Уголовно-правовая оценка описываемых обвинением деяний в сфере экономики, в том числе, предусмотренных статьей 160 Уголовного Кодекса РФ, не может производиться иначе, как с учетом гражданского законодательства, поскольку именно на его основе устанавливаются важнейшие характеристики такого деяния, прежде всего – противоправность и безвозмездность. Формально признавая это, обвинение голословно декларирует, в том числе, и в прениях, что при заключении ОАО «ВНК» договоров мены акций ОАО «Томскнефть» и других пяти своих дочерних предприятий с тремя зарубежными компаниями, якобы был нарушен ряд положений гражданского законодательства, и пытается обосновать эту свою позицию ссылками на Гражданский Кодекс и закон «Об акционерных обществах». В рассматриваемом эпизоде бездокументарные акции, принадлежавшие на праве собственности сторонам договоров, обменивались с определенными существенными условиями обратного выкупа по фиксированной цене. В силу статьи 11 Гражданского Кодекса Российской Федерации, только после признания оснований возникновения права собственности договора недействительным можно говорить об обращении чего-либо в пользу неких лиц противоправным. Сделка становится недействительной исключительно в силу признания ее таковой судом (это статья 166 Гражданского Кодекса РФ), но не органами предварительного следствия. 15 октября оппоненты в обоснование своей позиции ссылались на заключение авторитетной юридической фирмы «Coudert Brothers», подготовленное по заказу РФФИ, в котором еще в 2002 году в качестве единственного правового пути для возвращения акций ОАО «Томскнефть» было указано на необходимость обращения в суд с исками о применении последствий недействительности сделок мены. Такой же законный путь предлагала еще раньше и Федеральная комиссия по ценным бумагам в ответе на запрос следствия от 11 июля 2000 года, исследованном стороной обвинения 21 мая 2009 года в томе 12 на листе дела 2. Однако эти рекомендации профессионалов были проигнорированы, так как пути следствия и обвинения вполне исповедимы и принципиально отличаются от предписанных законов. В ходе судебного следствия не представлено, так как не существует в природе, ни одного судебного решения, установившего нарушение закона при проведении сделок мены. Следовательно, утверждение обвинения о якобы имевших место нарушениях гражданского законодательства являются заведомо ложными и должны повлечь критичную оценку суда. Пытаясь опровергнуть аргументы защиты о том, что (цитирую) «предметом правовой оценки по уголовному делу являются отношения по заключению и исполнению сделок, а также по управлению

юридическими лицами, которые исчерпывающим образом урегулированы гражданским, а не уголовном правом», обвинение утверждает, что (цитирую) «указанные доводы защиты являются необоснованными и противоречат содержанию постановления о привлечении Ходорковского и Лебедева в качестве обвиняемых». Эта же в кавычках, извините, «мысль» повторяется на следующей странице обвинительного заключения, где (цитирую) «с учетом изложенного, не соответствующим предъявленному Ходорковскому и Лебедеву обвинению являются утверждения защиты, что их подзащитным предъявлены как преступления сделки, осуществлявшиеся в полном соответствии с гражданским и иным законодательством». Выступая в прениях, прокурор Лахтин 22 октября на этом же псевдоосновании несоответствия, видите ли, задаваемой защитой вопросов предъявленному обвинению, «опроверг» (в кавычках) и показания ряда свидетелей защиты. Приведенные откровения – свидетельство одновременно правовой беспомощности и беспредельного цинизма обвинения. Любому, даже не юристу, понятно, что для опровержения правовой позиции защиты необходимо сослаться на нормы закона, судебную практику, а не на отвергаемые защитой заведомо ложные доводы обвинения. Правовая позиция Верховного суда Российской Федерации состоит в том (об этом сегодня уже тоже упоминалось), что противоправность при хищении, в первую очередь, заключается в изъятии имущества против воли собственника (пункт 19 Постановления Пленума Верховного суда № 51). Договоры мены со стороны ОАО «ВНК» были заключены на основании решения совета директоров его законного исполнительного органа ЗАО «Роспром» от 3 ноября 1998 года (том 158, листы дела 256-257), а затем были одобрены советом директоров ОАО «ВНК» (том 5, листы дела 209-215 и 228-237), что соответствовало действовавшему на тот момент законодательству. Что бы не фантазировали по этому поводу прокуроры в прениях, но указанные решения никем не оспорены. У юридического лица нет иной воли, кроме воли его акционеров и сформированных ими органов управления – совета директоров и исполнительного органа, повторяем это еще раз. Государственное обвинение, повторю, не представило суду доказательств того, что рассматриваемые сделки мены акций были в установленном порядке признаны противоправными. Следовательно, является юридически ничтожным утверждение о том, что обвинение полностью соответствует примечанию № 1 к статье 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Учитывая, что, как уже указывалось, понятия возмездности/безвозмездности определяются не уголовным, а гражданским законодательством, утверждение обвинения о безвозмездности договоров мены не основано на законе. А поскольку закон (статья 423 Гражданского Кодекса РФ) общеизвестен и однозначен, эти утверждения заведомо ложны. Эквивалентность обмена с цифрами и фактами в руках обосновывал в своих показаниях Платон Леонидович Лебедев 24 августа 2010 года. Данный вывод подтвердил и свидетель Голубович в показаниях в суде 19 января 2010 года, я цитирую: «Ни я, ни мои сотрудники не ставили задачу занизить стоимость акций ОАО «Томскнефть». Откуда, вообще, возникла идея обмена именно акций «ЮКОСа»? Все акции тогда сильно упали в цене, потому что это было после дефолта, и, вообще, российский фондовый рынок упал в 20 раз в среднем, а многие акции упали в сто раз и больше. И что акции «Ачинского НПЗ» или, например, «Томскнефти» на рынке ничего не стоили, как мусор просто, так что и акции «ЮКОСа» не очень-то дорого стоило, но все они, в отличие от этих акций, хотя бы торговались, котировались на бирже РТС». Прервем ненадолго цитирование показаний свидетеля, отметив, что отсутствие в интересующий нас период, именно по состоянию на 01 ноября 1998 года, котировок акций «Томскнефть» и наличие оных по «ЮКОСу» подтвердил в ходе допроса в суде 29 октября 2009 года и эксперт обвинения Школьник. В этой связи весьма показательным является и (в кавычках) «козырь» обвинения – о не ликвидности и нулевой стоимости акций ЗАО «Фрегат» в связи с тем, что в тот же период они не

котировались на рынке. По этой вполне оправданной логике также должны оцениваться обвинением и акции ОАО «Томскнефть», тем более что, как заявил господин Лахтин 15 октября (цитирую), «для оценки стоимости имущества в целях уголовно-правовой квалификации применяется его рыночная стоимость». Заметим в скобках о том, что все, связанное с сюжетом о «Фрегате», находится за пределами предъявленного обвинения в хищении, и, следовательно, не должно оцениваться уважаемым судом. Вместе с тем, ни в интересах истины, а в интересах правды следует напомнить, что эта компания имела в собственности акции ОАО «ВНК», которые она продала всего-навсего 155 миллионов рублей. Продолжим цитирование свидетеля: «Прокурор Лахтин: «Это акции какой организации?» Свидетель Голубович: «Я про «ЮКОС» сейчас говорю». Прокурор Лахтин: «Они котировались?» Свидетель Голубович: «Да, и, в общем-то, оценку, показывающую эквивалентность обмена вот этих вот акций «ЮКОСа» – 36 миллионов штук, или столько тут указано – на акции дочерних компаний «ВНК» можно было обосновать, исходя из рыночных котировок». Далее свидетель обвинения еще раз опроверг авторов обвинения, цитирую: «Им (имеется в виду, ЗАО «МЦО») нельзя было поставить задачу намеренно существенно занижить или завысить стоимость тех или иных акций». То есть они сделали квалифицированную оценку именно по такой цене. Он же дал показания о том, что ЗАО «МЦО» была выбрана, как одна из самых известных и авторитетных оценочных фирм в стране (это том 26, лист дела 135). Следует подчеркнуть, что на самом деле именно утверждение обвинения о (в кавычках) «заведомой ложности заключения ЗАО «МЦО» являются заведомо ложными. Это заключение и по сегодняшний день в установленном законом судебном порядке не отменено. Выступая в прениях, 15 октября прокурор Смирнов это признал, заявив, что таким судебным актом станет Ваше, Ваша честь, решение. А его коллега Лахтин в тот же день, рассуждая о заключении профессионального оценщика, поведал миру о том, что (я цитирую) «заключение оценки может быть подтверждено или опровергнуто только судом применительно к практике хозяйственной деятельности и гражданско-правовых споров юридических лиц, и не распространяется на оценку рыночной стоимости в смысле уголовно-правового доказывания». После подобных заявлений могло бы стать смешно, Ваша честь, наверное, если бы не было так грустно. Отсутствие в заключении ЗАО «МЦО» сколько-нибудь существенных замечаний подтверждается и материалами дела. Так, в ответе заместителя министра Мингосимущества России Рустамовой от 29 августа 2001 года на представление следствия указывается, что имеющиеся в отчете ЗАО «МЦО» недочеты не приводят к существенным искажениям итоговой величины стоимости акций ОАО НК «ЮКОС», а сравнение цены одной акции ОАО НК «ЮКОС» с ценой одной акции ОАО «Томскнефть» методически корректно (том 15, листы дела 196-197). Арбитражный суд города Москвы, Михаил Борисович об этом упоминал, решением от 02 сентября 1998 года (том 3, листы дела 126-129) установил размер требований компании «Birkenholz» к ОАО «ВНК» в сумме 250 миллионов 40 тысяч 120 рублей. Этот же суд в обеспечение иска наложил арест на 17 миллионов 112 тысяч 203 акции ОАО «Томскнефть». Разделив первую цифру на вторую, легко установим, что суд фактически оценил одну акцию «Томскнефти» в 14,5 рублей, то есть почти на треть дешевле, чем оценил ЗАО «МЦО». Однако гособвинители, вторя заведомо ложным выводам так называемых экспертов ЗАО «Квинто-Консалтинг», продолжали настаивать, что в ноябре 1998 года, когда эти ценные бумаги на рынке не котировались, а ОАО «Томскнефть» находилось в состоянии банкротства, цена одной акции составляла 187 рублей. Очевидно, что такие утверждения нельзя оценить иначе, как заведомо ложные. Защита дважды, 15 июля и 07 сентября 2010 года, ходатайствовала о признании экспертного заключения ЗАО «Квинто-Консалтинг» недопустимым доказательством. Вы, Ваша честь, приняли решение определиться по этому вопросу при постановлении определения. Мы ждем. Обвинение, понимая ущербность своей

означает самоуничтожение предъявленного обвинения. В обоснование заведомо ложного обвинения и его квалификации в обвинительном заключении и в выступлениях прокуроров в прениях приведены и заведомо ложные так называемые доказательства, построенные на злостном искажении и придании реальным решениям и действиям не имеющегося в них криминального умысла и содержания. Причастность Лебедева к вмененному преступлению якобы доказывается ссылками на его визу от 13 ноября 1997 года на письме Голубовича, касающегося денежного аукциона по акциям ОАО «ВНК» (том 22, листы дела 55-56), и распоряжении по ЗАО «Роспром» от 11 декабря 1997 года об организации работы в ОАО «ВНК» (том 38, лист дела 146). То есть в отношении иного имущества и за год до вмененного события в преступление. А руководящая роль Ходорковского – распечаткой его резолюции Ляпунову от 27 ноября 1998 года, то есть после завершения так называемого присвоения (том 22, лист дела 79). Наши подзащитные подтвердили аутентичность этих и ряда других документов, что вовсе не является аналогом признательных показаний в криминологическом смысле этого термина, ведь гособвинители, на самом деле, это прекрасно понимают, однако они исполняют роль, которая не позволяет им не только говорить, но и думать иначе. Отдельного анализа заслуживает письмо Прокофьева Голубовичу от 09 декабря 1998 года по проекту «Томск» о двух ключах (том 132, лист дела 246), которое было многократно упомянуто оппонентами в прениях. Неужели ни следствие, ни гособвинители не заметили, что этот документ появился после окончания так называемого присвоения акций? Поверить в это невозможно. Следовательно, речь идет об очередном подлоге, а проект «Томск» имеет такое же отношение к мене акций ОАО «Томскнефть» на акции «ЮКОСа», как и, например, «План Барбаросса» к этой исторической личности. Стол же настойчиво обвинение использовало в прениях еще одно (в кавычках) «доказательство», а именно документ «К вопросу о программе обмена акций «ЮКОСа» на акции дочерних предприятий». Из документа, на который ссылается обвинение (это том 39, лист дела 10), следует, что дата начала реализации плана – 01 июля 1998 года, то есть до так называемого присвоения. А также, это тоже интересно, что речь идет об обмене акций не только «Томскнефти», то и «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаз», в присвоении которых никому обвинению не предъявлялось. Однако гособвинители буквально делают стойку, когда они увидят слово «обмен», при этом уже неважно, кто, что, когда меняет. Еще более разоблачительный характер имеет и проект решения стратегического комитета, утвердившего программу обмена (том 39, лист дела 29). Важность для обвинения этого так называемого доказательства подтверждена оппонентами в прениях. Учитывая, что исполнителями намеченных этим планом мероприятий указаны господа Анилионис и Голубович, а эти лица участвовали в настоящем судебном процессе в качестве свидетелей, приведенные обвинением сведения иначе как доказательства невиновности кого-либо, в том числе наших подзащитных, расцениваться не могут. В этой связи хотелось бы еще раз поблагодарить оппонентов за помощь. Наконец, на странице 1737 обвинительного заключения Лебедева появляется версия как бы конкретного его вклада в совершение преступления. Цитирую: «Лебедев, работавший заместителем председателя объединенного правления ЗАО «Роспром», поручил работникам дирекции стратегического планирования и корпоративных финансов ООО «ЮКОС Москва» подготовить проекты стандартных типовых договоров для осуществления неравноценного обмена акций». Платон Леонидович Лебедев в своих заявлениях о преступлениях неоднократно указывал, что подобная фальсификация официальных документов уголовного судопроизводства является служебным подлогом и свидетельствует о наличии оснований уголовной ответственности ее авторов – Каримова, Альшева, Гриня, Лахтина и иже с ними – по статье 292 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Фактически признав обоснованность обвинения Лебедева, прокуроры от указанного заведомо ложного утверждения, опровергнутого материалами

дела, в ходе прений 15 октября отказались. Правда, тут же заменив его на еще более абсурдное. Теперь служебные положения усматриваются этими новаторами уголовного права якобы в полномочиях Лебедева как члена организованной группы. Эта с точки зрения права ересь дезавуирует еще один квалифицирующий признак вмененного преступления, а также полностью разрушает лжеконцепцию обвинения об организованной группе, что лишает обвинения даже видимости закона. Надеюсь, что никого, в том числе, и Вас, Ваша честь, не введут в заблуждение попытки обвинения спасти безнадежно потерянное лицо, подобие объективности в виде отказа от некоторых полностью разоблаченных фальсификаций. Тем более что ни их месте тут же появляются новые. Не успела прокурор Ибрагимов отказаться от заниженного в миллион раз размера уставного капитала ЗАО «Фрегат», как в тот же день, 14 октября, орденосец Шохин восстановил статус-кво. Теперь оказался заниженным в миллион раз уставный капитал ЗАО «Роспром», который в соответствии с его уставом исследован стороной обвинения 29 апреля 2009 года, составлял один миллиард, а не одну тысячу рублей (это том 4, листы дела с 41 по 59). Впрочем, ничего удивительного в откровениях господина Шохина нет. Сей государственный обвинитель, непонятно с какой целью просидевший в настоящем процессе более полутора лет за счет налогоплательщиков, похоже, не видел раньше не только материалов дела, но и озвученных ими частей коллективной речи. В тщетных потугах хоть как-то пристегнуть Ходорковского и Лебедева к своей криминальной версии о сделках мены, обвинение вынуждено выстраивать трехэтажных конструкции, отношение к которым адекватно может быть описано лишь равноэтажным стилем. Судите сами, Ваша честь, цитирую: «Действуя во исполнение согласованного с Лебедевым и Ходорковским, и другими членами организованной группы плана, Алексанян и Гололобов путем уговоров склонили подписать указанные договоры от имени вышеперечисленных иностранных компаний работников подконтрольного членам организованной группы СП «РТТ» Гришняеву от имени компании «Montekito», Бородину – «Chellita», Ковальчук – «Sagiman Holding» (том 182, страница 1738). По такой же схеме обвинение приплетает Ходорковского и Лебедева и к подписанию передаточных распоряжений. Однако почти год назад все трое указанных подписантов-свидетелей дали показания в суде, соответственно, 02, 05 и 03 ноября 2009 года, в которых в качестве инициаторов вышеуказанных действий упоминался лишь один персонаж – господин Голубович. Данный юридический факт подтвердили в ходе прений и гособвинители. Дальше – еще круче, цитирую: «После чего, действуя по указанию Шахновского (первый этаж), а также под руководством Ходорковского, Невзлина и Гололобова (второй этаж) и по согласованию с Лебедевым (третий этаж), Бурганов, используя свое служебное положение, подписал договоры мены». Итак, слуга трех господ Бурганов, используя (внимание!) свое (а не Ходорковского или Лебедева) служебное положение совершил некие действия, реальность которых так же, как и подписание Бургановым передаточных распоряжений, никто не отрицает. В показаниях, данных в суде, Ходорковский и Лебедев пояснили, что в соответствии с регламентами компаний, данные действия никаких согласований с их стороны не требовали, а потому и не имели места в действительности. При наличии отсутствия у обвинения доказательств обратного, указанные его перлы квалифицировать иначе, как заведомо ложные, невозможно. На странице 1933 обвинительного заключения – обвинение в принятии 10 июля 1998 года общим собранием акционеров «ВНК» новой редакции устава, исключившего особые права одного из акционеров – государства, усматривают ущемление прав последнего и, следовательно, как бы доказательства виновности наших подзащитных. Вроде бы на такую мелочь можно было бы и не обращать внимания, но как показательна эта мелочь, Ваша честь. Очевидно, что таким образом протаскивается все та же удобная заказчикам дела тема о попрании интересов государства и подрыве устоев. Однако, не имея тому никаких доказательств, обвинение

пытается убедить, прежде всего, Вас, Ваша честь, исполнение закона, в данном случае, «Об акционерных обществах», который потребовал от всех акционерных обществ такие изменения внести, так вот, исполнение закона является чуть ли не основанием уголовной ответственности. Гособвинители многократно приводили в обоснование своей ущербной позиции различные фрагменты из материалов проверки Счетной Палаты Российской Федерации. Они, видимо, надеюсь, что авторитетом этого органа удастся прикрыть собственную несостоятельность. На самом деле, и из заголовка документа, и из его итогового вывода следует, что речь идет исключительно о результатах деятельности Правительства Российской Федерации (том 12, листы дела 102-128). Единственный вывод, в котором говорится об ущербе государства – это вывод №6, я цитирую: «К ущемлению законных интересов ОАО «ВНК» и государства, как его акционера, привела конвертация акций ОАО «Томскнефть» в 2001 году» (лист дела 127). Но нам такое обвинение не предъявлялось. Таким образом, сделки мены среди причин ущемления интересов государства в выводах Счетной Палаты не значатся вовсе. Следовательно, сторона обвинения в очередной раз уличена в обмане уважаемого суда. В целом, из общего объема приведенных в обвинительном заключении так называемых доказательств виновности по данному эпизоду любую половину составляют не относимые к предъявленному обвинению сведения, как по временному периоду, так и по предмету описываемых деяний. Остальное – это фальсификация имевших место в действительности обстоятельств, которым заведомо ложно придается уголовно-правовое содержание. Таким образом, эти представленные суду псевдодоказательства доказывают лишь злостное нарушение их авторами императивных требований Конституции, Уголовного и Уголовно-процессуального Кодексов Российской Федерации. Из всех этого обвинения делает заведомо вывод, который и представляет собой формулу обвинения по анализируемому эпизоду. На самом деле, приведенные стороной обвинения, как в ходе судебного следствия, так и в прениях, сведения лишь подтверждают законное развитие «ЮКОСа» как вертикально-интегрированной компании, у которой были достаточно серьезные противники – Авалишвили, Рыбин, «Birkenholz», «East Petroleum» и прочие более мелкие фигуры, – потерявшие свой, как окончательно установил в 2003 году Венский арбитражный трибунал, противозаконный бизнес и желавшие компенсировать потерю за счет захвата чужой собственности, что и потребовало в качестве защитных мер осуществить сделки мены. В соответствии с частью 1 статьи 42 УПК, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинением преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Следовательно, по делам о преступлениях против собственности лицо, как юридическое, так и физическое, может быть признано потерпевшим только в том случае, если вред в результате совершения такого преступления причинен непосредственно его имуществу. В случае хищения этот вред должен выражаться только в прямом реальном ущербе, определение которого дано в пункте 2 статьи 15 Гражданского Кодекса. Все вышесказанное в полной мере распространяется и на гражданских истцов, что прямо следует из содержания части 1 статьи 44 УПК РФ. По настоящему эпизоду, согласно обвинительному заключению, якобы потерпевшими и одновременно гражданскими истцами признаны граждане Белокрылов и Демченко, компания «Sandheights Limited» и государство в лице Федерального агентства по управлению федеральным имуществом. Однако, как следует из материалов дела, никто из них не являлся собственником имущества, которое обвинение считаем похищенным, а именно – акций дочерних обществ ОАО «ВНК», принадлежащих государству. Эти очевидные и бесспорные факты были подтверждены в результате допросов в суде 20 мая 2010 года гражданина Демченко, а 28 сентября 2009 года – представителя Росимущества и гражданина Белокрылова. Жирный крест на статусе так называемых потерпевших поставил, выступая в прениях

22 октября, терминатор обвинения прокурор Лахтин, заявивший, что законодательство Российской Федерации не предусматривает, что акционер является собственником имущества юридического лица, и, посоветовавший лжепотерпевшим искать удовлетворения в рамках гражданского судопроизводства. Следовательно, Ваша честь, стороны обвинения и защиты достигли консенсуса о том, что граждане Белокрылов и Демченко, компания «Sandheights» и государство в каком угодно лице, пусть и Росимущества, признаны потерпевшими и гражданскими истцами без законных на то оснований. В связи с этим, юридические последствия их участия в судебном разбирательстве должны быть признаны уважаемым судом ничтожными, а заявленные требования не подлежащими удовлетворению. При отсутствии законно установленных потерпевших назначение настоящего судебного процесса, в соответствии с нормой пункта 2 части 1 статьи 6 УПК РФ, остается исключительно защита Ходорковского и Лебедева от незаконного и необоснованного обвинения. Как уже отмечал в своих показаниях в суде 24 августа 2010 года Платон Леонидович Лебедев, заведомо ложное обвинение по данному эпизоду в значительной степени строится на приписывании реальных и, на самом деле, законных действий Голубовича Лебедеву. Данный способ фальсификации фактических обстоятельств является ничем иным, как подменой фигурантов, то есть фирменным приемом следствия при фабрикации доказательств по делу. Ранее, в предыдущем деле, Каримов использовал этот фирменный прием по эпизоду с акциями ОАО «Апатит», также поменяв Голубовича на Лебедева. Следствие буквально наспиговала материалы дела, а гособвинители – свою коллективную речь в прениях доказательствами подмены фигурантов. Хотя тот же Голубович, как самый осведомленный по данному эпизоду свидетель, в ходе судебного следствия опровергал причастность Лебедева к сделкам мены. Так, при допросе в суде 19 января 2010 года он показал, что Лебедевым вопросы обмена не обсуждал. Он же 28 января 2010 года подтвердил, что договоры мены были заключены в интересах общества, то есть ОАО «ВНК», получившим преимущество перед кипрскими компаниями, а также, что сделки по приобретению акций дочерних предприятий «ЮКОС» проводил некриминальным способом, и они никем не оспаривались. Говорил об этом, как и обещал, не в интересах истины, а в интересах правды. Подмена фигурантов – доказательство фальсификации обвинения и незаконных методов ведения следствия, осуществлявшегося под «бдительным» надзором прокурора Лахтина. Однако этот отработанный Каримовым и компанией приемчик ничего не меняет по существу. Сделки мена акций являлись законными изначально, и никогда не содержали в себе признаков какого-либо уголовного преступления, в том числе, и в действиях Алексея Дмитриевича Голубовича. Таким образом, сфабрикованное по политическим мотивам уголовное дело основано не на добросовестном анализе действительных событий и действий наших подзащитных, а на неких заведомо ложных утверждениях, порожденных в умах следователей под прямым влиянием тех, кто заказал это дело. Уместно вспомнить, что Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев публично признал так называемое «дело Ходорковского» юридическим казусом (кому интересно, это газета «Ведомости» за 03 августа 2008 года). Общепринятое определение этого термина исходит из того, что казус – это некое действие, которое в отличие от умышленного или неосторожного имеет внешние признаки правонарушения, но лишено элементов вины и, следовательно, не влечет юридической ответственности. Учитывая изложенное, руководствуясь нормами статей 2, 15 (части 1), 17, 18, 21 (части 1), 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации, защита имеет все законные основания настаивать на полном оправдании Михаила Борисовича Ходорковского и Платона Леонидовича Лебедева, в том числе, и по эпизодам мены акций на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК Российской Федерации, то есть в связи с отсутствием в их действиях состава преступления. Благодарю за внимание. Судом объявляется перерыв.

18 часов 10 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Сайкин Л.Р.: Уважаемый суд! Защита только что высказалась об отсутствии каких-либо признаков хищения в сделках мены акций. Сейчас речь пойдет о так называемой легализации этих ценных бумаг. Прежде всего, хочу сообщить крайне неприятную для обвинения вещь. Легализация, в широком смысле, как придание внешним... незаконным действиям вида внешне законных, действительно имела место. Почему неприятная для обвинения? Объясняю. Поскольку в действительности имела место не легализация акций, ценных бумаг, а преступление, предусмотренное статьей 299 Уголовного кодекса Российской Федерации – привлечение заведомо невиновных к уголовной ответственности. Эту легализацию осуществили следователи, надзирающие за ними прокуроры и государственные обвинители, путем искусственной криминализации действий по защите акций, которые совершались в интересах всех акционеров «ВНК», в том числе и государства, от рейдеров, а также путем эта легализация была совершена поддержания сфальсифицированного обвинения в суде. С целью увеличения объема вменяемого, процесс защиты акций единый были ими разделен на две части, одну из которых они назвали хищением, а другую легализацией. Возврат акций, изначально предусмотренный, вообще был ими сознательно отброшен как не вписывающийся в придуманное преступление. Итак, согласно измененному прокурорами в прениях обвинению, Ходорковский и Лебедев обвиняются в том, что в 1998-2000 годах организованной группой совершили финансовое операции и другие сделки с денежными средствами и иным имуществом, приобретенными заведомо незаконным путем, а также использовали их в экономической деятельности, то есть легализовали имущество, приобретенное ими самими заведомо незаконным путем. Какие фактические действия вменяются нашим подзащитным? Это действия по разработке плана защиты акций, которые обвинения почему-то именует планом легализации, и в оформлении соглашений о покупке ценных бумаг компаниям, подконтрольным членам организованной группы. В своем выступлении я приведу пять оснований, по которым это обвинение является ложным. Итак, первое. Невозможно легализовать то, что не было приобретено преступным путем. Здесь важны два аспекта. Первый – имело ли место вообще (тут употреблю красивое слово) предикатное преступление, то есть, говоря попросту, хищение акций дочерних компаний «ВНК»? Об этом уже высказался мой коллега адвокат Краснов. И второе – были ли акции в результате сделок мены приобретены подсудимыми? Вот об этом скажу подробнее. Поскольку обвинение утверждает, что акции были получены Ходорковским и Лебедевым в составе организованной группы, путем присвоения, в результате сделок мены они должны были оказаться во владении, пользовании и распоряжении указанных лиц, которыми в дальнейшем и должен был придаваться правомерный вид этим правомочиям, своим правомочиям. Пленум Верховного Суда разъяснил, что присвоение состоит в обращении имущества в свою пользу, и считается окончательным с того момента, когда законное владение вверенным имуществом стало противоправным. В связи с этим попутно замечу, что, к огорчению государственного обвинения, в отношении бездокументарных ценных бумаг вывод о незаконном владении в рамках уголовного дела сделать нельзя. Само по себе незаконное владение возникает в силу несовпадения собственника и владельца. Владение возможно только в отношении физических объектов, следовательно, применительно к бездокументарным акциям, которые существуют посредством исключительно записей в реестре с указанием лица, которому они принадлежат, расщепление собственности и владения невозможно технически. Закон «О рынке ценных бумаг» определяет владельца бездокументарных ценных бумаг как лицо, которому они принадлежат на праве собственности или ином вещном праве. Оно устанавливается на записи в системе ведения реестра владельцев, а переход прав на такие бумаги и осуществление закрепленных ими прав требуют его обязательной идентификации. При этом право на именную бездокументарную ценную

бумагу переходит к приобретателю в случае учета прав в системе ведения реестра с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя. Как убедительно доказало государственное обвинение, приобщив к материалам дела регистрационные журналы и реестры владельцев именных ценных бумаг дочерних компаний «ВНК», а также передаточные распоряжения, владельцами акций в результате договоров мены стали иностранные компании, «Sagiman», «Montekito» и «Chellita». Ни одного члена мнимой организованной группы в этих документах не упоминается. Собственно, этот факт признан обвинением в нескольких документах. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого так называемого соучастника Александяна, там обвинение указало, буквально цитирую, что «акции были переданы в распоряжение кипрских компаний «Sagiman», «Montekito» и «Chellita» и находились в их владении». В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых Ходорковского и Лебедева также указано, что в результате сделок мены акции дочерних предприятий «ВНК» поступили, цитирую, «в собственность названных компаний, аффилированных со структурами «Роспром»-«Менатеп»-«ЮКОС» и, следовательно, подконтрольных членам организованной группы. Тут уместно вспомнить проект соглашения между ОАО «ВНК» и этими иностранными компаниями. Как указано в сопроводительном письме к нему, доработанному с учетом интересов Российской Федерации и одобренным замминистра Грефом. Согласно этому проекту, цитирую, эти компании, иностранные компании, получившие акции, «являются полноценными субъектами права и обладают всеми установленными законодательством и присущими их статусу правоспособностью, дееспособностью и способностью отвечать по своим обязательствам всем своим имуществом», и рассматриваются в этом соглашении они как собственники акций дочерних компаний «ВНК». Когда этот документ приобщался к материалам уголовного дела, то обвинение нам сообщило, что у него не вызывает сомнения факт его существования. Кстати, здесь же обращу внимание, что собственник может быть только законным. Собственно, об этом неоднократно говорилось в ходе процесса, незаконным собственником по нашему законодательству быть нельзя. Так что приведенным выше признанием следствие прокуратура полностью уничтожили выдуманное обвинение в хищении акций в результате сделок мены. Итак, обвинение успешно установило и доказало, что собственником акций в результате этих сделок стали иностранные компании, которым, согласно статье 2 закона «О рынке ценных бумаг» и 209-й Гражданского кодекса и принадлежали права владения, пользования и распоряжения ими. С учетом этого, суть обвинения на аффилированность этих собственников структурам «Роспром»-«Менатеп»-«ЮКОС» и таким образом подконтрольность правового значения для определения владельцев акций вообще никакого не имеют. Это, безусловно, прекрасно известно и нашим уважаемым оппонентам, которые применительно к акциям дочерних обществ «ВНК» и нефти дочерних обществ НК «ЮКОС» указали, что они никогда Ходорковскому и Лебедеву не принадлежали, а были собственностью самих акционерных обществ. Обвиняемые хоть и были основными акционерами обществ, не являлись собственниками их имущества. Таким образом, разницу даже между акционером компании и собственником ее имущества сторона обвинения отлично понимает и, когда ей выгодно, охотно на это ссылается. Очевидно, что с точки зрения закона говорить о праве на имущество иностранных компаний, не указанных обвинением аффилированных структур «Роспром»-«Менатеп»-«ЮКОСа» тем более смешно. Тем не менее, поскольку прокуроры такими утверждениями настойчиво легализуют предъявленное обвинение, я на этом вопросе остановлюсь подробнее, на вопросе завладения акциями этими структурами и их акционерами. Итак, до сделок мены акции «Томскнефти» и других компаний, указанных в обвинении, принадлежали «ВНК». В материалах дела есть проект, который подкупает своей искренностью, о нем уже говорил адвокат Краснов, под названием «Выведение «Томскнефти» из-под контроля

Ходорковского». Из него следует, что холдинг «Роспром»-«ЮКОС» (Группа) приобрел 44 % акций компании, что в совокупности с ранее приобретенным пакетом в 9 % акций обеспечивало Группе (холдингу «Роспром»-«ЮКОС») полный контроль над компанией ОАО «ВНК». Вместе с компанией Группа приобрела контроль над основным добывающим подразделением этой компании, ОАО «Томскнефть». О подконтрольности «ВНК» по состоянию на конец 1997 года, обращаю, Ваша честь, внимание на год, Ходорковскому и членам организованной группы, прямо говорится в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых. Собственно, это подтвердили прокуроры, и выступая в прениях. Таким же подконтрольным, опять-таки, по состоянию на конец 1997 года, членам организованной группы за счет владения большинством акций обвинение считает и компанию «ЮКОС» и его дочерние нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие акционерные общества. Здесь интересно, что по этому вопросу, давая показания в суде, пояснил Ходорковский, в отношении утверждений о завладении им принадлежащим «ВНК» акциями «Томскнефти» и других дочерних компаний. Я позволю себе процитировать: «Если о владении акциями говорят нормальные юристы, то речь идет о таком лице, которое внесено в реестр. В случае присвоения им должен быть я, ну, или кто-то из членов орггруппы. Этого нет. Если о владении говорят представители обвинения, то они могут иметь в виду лицо, имеющее право или фактическую возможность определять решения лиц, владеющих акциями, то есть записанных в реестр. Тогда это лицо вообще не изменилось, им с самого начала был я, и только я, как опосредованно, через «GML» и «YUKOS Universal» и «ЮКОС», основной акционер «ВНК». В такой трактовке «ВНК» попросту никогда не владела никакими акциями «дочек». Им до 1997 года был РФФИ, а с 1997 года, после покупки «ЮКОСом» контрольного пакета, и до 2003 года», выхода Ходорковского из состава акционеров «ЮКОСа», «я, как лицо, имеющее возможность определять, пусть и по длинной цепочке, судьбу этих акций». Неслучайно, выступая в прениях с оценкой позиции подсудимых по эпизоду так называемого хищения и легализации акций, прокуроры скромно промолчали об этом неизбежном следствии их подхода, которое так наглядно отразил Михаил Борисович. Таким образом, как до, так и после сделок мены акций, они принадлежали юридическим лицам, подконтрольным, ну, в терминологии обвинения, «ЮКОСу», при этом обвинение не делает никакой разницы между этими юридическими лицами, и в конечном итоге принадлежали Ходорковскому как лицу, имеющему законную возможность определять судьбу этих акций. После сделок мены акции оказались приобретенными, ну, обращенными в пользу членами мнимой организованной группы не более чем были до них. Иными словами, юридически значимое отношение так называемых похитителей к якобы похищенному имуществу не изменилось. Между тем всем известно, что при хищении должно происходить не только причинение реального материального ущерба, о котором мы говорили в первой половине дня, ущерба собственнику, в ходе которого уменьшается объем его наличного имущества, но и, соответственно, незаконное обогащение преступника за счет похищенного имущества в размере его стоимости. Ущерб на одной стороне и имущественный доход на другой – вот это неперменные признаки любого хищения, связанные с переходом имущества от собственника к похитителю. С учетом этого, если обвинение, вопреки нормам гражданского законодательства, полагает, что приобретение акций юридическим лицом тождественно приобретению их лицом физическим, с которым это юридическое аффилировано или которому оно подконтрольно через ряд других компаний, то акции были приобретены Ходорковским и Лебедевым еще до сделок мены, в результате не вмененных и никак не квалифицированных действий при покупке пакета акций «ВНК». Это, в свою очередь, означает, что не было ни хищения акций дочерних компаний «ВНК», ни тем более легализации якобы похищенного. Несколько слов о подконтрольности, Руководство «ЮКОСа» проинформировало аудиторов – я имею в

виду руководство «PricewaterhouseCoopers» – о состоявшихся в ноябре 98-го года сделках мены с иностранными «Montekito», «Sagiman» и «Chellita». При этом оно указало, что отношения «ВНК» с «Томскнефтью», «Ачинским НПЗ» существенно не изменились, у нас нет другой информации, которая заставила бы разумного человека сделать другой вывод, нежели тот, что «Томскнефть» и «Ачинский НПЗ» контролируются «ВНК» по данным на 31 декабря 1999 года. Как показал Ходорковский, «если бы оказалось, что акции дочерних предприятий «ВНК» выскочили за периметр консолидации, то падение котировок компании «ЮКОС», которые уже принадлежали нам, было бы чудовищным. Уж если обвинение не верит в мою добропорядочность, то нужно учесть и невозможно опровергнуть, что мне мысль о выводе акций этих предприятий за пределы «ЮКОСа» в голову не приходила хотя бы из соображений очевидной невыгодности как мажоритарному акционеру компании «ЮКОС». Аудиторы «PricewaterhouseCoopers» разумными людьми являлись, поэтому они подтвердили, цитирую: «Несмотря на обмен, «ВНК» отвечает требованиям консолидации. ОАО НК «ЮКОС» предоставило нам изменения к договорам обмена, которые продлили опцион на выкуп до 01 апреля 2002 года. Акции «Томскнефти» и «Ачинского НПЗ», связанные с соглашением о выкупе, продолжают рассматриваться как принадлежащие «Восточной нефтяной компании». Мы согласны с данным подходом». Напомню процитированный обвинением меморандум, подготовленный, как оно совершенно справедливо заметило, тут мы с ним абсолютно согласны, авторитетной юридической фирмой «White and Case», от 16 октября 2001 года, касающийся как раз анализа сделок мены. В нем указано: «Установленный договорами мены срок, в течение которого сохранялось одностороннее право «ВНК» на обратный выкуп акций «Томскнефти», продлевался по соглашению соответствующих сторон без какой-либо компенсации или иной выгоды для контрагентов «ВНК» за продление срока обременения и прав собственности на указанные акции. Такое обстоятельство может быть расценено как свидетельство того, что акции продолжали контролироваться ОАО «ВНК». Одновременно с утверждением о завладении акциями членами организованной группы, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого Алексаняна, указано прямо противоположное, что фактическим владельцем похищенных акций являлось ОАО «НК «ЮКОС», и действия, составляющие легализацию, были предназначены для того, чтобы скрыть этот факт. Именно это государственные обвинители доказывали в другом, Симоновском районном суде городе Москвы, в котором рассматривалось его дело, и при этом использовали тот же набор доказательств, что и по данному. Я, упреждая ссылки на то, что истинная картина открывалась следствию и прокурорам последовательно, чем объясняются эти принципиальные различия, обращаю внимание суда на следующие обстоятельства. Обвинение Алексаняну было предъявлено 14 июля 2006 года. Ваша честь, это спустя шесть с половиной лет с момента его возбуждения. То есть, шесть с половиной, после истечения периода шести с половиной летнего расследования. Именно в таком виде это обвинение было утверждено заместителем Генерального прокурора Гринем 22 января 2008 года, который, что особенно смешно, утвердил обвинительное заключение и по нашему делу. Именно в таком виде это обвинение было направлено в Симоновский районный суд города Москвы, и поддержано в этом суде государственным обвинением. Окончательное обвинение в хищении и легализации акций Ходорковскому и Лебедеву было предъявлено уже после этих событий, 29 июня 2008 года. Примечательно, что и первоначальное, Ваша честь, обвинение, предъявленное 05 февраля 2007 года нашим подзащитным, то есть за год до утверждения Гринем обвинительного заключения по делу Алексаняна, ничем не отличалось в этой части от окончательного. Еще одно обстоятельство. Оба дела рассматривались в одно и то же время, в разных судах, и в обоих прокуроры «ни на йоту» не отступили от предъявленных обвинений, доказывая взаимоисключающие

вещи. Интересно еще и то, что сторона обвинения сперва незаконно разделила, выделила уголовные дела, расследуемые в отношении Алексаняна, Ходорковского и Лебедева, затем, 15 января 2008 года отказала защите в их соединении, и, наконец, умышленно препятствовала, уже после того, как наше дело оказалось в суде, принятию судом решения об их соединении. Эти было на предварительном слушании. Таким образом, если верить прокурорам, добивавшимся на основании вот этого «обоснованного обвинения», о котором я сказал, о том, что фактическим владельцем акций в результате сделок мены стал ЮКОС», значит, чтобы Алексанян сгнил в тюрьме, получается, что утверждение о завладении Ходорковским и Лебедевым в результате присвоения акциями дочерних компаний «ВНК», обращении их в свою пользу и пользу других участников организованной группы – это вранье, акции оказались присвоенными компанией «ЮКОС». Утверждение о наличии в действиях Ходорковского и Лебедева легализации, придании правомерного вида своему владению, пользованию и распоряжению также ложь. Следовательно, их коллеги, я имею в виду коллег прокуроров, которые отстаивали в Симоновском районном суде вот это вот обвинение Алексаняна, прокуроры Лахтин, Шохин, Ибрагимова и Смирнов, поддерживающие сейчас в суде прямо противоречащее этим утверждениям обвинение, они умышленно обманывают Вас, Ваша честь. Одновременно, это особенно интересно, разоблачая себя, они в прениях, ну, и, собственно, и в обвинительном заключении сослались на целый ряд фактов. Я процитирую. «В совете директоров «ВНК» большинство составляли сотрудники аффилированных ОАО НК «ЮКОС» акционерных обществ, которые обеспечивали принятие решений в интересах ОАО «НК «ЮКОС». Ваша честь, это по нашему обвинению, где доказывается, что в результате сделок мены акции были обращены в пользу подзащитных. Далее, «ЮКОС» по повестке дня на собрании акционеров «Томскнефть» 15 января 1999 года голосовал пакетом, который был отчужден в собственность иностранных компаний «Chellita», «Sagiman», «Montekito». Далее, «согласно показаниям Христенко, все претензии по выводу активов предъявлялись компаниями «ЮКОС». Это все цитаты из выступлений прокуроров в прениях. «Мингосимущество письмом от 23 марта 2001 года», то есть, к слову, сразу после ликвидации угрозы отчуждения акций по иску рейдера, «сообщило, что им получено предложение ОАО «НК «ЮКОС» о возврате ОАО «ВНК» акций «Томскнефти» и других акционерных обществ». Они сослались на предложение РФФИ, процитировав его, что «в ближайшее время ожидается передача основных активов предприятия с баланса ОАО «НК «ЮКОС» на баланс ОАО «ВНК», Среди этих активов 38 % уставного капитала «Томскнефти», «Ачинского НПЗ», «Томскнефтепродукта», «Хакаснефтепродукта», ну, и так далее, по списку, который имеется в нашем обвинительном заключении. Здесь, Ваша честь, напомним, что после покупки ОАО НК «ЮКОС» контрольного пакета акций «ВНК» оно и так фактически опосредованно владело акциями его дочерних обществ, и обращать их в пользу этой компании, чтобы, опять-таки, опосредованно владеть, а потом еще и придавать вид правомерный ее владению, людям в здравом уме просто в голову не придет. Так что заведомо ложными являются оба обвинения – и то, которое прокуроры поддерживали в Симоновском суде, и то, которое они поддерживают в настоящем суде. Ну, а кем является зам Генерального прокурора Гринь, который утвердил оба обвинительных заключения, и специально направил их в два разных суда, я думаю, без подсказок понятно. Еще пример, свидетельствующий о ложности изобретенного преступления. Прокуроры и следствие утверждают, что Алексанян входил в единую с Ходорковским организованную группу, которая якобы похитила акции, и более того, совместно с Гололобовым разработала план этого хищения. Значит, при этом в постановлении Алексаняна отсутствует обвинение в замене части акций «ЮКОСа» на якобы неликвидные, как нас убеждало обвинение в этом процессе, акции ЗАО «Фрегат» и обременении другой части акций «ЮКОСа» залогом, что по версии прокуроров,

которую они отстаивают с данным суде, являлось завершающей частью безвозмездного завладения нашими подзащитными акциями. Значит, несмотря на это, в обвинении Алексаняна, равно как и в обвинениях, предъявленных другим псевдосоучастникам, Гололобову и Бурганову, также не содержащих подобных утверждений, сторона обвинения умудрилась придти к такому же выводу, что и в деле Ходорковского и Лебедева – что акции дочерних компаний «ВНК» были безвозмездно изъяты, и этой компании был причинен крупный ущерб на ровно ту же сумму, что и у нас. Значит, ни обременения залогом, ни замены акций «ЮКОСа» на акции ЗАО «Фрегат» у них нет, тоже безвозмездно, и тоже ущерб на сумму 3 миллиарда 621 миллион, ну, и так далее. Таким образом, вменяемые Ходорковскому и Лебедеву сделки по обмену акций «ЮКОС» на акции ЗАО «Фрегат» и установлению залога на акции «ЮКОС» в упомянутых делах, я имею в виду, в делах Алексаняна, Гололобова и Бурганова следствие и Генеральная прокуратура, во-первых, не считают преступными, а, во-вторых, считают не имеющими никакого отношения к безвозмездному завладению принадлежащими ОАО «ВНК» акциями «Томскнефти» и других компаний. Следовательно, в данном деле прокуроры квалифицировали как преступные действия, которые для них заведомо таковыми не являются, а утверждения об окончательном хищении акций, совершенном Алексаняном и, как результат, об их легализации, заведомая ложь. Итак, подводя итог аргументам по первому основанию, свидетельствующим о том, что предъявленное нам обвинение является ложным, скажу, что акции не были приобретены ни Ходорковским, ни Лебедевым, ни членами организованной группы, ни преступным, ни каким-либо другим путем. Второе основание. Вмененный способ легализации в принципе не позволяет изменить гражданские права и обязанности и придать правомерный вид чему-либо. Как уже говорилось выше, фактические действия, которые прокуроры считают легализацией, состояли, помимо разработки плана защиты акций, в оформлении – подчеркиваю, Ваша честь – в оформлении соглашений об их покупке. Из этого делается вывод, цитирую, что «в результате были изменены связанные с ними гражданские права и обязанности, то есть, придан правомерный вид владению, пользованию и распоряжению акциями, полученными незаконным путем». При этом, что интересно, из предъявленного после семилетнего периода попыток сформулировать хоть какое-нибудь внятное обвинение обвинения видно, что действия по подготовке и подписанию передаточных распоряжений и передаче их регистратору, и по внесению приходной записи по лицевым счетам приобретателей в реестр владельцев акций дочерних компаний «ВНК» не вменены вообще никому. Здесь же замечу, что отсутствием подобных утверждений обвинение в легализации отличается от такого же заведомо ложного и безграмотного обвинения в хищении акций, в котором хотя бы упоминается о подписании передаточных распоряжений, правда, опять-таки, без вменения кому-либо вручения таких распоряжений регистратору и внесения приходных записей по лицевым счетам приобретателей в реестр владельцев акций. Как я уже говорил, право на именную ценную бумагу бездокументарную переходит в приобретателю в случае учета прав в системе ведения реестра – а это именно наш случай, Ваша честь – с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя. Существует Положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, в соответствии с которым регистратор вносит в реестр запись о переходе прав собственности на бумаги при предоставлении передаточного распоряжения, в котором должно содержаться соответствующее указание ему, ну, и иные документы, которые предусмотрены этим положением. Очевидно, что в результате одних лишь действий по оформлению соглашений невозможно ни зарегистрировать изменения в реестре, ни оформить передачу акций. В этой связи напомним другие показания Ходорковского, касающиеся мнимого хищения ценных бумаг: «Передаточное распоряжение не есть изъятие акций, это в самом крайнем случае подготовка к изъятию. Причастность кого-либо вообще к изъятию

вещи. Интересно еще и то, что сторона обвинения сперва незаконно разделила, выделила уголовные дела, расследуемые в отношении Алексаняна, Ходорковского и Лебедева, затем, 15 января 2008 года отказала защите в их соединении, и, наконец, умышленно препятствовала, уже после того, как наше дело оказалось в суде, принятию судом решения об их соединении. Эти были на предварительном слушании. Таким образом, если верить прокурорам, добивавшимся на основании вот этого «обоснованного обвинения», о котором я сказал, о том, что фактическим владельцем акций в результате сделок мены стал ЮКОС», значит, чтобы Алексанян сгнил в тюрьме, получается, что утверждение о завладении Ходорковским и Лебедевым в результате присвоения акциями дочерних компаний «ВНК», обращении их в свою пользу и пользу других участников организованной группы – это вранье, акции оказались присвоенными компанией «ЮКОС». Утверждение о наличии в действиях Ходорковского и Лебедева легализации, придании правомерного вида своему владению, пользованию и распоряжению также ложь. Следовательно, их коллеги, я имею в виду коллег прокуроров, которые отстаивали в Симоновском районном суде вот это вот обвинение Алексаняна, прокуроры Лахтин, Шохин, Ибрагимов и Смирнов, поддерживающие сейчас в суде прямо противоречащее этим утверждениям обвинение, они умышленно обманывают Вас, Ваша честь. Одновременно, это особенно интересно, разоблачая себя, они в прениях, ну, и, собственно, и в обвинительном заключении сослались на целый ряд фактов. Я процитирую. «В совете директоров «ВНК» большинство составляли сотрудники аффилированных ОАО НК «ЮКОС» акционерных обществ, которые обеспечивали принятие решений в интересах ОАО «НК «ЮКОС». Ваша честь, это по нашему обвинению, где доказывается, что в результате сделок мены акции были обращены в пользу подзащитных. Далее, «ЮКОС» по повестке дня на собрании акционеров «Томскнефть» 15 января 1999 года голосовал пакетом, который был отчужден в собственность иностранных компаний «Chellita», «Sagiman», «Montekito». Далее, «согласно показаниям Христенко, все претензии по выводу активов предъявлялись компаниями «ЮКОС». Это все цитаты из выступлений прокуроров в прениях. «Мингосимущество письмом от 23 марта 2001 года», то есть, к слову, сразу после ликвидации угрозы отчуждения акций по иску рейдера, «сообщило, что им получено предложение ОАО «НК «ЮКОС» о возврате ОАО «ВНК» акций «Томскнефти» и других акционерных обществ». Они сослались на предложение РФФИ, процитировав его, что «в ближайшее время ожидается передача основных активов предприятия с баланса ОАО «НК «ЮКОС» на баланс ОАО «ВНК», Среди этих активов 38 % уставного капитала «Томскнефти», «Ачинского НПЗ», «Томскнефтепродукта», «Хакаснефтепродукта», ну, и так далее, по списку, который имеется в нашем обвинительном заключении. Здесь, Ваша честь, напомним, что после покупки ОАО НК «ЮКОС» контрольного пакета акций «ВНК» оно и так фактически опосредованно владело акциями его дочерних обществ, и обращать их в пользу этой компании, чтобы, опять-таки, опосредованно владеть, а потом еще и придавать вид правомерный ее владению, людям в здравом уме просто в голову не придет. Так что заведомо ложными являются оба обвинения – и то, которое прокуроры поддерживали в Симоновском суде, и то, которое они поддерживают в настоящем суде. Ну, а кем является зам Генерального прокурора Гринь, который утвердил оба обвинительных заключения, и специально направил их в два разных суда, я думаю, без подсказок понятно. Еще пример, свидетельствующий о ложности изобретенного преступления. Прокуроры и следствие утверждают, что Алексанян входил в единую с Ходорковским организованную группу, которая якобы похитила акции, и более того, совместно с Гололобовым разработала план этого хищения. Значит, при этом в постановлении Алексаняна отсутствует обвинение в замене части акций «ЮКОСа» на якобы неликвидные, как нас убеждало обвинение в этом процессе, акции ЗАО «Фрегат» и обременении другой части акций «ЮКОСа» залогом, что по версии прокуроров,

акций, как и сам процесс их изъятия путем совершения записи в реестр – теоретически единственно возможный способ хищения акций, если бы такое хищение вообще было возможно, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении не описаны. Следовательно, данное действие, составляющее квинтэссенцию состава, мне не вменяется, а его исследование выходит за пределы предъявленного обвинения. Значит, о причинах, по которым в рамках придуманной легализации оказались не вмененными действия, влекущие переход прав собственности на акции, можно гадать сколько угодно. Скорее всего, эта причина в осознании государственным обвинением полного идиотизма – прошу прощения, Ваша честь, по-другому не скажешь – уголовно-правового упрека в умышленном сокрытии источника происхождения псевдопохищенных акций путем его отражения в публично доступном реестре держателей акций. Именно поэтому предъявление обвинения в легализации в таком кастрированном виде. Какими бы ни были эти причины – невежество, халатность, злой, но дурной умысел, или наличие неких оппонентов в Генеральной прокуратуре и Следственном комитете, тайно сочувствующих подзащитным нашим – из приведенных выше положений законодательства о ценных бумагах с неизбежностью следует следующее. Во-первых, отсутствие обвинения в подаче передаточных распоряжений регистратору и внесении в реестр владельцев акций приходной записи о приобретении акций дочерних компаний «ВНК» по лицевому счету компаний «Sagiman», «Montekito» и «Chellita» не позволяет вообще говорить о хищении, обращении акций в чью-либо пользу. Кстати, в прениях прозвучала от прокурора Лахтина такая цитата, что «Ходорковский, Лебедев и другие члены организованной группы обеспечили присвоение акций путем регистрации перехода прав подконтрольным им ЗАО «М-Реестр». Вот эта неуклюжая попытка расширить обвинение выглядит смешно – у нас под конец процесса появился новый обвиняемый, который, собственно, и выполнил объективную сторону состава, ЗАО «М-Реестр», и ко всему прочему, еще является и выходом за пределы предъявленного обвинения. Второй вывод, который вытекает из тех обстоятельств, которые я изложил. При не начатом так называемом хищении акций, поскольку подписание документов в отсутствие вменения их подачи регистратору даже на покушение не тянет, заведомо незаконной является попытка прилепить к ним легализацию. И третий вывод. В любом случае, путем совершения одного лишь инкриминированного оформления соглашения о покупке ценных бумаг, опять-таки, без вменения подписания и подачи регистратору передаточных распоряжений и внесения изменений в реестр, невозможно изменить гражданские права и обязанности и придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению бездокументарными ценными бумагами. Вот такая вот беда. Еще одна глупость – это утверждение, что сделки по купле-продаже акций, заключенные между иностранными компаниями (в терминологии обвинения – холдингами 1, 2 и 3 групп) являлись фиктивными. Я так понимаю, что обвинение считало, что чем чаще используешь слово «фиктивный», тем солиднее и убедительнее выглядит постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Ну, просто по-другому объяснить это не могу. Но чрезмерное усердие в этом вопросе сыграло с ними злую шутку. Результат оказался прямо противоположный. Значит, в постановлении Пленума Верховного Суда «О судебной практике о незаконном предпринимательстве и легализации» указано: «Под финансовыми операциями и другими сделками, указанными в статьях 174 и 174.1 УК РФ, следует понимать действия с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом, направленными на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей». Это пункт 19, Ваша честь. Таким образом, в указанных статьях термин «сделка» понимается ровно так, как и в Гражданском кодексе РФ, в статье 153. Очевидно, что – дальше буду использовать термины, которые использует обвинение – фиктивные документы о якобы совершении фиктивных сделок по отчуждению акций,

оформленные для создания видимости отчуждения акций и – вот это особенно хорошо – не преследовавшие цели реального исполнения обязательств по переходу прав собственности, они в принципе не могут, вопреки утверждениям обвинения, изменить гражданские права и обязанности, и таким образом придать правомерный вид чему-либо. Третье основание, свидетельствующее о ложности предъявленного обвинения. Утверждение об использовании подсудимыми денежных средств и акций для осуществления предпринимательской – о чем речь шла в изначальном обвинении – и иной экономической деятельности, на чем по-прежнему, что особенно мне понравилось, несмотря на изменения в УК РФ, настаивают прокуроры, это заведомая ложь. Здесь буквально скажу два слова. Этот способ, причем, подчеркиваю, в полном объеме законодатель декриминализировал, но сам факт его вменения очень показателен. Это в чистом виде вранье, и интереснее всего в этом вранье, что это вранье от первого до последнего слова. Обвинение не указывает, ни в чем состояло инкриминируемое использование денежных средств и акций, ни где, когда и при каких обстоятельствах совершалось, ни откуда вообще в рамках выдуманного хищения акций вдруг взялись еще и похищенные деньги. Чего уж говорить об отсутствии каких-либо доказательств? Вменяя на протяжении всего предварительного следствия и суда данный способ, оно даже не попыталось его доказать. Значит, что касается способа, Ваша честь, итог такой. Из двух, которыми якобы была совершена выдуманная легализация, один просто идиотский, а другой в полном объеме декриминализирован в соответствии с новыми изменениями в уголовное законодательство. Четвертое, Ваша честь, основание – отсутствует обязательный признак легализации, цель сокрыть источник происхождения акций и придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению ими. Из дефиниции, приведенной в уголовном законе, а также в Страсбургской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, в которой, к слову сказать, участвует и Россия, следует, что легализация – это действие, направленное на маскировку преступных доходов, обман других лиц относительно источника происхождения криминальных капиталов, выдача «грязных» доходов за «чистые», придание им видимости легального, правомерного статуса, сокрытие подлинного факта, ставшего источником дохода, фабрикация нового и увязывание его с преступным доходом. Вот такое определение. Теперь о том, что имело место в действительности. Вынужден напомнить, к сожалению, то, что говорил в своем выступлении мой коллега, заранее прошу прощения за повтор. Реальная, а не выдуманная обвинением цель совершения сделок мены с акциями, как между «ВНК» и так называемыми холдингами первой группы, компаниями «Montekito», «Chellita» и «Sagiman», так и последующих сделок по передаче акций от данных компаний к другим, состояла в их защите от рейдерского захвата. Основные факты, не оспариваемые стороной обвинения, таковы. Факт, что действия фирмы «Birkenholz» по наложению ареста на принадлежащие «ВНК» акции «Томскнефть» производились в рамках реализации совместного с фирмой «East Petroleum» проекта по выведению «Томскнефти» из-под контроля Ходорковского. Одной из целей этого проекта являлась продажа арестованных акций одному из участников этого проекта. Способами выступали подача иска в суд, заявление требования об обеспечении вынесенного по нему решения и активные действия по обеспечению исполнения представлений судебного пристава-исполнителя. Факт, что, несмотря на то, что контрольный пакет акций «ВНК» принадлежал, как утверждает обвинение, принадлежал нашим подзащитным с 1997 года, они не пытались отчуждить акции дочерних компаний этого общества вплоть до 06 ноября 1998 года. Факт, что 05 ноября 1998 года, то есть непосредственно накануне совершения вменяемых сделок судебный пристав-исполнитель предпринял действия по наложению ареста именно на 17 миллионов 112 тысяч 200 штук акций «Томскнефти» в рамках исполнения решения суда, которое состоялось несколько раньше, 21 сентября 1998 года, в соответствии с которым с

«ВНК» надлежало взыскать 250 миллионов рублей. Еще один факт, что впоследствии вступившими в законную силу решениями судов действия судебного пристава и само решение от 21 сентября 1998 года были признаны незаконными. Факт, что сделки мены были заключены 06 ноября 1998 года, и содержали безусловное право обратного получения акций «ВНК», получения акций ОАО «ВНК» даже без возвращения тех акций ОАО «ЮКОС», которые были получены им взамен. Факт, что государство не оспорило в суде сделки мены, несмотря на информированность об их совершении и фактически имевшуюся у них возможность. Более того, факт заключается в том, что государство, понимая грозящую от обращения взыскания на акции опасность, оказывало «ЮКОСу» помояшь. Владимир Николаевич уже говорил о том, что в июле 1999 года заместитель Генпрокурора Кехлеров принес протест на вынесенные первоначально в пользу фирмы «Birkenholz» судебные акты с просьбой об их отмене – подчеркиваю – как незаконных. Факт, что государство в лице Мингосимущества согласовало в сентябре 1999 года условия соглашения между ним – и это, Ваша честь, вне зависимости от того, было подписано это соглашение или нет, факт остается, государство согласовало – соглашение между «ВНК» и иностранными компаниями и Мингосимуществом о том, что эти компании обязуются предпринять все предусмотренные соглашением меры по обратному выкупу акций в случае принятия, цитирую, «соответствующими судебными инстанциями решения об отказе или прекращении рассмотрения дела по иску «Birkenholz» к обществу о взыскании с него суммы, причитающейся «Birkenholz» в соответствии с договором купли-продажи ценных бумаг от 10 сентября 1997 года». Факт, что дело по спору между фирмой «Birkenholz» и «ВНК» длилось три года, рассматривалось самыми разными судебными инстанциями, и завершилось только 26 февраля 2001 года вынесением решения о полном отказе в удовлетворении заявленных этой фирмой требований. Факт, что в течение этого спора установленный в сделках мены срок, в течение которого сохранялось право, одностороннее, причем, право «ВНК» на обратный выкуп акций, продлевался без какой-либо компенсации или иной выгоды для иностранных компаний за вот это вот существующее обременение прав их собственности на акции. Ну, и, наконец, факт, что возврат акций ОАО «ВНК», временно выведенных, произошел вовсе не после возбуждения в январе 2000 года уголовного дела, как нам лжет обвинение, а только и сразу после того, как спор между «ВНК» и «Birkenholz» был окончательно разрешен в пользу первой. Решение совета директоров, как мы все помним, было 26 апреля 2001 года, и в августе 2001 года акции уже были возвращены. Значит, никакого иного объяснения этим фактам, с которыми, подчеркиваю, обвинение не спорит, кроме того, которое в своих показаниях, опять-таки, вынужден на них сослаться, дал Ходорковский, нету. Он пояснил: «Мы прямо говорили, что то, что мы делаем с акциями дочерних предприятий «ВНК» преследует цель не допустить незаконное изъятие этих акций из ведения ВИНК «ЮКОС» в пользу «Birkenholz», незаконность требований которой была подтверждена в 2001 году решением суда. Совершаемые нами юридические действия осложняли возможность такого незаконного изъятия». Удовлетворение недобросовестного и необоснованного иска этой компании, я имею в виду «Birkenholz», и обращение взыскания на акции «Томскнефти» в рамках исполнения вынесенного по нему незаконного решения, означало бы не их временный вывод, а окончательную для «ВНК» и его акционеров, включая государство, потерю, как это произошло буквально за два месяца до этих событий с акциями, с контрольным пакетом акций ОАО «Пурнефтегаз». Значение этой потери и размер возможного ущерба следствие само описало в предъявленном обвинении. Казалось бы, что оценка, которая дается, она может быть только жестче применительно к недобросовестному иску компании «Birkenholz», поскольку рейдеры, сфальсифицировав основания для обращения взыскания на акции, не собирались ничего предоставлять компании «ВНК» взамен, и акции вообще не планировали возвращать, если бы им удалось ими завладеть.

Однако вот Валерий Алексеевич нам сообщил, что (цитирую) «компания «Acirota Limited», «East Petroleum», «Birkenholz» разрабатывали планы действий, в том числе изложенные в документе (ну, имеется в виду многократно упоминаемый проект по выведению «Томскнефти» из-под контроля Ходорковского), направленные на восстановление нарушенных прав. В приведенных выше фактических обстоятельствах о действиях этих пострадавших компаний нет каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о неправомерных и необоснованных фактах, в чем можно было бы предъявить им претензии в порядке статьи 108 УПК РФ». Вот эта трогательная забота о нарушенных правах в переводе на человеческий язык означает буквально следующее – пусть лучше акции безвозмездно и безвозвратно отойдут названным иностранным компаниям – «Birkenholz», «East Petroleum», «Acirota» – участникам так называемого проекта, чем останутся у Ходорковского. В этом смысле прокурор Лахтин лучше понимает государственные интересы, чем заместитель генпрокурора Кехлеров, который добивался и добился отмены состоявшихся в пользу этих участников проекта решений судов. Более того, обвинение, уже зная и о проекте захвата контроля в ОАО «Томскнефть», и о незаконности действий захватчиков, установленных судебными актами, еще и признало компанию «Sandheights», в интересах которой «East Petroleum» владела акциями «ВНК», потерпевшим и гражданским истцом, заявив, что ей причинен ущерб на сумму 1 миллиард 71 миллион 572 тысячи рублей, причем, прикрываясь заботой о правах этого лжепотерпевшего, оно даже не постеснялось назвать ущербом при хищении неполученную этим рейдером упущенную выгоду – ну, это просто замечательно. Теперь от действительной цели, Ваша честь, я перейду к той лжи, которая названа обвинением. Для начала о плане легализации и его целях. Выяснилось, что таких планов, по мнению прокурора, ну, минимум три, и преследовали эти все планы совершенно разные цели. В данном деле обвинение настаивает, что по указанию Ходорковского – я дальше, Ваша честь, вынужден процитировать – «под руководством Невзлиной Александры и Гололобовым был разработан план совершения хищений акций, принадлежащих «ВНК», который предусматривал пути сокрытия похищенного имущества путем дальнейшей передачи этих ценных бумаг другим подконтрольным организованной группе компаниям, зарегистрированным в оффшорных зонах под видом мены, купли-продажи», ну, и так далее. Из этой цитаты следует, что план легализации был разработан до так называемого хищения, то есть до 06 ноября 1998 года. Одновременно, опять-таки, в нашем обвинении указывается, что помимо этого плана, по указанию Ходорковского теми же лицами, но в этом случае умудрившимися обойтись без руководства Невзлиной, 03 декабря 1998 года, то есть практически через месяц после так называемого хищения, зачем-то был разработан еще один план, легализации, который был направлен, цитирую, «на создание видимости дальнейшего отчуждения акций, принадлежащих «ВНК», и состоял в том, чтобы только последовательно оформлять документы о якобы совершении сделок по отчуждению акций, а не передавать их». Значит, в первом утверждении говорится о том, что передавать, а здесь о том, что только создавать видимость передачи. Еще одна версия плана мнимого преступления изложена в постановлении о привлечении Гололобова, тоже соучастника как хищения, так и легализации. В нем указано, что он единолично, без Александры, Ваша честь, и без чьего-либо руководства разработал план хищения, тут уже производственных фондов «Томскнефти» и акций нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий с передачей их подконтрольной группе компаний, и план легализации похищенных акций, и непосредственно руководил действиями ее участников во время совершения преступления. А затем, 03 декабря 1998 года, опять-таки, разработал, тоже в одиночку, план легализации похищенных акций, после чего организовал – Ваша честь, именно он, а не Ходорковский с Лебедевым – через подконтрольных лиц совершение финансовых операций с похищенными акциями. Кстати, опять-таки, чтобы у обвинения не возникло соблазна и

это разнообразие объяснять последовательным установлением обстоятельств, я вынужден напомнить постановление, которое было вынесено Каримовым, о привлечении Невзлина в качестве обвиняемого, еще 21 января 2004 года, значит, за два года до вынесения постановления в отношении Гололобова, которое я цитирую. В нем указывается, что Ходорковский входил в организованную группу, которая с корыстной целью обогащения завладела акциями «Томскнефть» и «Ачинский НПЗ», а также руководил ею. Иными словами, руководящую роль Ходорковского следствие выдумало, как минимум, еще в начале 2004 года, ну, а дальше по своему усмотрению оно то вставляло ее в процессуальные документы, то исключало. Ну, и, наконец, Симоновскому районному суду города Москвы достался план, разработанный уже не одним Гололобовым, и не Александяном совместно с Гололобовым, а еще и другими участниками орггруппы в начале декабря 1998 года, правда, в этом случае без указаний Ходорковского и руководства Невзлина. Этот план легализации, оказывается, имел целью, цитирую, «передачу указанных акций в незаконную собственность ОАО НК «ЮКОС». Ваша честь, в скобках замечу, что с учетом этого хищения, в результате которого фактическим собственником, фактическим владельцем стал «ЮКОС», о чем шла речь выше, оно, видимо, не удалось, завершено не было. Таким образом, разработчики плана легализации придумали свой собственный, неведомый руководству организованной группы план, этот план почему-то вместо того, чтобы преследовать цель придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению якобы присвоенными акциями членами организованной группы, был направлен на их передачу третьему лицу, компании «ЮКОС», которая, опять-таки, повторяюсь, и так опосредованно владела этими акциями. А поскольку и подсудимые, и Александяны обвиняются в совершении оконченного преступления, получается, что и руководство организованной группы, и ее члены умудрились выполнить одними и теми же действиями каждый свой собственный план. И все это на фоне рассуждений о постоянных связях между участниками организованной группы и – что особенно пикантно – общности цели. Я уж не говорю о том, что единственный имеющийся в деле одобренный Ходорковским, причем, уже, как говорилось, после совершения сделок мены план, он был одобрен 30 ноября 1998 года, я имею в виду сообщение по электронной почте, план защиты, он был разработан возглавляемой Голубовичем, дирекцией стратегического планирования, и вменяемых сделок, которые следствие расценивает как легализацию, вообще не предусматривал. План же защиты акций, который прокуроры именуют планом легализации, предусматривал сделки по отчуждению холдингами-нерезидентами полученных акций только два раза, Ваша честь. Так что вмененный обвинением третий этап легализации – это такой сверхплановый этап. Обвинение в этом деле, Ваша честь, складывая как мозаику, в зависимости от того, какие задачи перед ним стояли, обстоятельства, связанные с защитой акций ОАО «ВНК», сконструировало из них противоречащие друг другу заведомо ложные обвинения псевдосоучастникам одной-единственной якобы существовавшей организованной группы. Значит, кому что досталось? Перечислю. Бахминой было предъявлено только хищение основных фондов, Бурганову – фондов и акций дочерних компаний «ВНК», Ходорковскому и Лебедеву – только акций дочерних компаний ОАО «ВНК», потому что они руководители организованной группы, но зато к ним, правда, была добавлена легализация. А вот Александяну и Гололобову, им не повезло, им досталось и хищение основных фондов, и хищение акций, и легализация акций. Далее, Ваша честь. Как было рассмотрено выше, при легализации должно происходить сокрытие факта преступного происхождения акций. Иными словами, имущество, приобретенное преступным путем, после завершения этой операции получает в глазах государства и общества форму и вид, полностью или в значительной мере скрывающие его происхождение. Значит, происходило это, как нас уверяет обвинение, следующим образом. Тут следите за полетом мысли. Значит, сперва

подсудимые в преступном плане предусмотрели, что, цитирую, «сделки по отчуждению акций холдингам групп 2 и 3 должны подчиняться правилам совершения сделок с ценными бумагами, включая вопросы согласования с Государственным антимонопольным комитетом и уведомлений ФКЦБ и иное». Значит, первое важное открытие, сделанное обвинением, что для сокрытия факта необходимо уведомить о нем государственные органы. Потом официально разослали этот план лицам, не причастным, опять-таки, как убеждено обвинение, к преступлению, ну, вот, в частности, зампреда правления Голубовичу. Однако для полного сокрытия это показалось похитителям и легализаторам недостаточным. Часть 2 статьи 149 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что операции с ценными бумагами могут совершаться только при их обращении к лицу, которое официально совершает записи прав. Передача, предоставление и ограничение прав должны официально фиксироваться этим лицом. Значит, таким лицом является регистратор, это профессиональный участник рынка ценных бумаг, который осуществляет деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг. А документом, в котором отражаются указанные сведения, в соответствии со статьей 8 закона «О рынке ценных бумаг», является реестр владельцев ценных бумаг. При этом указанный реестр является частью некоего большего, системы ведения реестра, которая обеспечивает сбор и хранение информации о всех фактах и документах, влекущих необходимость внесения в нее изменений и о всех действиях держателя реестра по внесению этих изменений. Специализированным регистратором для эмитентов, с акциями которых совершались инкриминируемые сделки, являлось ЗАО «М-Реестр», подконтрольное, как убеждено обвинение, членам организованной группы. Значит, продолжая сокрытие, этот подконтрольный регистратор точно и полностью выполнил перечисленные требования закона. Как уже указывалось, из полученных у него следствием реестров владельцев акций, регистрационных журналов, передаточных распоряжений видна вся цепочка совершенных сделок с акциями, их владельцы, а также последовательно отражена следующая информация: о зарегистрированных в реестре лицах, владельцах акций; о контрагентах, которым акции передавались; о передаваемых ценных бумагах – эмитент, государственный регистрационный номер, количество, категория, номинал; основания для внесения записи в реестр – ну, в частности, договоры мены или купли-продажи; цена сделки; наличие обременения, арестов; и дата передачи и внесения записи в реестр. В том числе, в названных мною документах имеются сведения по всем указанным в обвинении иностранным компаниям, совершавшим сделки с акциями, с самими ценными бумагами и инкриминируемых сделках, все есть в этих документах. Никаких претензий к деятельности регистратора по отражению сделок с акциями дочерних компаний «ВНК» у обвинения нет. Никто из работников этой организации не рассматривался когда-либо и не рассматривается до сих пор – ну, реплику в прениях, о которой я говорил, прокурора Лахтина я во внимание не принимаю – в качестве члена так называемой преступной группы. Никому из них, по версии обвинения, не давалось каких-либо преступных указаний, в частности, по сокрытию или искажению информации о совершаемых с акциями дочерних компаний «ВНК» сделках и владельцах этих ценных бумаг. Никого из них не склоняли к невыполнению предусмотренных законодательством обязанностей или фальсификации реестров путем уговора. С учетом этого, просто глупо звучит утверждение о том, что акции передавались от одной иностранной компании к другой в несколько этапов, чтобы запутать сведения о прошлых собственниках, что подтверждается соглашениями о покупке акций и передаточными распоряжениями. Это 14 октября, к сожалению, не могу сказать, какой из уважаемых государственных обвинителей, сообщил. Более того, напомним, что обвинение вообще не считает, что действия по внесению в реестр записей о совершенных операциях образуют объективную сторону легализации. Не содержит обвинение упреков и о том, что сделки, вопреки упомянутому выше плану, не

были согласованы с Государственным антимонопольным комитетом и ФКЦБ. Это было сделано, информация ФКЦБ имела и, более того, ее можно увидеть на серверах раскрытия информации. Таким образом, этот пункт указанного плана по сокрытию «факта происхождения акций у иностранных компаний подчинения правилам совершения сделок с ценными бумагами» был успешно нашими подзащитными реализован. И здесь же сразу зафиксирую второе важное открытие сделанное обвинением, оно достойно того, чтобы попасть в методические пособия по легализации. Помимо уведомления государственных органов, надо отразить в публично доступных официальных документах реестра всю цепочку сделок с легализуемым, и обязательно привести в них подробные сведения обо всех владельцах, Ваша честь, без этого никак. И важно также сохранить все перечисленные первичные документы по совершенным сделкам, чтобы облегчить потом правоохранительным органам постижение истинной картины сокрытия источника происхождения акций. Следующим шагом по так называемому сокрытию подсудимыми сделок с акциями было обсуждение в разгар легализации – это в августе-сентябре 1999 года – с государственными органами уже упоминавшегося проекта соглашения «ВНК» с иностранными компаниями, в пользу которых были отчуждены акции «Томскнефти» на предмет обеспечения обратного выкупа. Пребывая в неведении, первый замминистра Мингосимущества Греф направил президенту ОАО НК «ЮКОС» Ходорковскому данный проект, доработанный с учетом, как я уже говорил, интересов Российской Федерации, в котором указаны договоры, по которым были временно переданы акции, и поименованы все иностранные компании, получившие в результате сделок мены акции. В этой связи очень убедительно прозвучало в выступлении государственных обвинителей ссылка на показания самого Грефа. Цитирую: «То, что акции подконтрольны каким-то структурам Ходорковского, это было очевидно, и Ходорковский этого не скрывал». Ну, и, наконец, чтобы окончательно скрыть совершенные сделки мены и якобы похищенные акции, подсудимые отразили этот факт в консолидированной отчетности ОАО НК «ЮКОС». Вот, Ваша честь, со всеми перечисленными мною фактами обвинение не спорит, более того, оно само их доказывает, как показал Ходорковский, не понимая смысла термина «отмывание» применительно к пакету именных акций, которые были обменены по обратимой сделке внутри консолидированной группы компаний, то есть принадлежащих одной группе, эти акции изначально и не планировались к продаже за пределы консолидированной группы компаний, отражались в реестрах акционеров всех задействованных компаний и в публично доступной отчетности. Не понимаю, как при таких обстоятельствах владению, пользованию и распоряжению этими акциями можно было придать еще более правомерный вид, а эта цель обязательна для преступной легализации, причем точно в соответствии со смыслом договора акции вернулись в 2001 год первоначальному собственнику. После чего акции «ВНК» собственник, государство продало, указав в публичном проспекте о наличии акций дочерних компаний, которые сейчас называют похищенными и отмытыми, но не оспаривая их законность, наличие у «ВНК» в 2001 году, а у «ЮКОСа» после ликвидации «ВНК» в 2003 году. Значит, итак, что получается? О сделках сообщили государственным органам, отразили их в публичном реестре, «ЮКОС» обсуждал с заинтересованными государственными органами, когда и как акции будут возвращены и, таким образом, сокрыли факт приобретения этих акций. Хочется спросить – уважаемые прокуроры, вы это серьезно? Суду надо или сделать все эти изобретения обвинения легальными, открыв им дорогу в большой мир российского правоприменения, ну, или согласиться со свидетелем Герашенко, которое он, правда, высказал в отношении нефти, но это равно справедливо и в отношении обвинения в хищении акций и легализации, что все это не что иное, как чушь собачья. Значит, с сокрытием разобрались, теперь о придании правомерного вида. Ходорковский и Лебедев обвиняются в совершении окончательного преступления,

которое включало три этапа, на каждом из которых заключались сделки по купле-продаже акций от одних иностранных компаний к другим. Значит, следствие и прокуратура не потрудились указать, ни каким волшебным образом в результате цепочки фиктивных сделок вдруг произошло придание правомерного вида, ни в чем это придание заключалось, ни чем владение, пользование и распоряжение через холдинги первой группы компаний «Sagiman», «Montekito» и «Chellita» правомернее того же самого набора полномочий, осуществляемого через холдинги второй, третьей группы или через так называемых конечных держателей, компании «Ideal Corporation», «Ensign Corporation» и «Foster Trading Limited», которые, как и первые, по уверениям обвинения, фиктивные и подконтрольные членам организованной группы. Вот на самом деле, ответ очень простой. Ничем. И сделки, как уже было сказано, совершались совершенно с другой целью – защититься от обращения взыскания на акции со стороны рейдера. Но поскольку у нас государственное обвинение не ищет легких путей в науках, ну, тогда надо придумать какой-нибудь ответ на этот очевидный вопрос. Значит, все, что следствие смогло изобрести, я процитирую. Это указать, что «в результате спланированных и совершенных участниками организованной группы финансовых операций и фиктивных сделок с приобретенными ценными бумагами были изменены связанные с ними гражданские права и обязанности, то есть был придан правомерный вид владению, пользованию и распоряжению». Ваша честь, любая сделка, кроме фиктивной, о чем я уже говорил, влечет установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Этот объективный результат сам по себе не означает, что целью ее совершения являлось придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению акциями. Иными словами, искусственно сконструировав преступление, обвинение максимально упростило себе задачу. Вместо того, чтобы доказывать заведомо недоказуемое – наличие у Ходорковского и Лебедева цели придать правомерный вид владению, оно стало доказывать исключительно факт совершения иностранными компаниями перечисленных в обвинении сделок. Ну, кстати, этот факт защитой не оспаривается, широко известен, и его доказывание на протяжении всего предварительного следствия и суда – это просто минимум напрасная трата денег налогоплательщиков. Еще менее понятно с позиции разумного человека, почему так называемую легализацию, заключающуюся в цепочке сделок по отчуждению акций, обвинение отразило на компаниях «Ideal Corporation», «Ensign» и «Foster Trading», а не в тот момент, когда были совершены последние из – подчеркиваю, Ваша честь – изначально запланированных, то есть охватываемых умыслом подсудимых сделок, в результате которых якобы похищенные акции и вернулись в не менее подконтрольную подзащитным компанию, я имею в виду ОАО «ВНК». Тем более что с фактом возврата спора нету, это признает и государственное обвинение. Значит, ради смеха напомним суду, что согласно обвинению, предъявленному Александяну, выдуманная легализация, вопреки нашему обвинению, не была завершена после получения акций компаниями «Ideal», «Ensign» и «Foster», а закончилась только после передачи ценных бумаг номинальным держателям – «Русские инвесторы», а от них ОАО «ДИБ» и ООО «Дойче Банк». Значит, иными словами, руководители организованной группы уже придали акциям правомерный вид, а не уведомленные об этом ее члены продолжали свое черное дело. Однако это еще не все изобретения обвинения. Оказывается, права и обязанности были изменены, а пакеты акций консолидированы у конечных держателей, которыми являлись иностранные компании, правомерный вид владению, пользованию и распоряжению придан «в результате реализации, – цитирую, – Ходорковским и другими членами организованной группы плана по последовательному созданию видимости отчуждения акций». Каким образом создание видимости отчуждения может привести к реальному получению акций, вот я понять не могу. Не знаю, Ваша честь, может, Вы сможете. В подтверждение осознания Ходорковским незаконности сделок с акциями, внесенными

государством в уставной капитал «ВНК» и наличии у него умысла при совершении мнимых преступлений обвинение сослалось – ну, вот тут процитирую – на распечатку телефонных переговоров между начальником и заместителем начальника правового управления Гололобова и Бахминой от 30 октября 2004 года (о ней в начале сегодняшнего дня говорил Михаил Борисович), из которой якобы следует, что (опять-таки, цитирую), что Гололобов предупреждал Ходорковского о незаконном обмене акций «Томскнефти»: «Говорил Ходорковскому, что это незаконно, а он сказал делать, «все нормально, не бойся». Значит, что, Ваша честь, написано на самом деле в этой распечатке? Цитирую: «Гололобов: «Что Сечин говорил Каримову? Понимаешь, почему он такой умный? Он понимает, что если я выйду на процессе как главный и скажу: «Да, я говорил Ходорковскому, что это незаконно, а он сказал делать», то после этого ни один суд, ни Европейский, никто Ходорковского не спасет. Правильно?» Бахмина: «Абсолютно». Гололобов: «Эти показания не сбить ничем, не надо больше никого брать, поэтому Сечин-то до нас и докопался». Значит, таким образом, Гололобов высказывает предположение, что было бы, если бы он сказал в суде то, что так хочется от него услышать Каримову и Сеченову, и ради чего, собственно, была объявлена охота на сотрудников компании «ЮКОС», показания на Ходорковского, значит, а честное обвинение легким движением руки, умышленно искажая содержание этого доказательства, из этого предположения делает утверждение. Ваша Честь, ну, это просто интеллектуальный подлог. Наконец, Ваша честь, пятое, последнее основание того, что предъявленное обвинение является ложным. Так называемой легализацией занимались, по признанию самого обвинения, исключительно лица, не входившие в организованную группу. Значит, о вранье в вопросе о том, кто, по чьему указанию и под чьим руководством составлял план псевдолегализации, сколько этих планов было, и какие цели они преследовали, я уже говорил, значит. Но с исполнением дело обстоят совершенно не лучше. Как указывает государственное обвинение, согласно плану, подписывать соглашения об отчуждении акций от одних иностранных компаний к другим должны были работники подконтрольных членам организованной группы структур. Значит, самих этих работников этих структур оно членами организованной группы не считает, обвинение им не предъявило, по делу они допрашивались в качестве свидетелей. Более того, по ряду инкриминированных соглашений вообще не указано, кто конкретно их подписывал. Ну, и по всем сделкам, которые обвинение считает легализацией, не указано, ни где, ни когда это переоформление происходило. Также отсутствует обвинение в том, что кем-либо из членов мнимой организованной группы давались какие-либо указания лицам, подписавшим соглашения, или что кто-либо из членов этой мнимой организованной группы склонял, используя служебное положение, этих частично указанных, а большей частью вообще не указанных лиц к подписанию соглашений. Или, например, что члены группы совершали описанные действия сами. Таким образом, обвинение согласно, что ничего из перечисленного не было. При этом, как я уже говорил, подписание передаточных распоряжений, подача регистратору и внесение изменений в реестр никому вообще не вменено. Значит, в соответствии с частью пятой статьи 35 УК РФ, лицо, которое создало организованную группу или руководившее ей, подлежит уголовной ответственности за преступления, совершенные ее членами и охватываемые его умыслом. Это значит, что действия, совершенные иными лицами, не членами организованной группы, не могут быть вменены руководителю этой группы, и он не может нести за них уголовную ответственность. Значит, есть только одно исключение – в случае, когда лицо совершает преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, вменяемости, других обстоятельств, которые исчерпывающе перечислены в Уголовном кодексе РФ. Значит, в этом случае такое лицо признается исполнителем преступления. Однако согласно предъявленному нашим подзащитным обвинению, действия их не квалифицированы как действия

исполнителей при посредственном исполнении. При посредственном причинении. Наоборот, прокуроры нам последовательно доказывают, что они только руководили и организовывали выдуманные преступления. Значит, печальный для государственного обвинения итог десятилетней работы выглядит в связи с этим следующим образом. В предъявленном обвинении полностью отсутствует описание действий, совершенных лично Ходорковским и Лебедевым, о чем, в частности, Ходорковский подробно указывал в своих показаниях. Вместо этого приводятся только выдуманные следствием и ничем не подтвержденные оценки: «указал», «обеспечил», «организовал», ну, и так далее. Далее. План того, что обвинение именуется легализацией, разработали не подсудимые, а лица, чья причастность к мнимому преступлению и виновность не установлена вступившим в законную силу приговором суда и уже не может быть установлена в настоящем процессе. Причем в отношении Алексаняна обвинение умышленно противилось такому установлению, когда отказывало защите в соединении дел. Далее. Самой так называемой легализацией – в понимании прокуроров, оформление соглашений между иностранными компаниями – занимались лица, которых обвинение не считает преступниками, членами организованной группы, и ответственность за их действия в принципе не может быть возложена на Ходорковского и Лебедева. Значит, действия, влекущие переход прав собственности на акции и собственно изменяющие права и обязанности, не вменены никому и преступными не объявлены. Ну, и, наконец, указанными в обвинении способами в принципе невозможно изменить ни права, ни обязанности, ни сокрыть факт происхождения акций, ни придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению. Ваша честь, это пять оснований, по которым это обвинение является ложным. Теперь о последствиях этой легализации, и не только. Значит, подтверждено доказательствами и не оспаривается обвинением, что государство, во-первых, знало о совершении сделок, как минимум, с начала 1999 года, инициировало процесс их проверки представителями различных органов, и владело всей полученной в ходе проведения этой проверки информацией. Второе. Обсуждало в 1999 году проект соглашения с «ВНК» с иностранными компаниями, в пользу которых были отчуждены акции «Томскнефти», собираясь его подписать, тем самым рассматривая их в качестве законного собственника, Ваша честь. Более того, в пункте 3.2 проекта соглашения, который цитировал мой уважаемый коллега, указано: «Ни заключение настоящего соглашения, ни реализация его целей, ни его исполнение не нарушают законодательство Российской Федерации, не вступают с ним в противоречие, равно как и не наносят какого-либо ущерба любым правам и обязанностям сторон, равно как и правам и обязанностям любых третьих лиц». Четвертое. Перед продажей акций ОАО «ВНК» на аукционе в 2002 году государство провело специальное исследование о законности сделок по отчуждению и обременению имущества «Томскнефти» и акций «Томскнефти», принадлежащих «ВНК», для чего привлекло юридическую компанию «Coudert Brothers». Пятое. Убедившись в выполнении изначально предусмотренного в сделках мены условия об обратном выкупе и полагая, что «ВНК» является законным собственником возвращенных по этим сделкам акций, оно продало в 2002 году (оно, в смысле, государство) 36 % пакет акций «ВНК» с входящими в него акциями «Томскнефть», «Ачинский НПЗ» и других компаний на аукционе ОАО «НК «ЮКОС», получив за него 225 миллионов 400 тысяч долларов. Шестое. Полагая ОАО «НК «ЮКОС» законным собственником этих акций после присоединения к нему в 2003 году ОАО «ВНК», государство организовало в 2007 году продажу в ходе его банкротства данных акций на аукционе ОАО «Роснефть» в лице ООО «Нефть-Актив», получив в результате только за стопроцентный пакет акций «Томскнефти» 2 миллиарда 837 миллионов, ну, не буду говорить, сколько тысяч долларов США, после чего «Роснефть», также, очевидно, рассматривая себя законным собственником этих ценных бумаг, практически сразу же перепродала 50 % этого пакета за уже 3 с половиной

миллиарда долларов, то есть за сумму, превышающую уплаченную ей за стопроцентный пакет. Это факты, Ваша честь, к ним добавлю еще один. В ходе предварительного следствия и суда Ходорковский просил сторону обвинения, если она действительно полагает, что имущество, в частности, акции дочерних компаний «ВНК», были похищены и отмыты, принять необходимые меры по наложению на них ареста. Значит, отказ государства и стороны обвинения, прокурор Лахтин, кстати, по этому поводу заявил, что заявления об этом подсудимых процессуально незначимы, значит, фактически означает официальное признание, что ни те, ни другие не считают акции ни похищенными, ни легализованными. Значит, констатация судом обратного, то есть факта хищения и легализации ценных бумаг, будет означать, что государственные органы, а в их лице и Российская Федерация, совершив сделки с имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, изменили права и обязанности, то есть придали правомерный вид их владению, пользованию и распоряжению. Ровно то же самое касается и другого лжепотерпевшего, ОАО «Роснефть», которое знало о предъявленных по данному делу обвинениях, как уже говорилось, заявление, содержащее информацию об этом, было размещено еще в 2006 году на сайте Генеральной прокуратуры, однако совместно с государством активно совершало действия по... сделки по приобретению и перепродаже вот этого якобы похищенного. Перефразируя известного персонажа из фильма «Место встречи изменить нельзя», я бы сказал, что в этом случае статья 174 у «Роснефти» на лбу написана, а у их сообщников, представителей государства, тем паче. Кроме того, учитывая, что якобы похищенные акции существуют и по сей день, подобное решение суда означает, что они подлежат возврату законному владельцу, в данном случае потерпевшему – «ВНК», а следовательно, в связи с присоединением «ВНК» к «ЮКОСу» и ликвидацией последнего эти акции должны быть изъяты одним лжепотерпевшим, государством, у другого лжепотерпевшего, «Роснефть», и переданы акционерам ОАО «НК «ЮКОС». Вот в связи со всем этим я бы посоветовал представителям государства, которое не только ничего не потеряло в результате сделок мены, все акции были возвращены ОАО «ВНК», но, и, поучаствовав в отмывании, выгодно продало свой 36-процентный пакет акций, с учетом стоимости этих якобы похищенных акций, потом повторно обогатилось в результате продажи этих акций в ходе незаконного банкротства «ЮКОС», а после этого набралось наглости, и предстало на данном процессе в роли потерпевшего, значит, обманывая суд и требуя 3 миллиарда 621 миллион рублей в качестве возмещения за якобы похищенные акции, то есть за то, что оно уже дважды продало после мнимого хищения с выгодой для себя – в 2002 и в 2007 году, а на момент сделок вообще принадлежало не ему, а ОАО «ВНК», 54 % пакет акций которого принадлежал «ЮКОСу». Здесь же еще раз хочу обратить внимание на то, о чем говорил и Ходорковский, и мой коллега адвокат Краснов. Утверждение о преступном завладении организованной группой в 1998 году пакетом акций «Томскнефти» означает, что с присвоением принадлежащей этой компании нефти просто беда. Значит, пропадает законность вверения. Подводя итог, скажу, что все представленное суду обвинение в хищении и легализации акций – это одно большое вранье, и честная оценка за него легализаторам в синих мундирах – это «кол» в придачу с уголовным делом (я кол, имею в виду оценку, Ваша честь, не осиновый), в придачу с уголовным делом о привлечении заведомо невиновных лиц к уголовной ответственности. И что самое важное, Ваша Честь, давность привлечения к уголовной ответственности за совершение этого преступления – десять лет. Так что расслабляться предъявившим это обвинение следователям и поддерживавшим его в суде прокурорам рановато. Первым – до 2012 года, как минимум, до 2017 года, а вторым – до 2020 года. Учитывая изложенное, я прошу, Ваша честь, суд оправдать Ходорковского и Лебедева по эпизоду так называемой легализации акций на основании пункта 2 части первой статьи 24, в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, а ссылки

государственных обвинителей на истечение сроков давности рассматривать в качестве попытки уйти от ответственности за совершение ими того преступления, о котором я сказал. Спасибо.

Судом ставится вопрос о возможности отложения судебного заседания.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Судебное заседание отложить на 28 октября 2010 года в 10 часов 30 минут.

Повторить вызов участников процесса.

Судебное заседание закрыто в 19 часов 30 минут.

Судья

Секретарь

В.Н. Данилкин

М.И. Капусткина